Курганский
государственный
университет

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР

43-38-36

Н. Н. Цыцаркина ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФРЕЙМОВ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Н. Цыцаркина

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФРЕЙМОВ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Курган 2010

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. Н. ЦЫЦАРКИНА

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФРЕЙМОВ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Курган 2010

УДК 802.0+800.1

ББК 81+81.2 Англ

Ц 97

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английского языка РГПУ им. А.И. Герцена О.Е. Филимонова;

д-р филол. наук, профессор кафедры английской филологии РГПУ им. А.И. Герцена С.В. Киселева;

д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы и методики преподавания русского языка и литературы ЧГПУ Г.А. Шиганова.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Ц 97 Цыцаркина Н. Н. Объективация фреймов «социальных отношений» в современном английском языке: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. – 130 с.

Монография посвящена изучению репрезентации фреймов социальных отношений в английском языке. Рассматриваются семантико-синтаксические особенности глаголов, объективирующих фреймы «кооперация», «социальный конфликт» и «власть», которые составляют концептосферу социальных отношений. Особое внимание уделяется особенностям вербализации и развертывания фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение», лежащих в основе когнитивных фреймов новостного политического дискурса.

Предназначается для специалистов в области когнитивной лингвистики, лингвистики текста, социолингвистики, социологии.

Библиограф. – 319 назв.

ISBN 978-5-4217-0047-0

© Курганский государственный университет, 2010

© Цыцаркина Н. Н., 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……5

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ…….....8

1.1. Когнитология. Актуальные аспекты когнитивных исследований в области социальных взаимодействий…….....8

1.2. Репрезентирование социальной реальности……9

1.2.1. Формирование общества как объективной реальности……...9

1.2.2. Социум как реальность для субъекта……...11

1.2.3. Социальная реальность и формирование когнитивного репрезентирования……...12

1.3. Социальные (коллективные) и персональные (индивидуальные) репрезентации…….……15

1.3.1. Уровни функционирования репрезентаций. Социальные стереотипы……15

1.3.2. Персональные репрезентации (социальные стереотипы индивидуального уровня)……18

1.3.3. Фрейм как структурная организация концепта. Фреймовая семантика. Структура фрейма……23

1.4. Социальные отношения как объект социологических исследований…….……..26

1.4.1. Социальное действие……..……...26

1.4.2. Социальное взаимодействие (социальные отношения)…….28

1.4.3. Типы социальных отношений……..29

1.5. Ситуации социальных действий (социальные ситуации)……31

1.5.1. Социальная ситуация кооперации…...…….31

1.5.2. Конфликтная социальная ситуация……..34

1.5.2.1. Определение понятия социального конфликта. Виды конфликтов……..……34

1.5.2.2. Структура конфликтной ситуации……..….36

1.5.2.3. Стадии развития конфликта (динамика конфликтной ситуации)…….37

1.5.3. Социальная ситуация властных отношений……....38

ВЫВОДЫ……..40

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТОСФЕРА КОНФЛИКТНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ФРЕЙМЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»…….…….42

2.1. Процедура отбора глаголов, активизирующих фреймы «социальных отношений»……42

2.2. Структура фреймов «социальных отношений»…….43

2.2.1. Структура фрейма «социальный конфликт»……...43

2.2.1.1. Структура субфрейма «сопротивление»……44

2.2.1.2. Структура субфрейма «протест»……47
2.2.1.3. Структура субфрейма «вооруженное столкновение»……49
2.2.1.4. Структура субфрейма «конкуренция»…….50
2.2.1.5. Факультативные компоненты фрейма «социальный конфликт»……51
2.2.2. Структура фрейма «кооперация» ……..……...52
2.2.2.1. Структура субфрейма «помощь».....52
2.2.2.2. Структура субфрейма «защита»…….....55
2.2.2.3. Структура субфрейма «сотрудничество»……...…57
2.2.3. Структура фрейма «власть»……..……59
2.3. Семантико-синтаксические особенности глаголов, репрезентирующих фреймы «социальных отношений»…….63
2.3.1. Предикаты «социальных отношений» как смешанный тип предикатов……...……...63
2.3.2. Абстрактный характер предикатов «социальных отношений»……...66
2.4. Субъекты и объекты фреймов «социальных отношений»…….69
ВЫВОДЫ……..72

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНЫЕ ФРЕЙМЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» НОВОСТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА…….74
3.1. Новостной политический дискурс……..74
3.1.1. Определение понятия «дискурс»……..……74
3.1.2. Структура дискурса……...……75
3.1.3. Политический дискурс СМИ……76
3.1.4. Информационный политический дискурс……...…78
3.1.5. Информационные жанры (информационный подстиль)……80
3.1.6. Структура новостного текста……82
3.2. Реализация фреймов «социальных отношений» в дискурсе……84
3.3. Объективация гиперфрейма «социальный конфликт» в новостном политическом дискурсе……..86
3.3.1. Статические и динамические характеристики гиперфрейма «социальный конфликт»…….……86
3.3.2. Объективация фрейма «социальный протест» информационном сообщении и аналитической статье……...86
3.3.2.1. Политический протест……..87
3.3.2.2. Экономический протест……93
3.3.3. Объективация фрейма «вооруженное столкновение»……98
ВЫВОДЫ……107

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….110

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ…….……..……115
СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ……...……...128
ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ…….…..129

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика вносит большой вклад в понимание механизмов сознания и изучение природы человеческого разума и интеллекта. Обращение к когнитивным аспектам языка дает нам возможность представить, как отражается в языке человеческий опыт, поведение человека, его отношение к окружающему миру, выявить корреляции между структурами языка и структурами знания.

Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, способ, каким язык представляет мир, – это экспликация способа, посредством которого представляет мир сознание [Алефиренко 2005: 198].

Объектом данного исследования являются рассматриваемые в рамках социоцентрического подхода фреймы социальных (общественных) отношений как совокупность структурных знаний о взаимодействии больших групп в социуме.

Общественные отношения, будучи исторически определенным способом осуществления человеческой деятельности, имеют характер устойчивых, повторяющихся взаимозависимостей, складывающихся лишь на уровне больших групп людей (совокупных общественных субъектов) и в силу этого «безличных феноменов», которые могут быть выделены только в результате абстрактной мыслительной деятельности человека [Гулина 1983: 13]. В общественных отношениях личность участвует только как представитель класса или большой социальной группы.

Таким образом, под социальными отношениями мы будем понимать те или иные способы взаимодействия объединенных в различные группы индивидов.

Основываясь на классификации М. Дойча [Deutsch 1982: 19], мы разделили социальные отношения на отношения кооперации и конфронтации. Кооперация и конфронтация являются двумя неотъемлемыми сторонами жизни общества, всей системы общественных отношений. В отдельную группу мы выделили властные социальные отношения. Конфликтовать и сотрудничать могут как равные, так и неравные по статусу участники взаимодействия. К равным кооперативным взаимоотношениям относятся отношения сотрудничества. Неравными кооперативными взаимоотношениями являются отношения помощи, поддержки и защиты. Равными конфронтационными взаимоотношениями можно считать отношения конкуренции, борьбы; неравными – подчинения и контроля.

В данном исследовании используется метод фреймового представления концептов (М. Минский, Ч. Филлмор, Н.Н. Болдырев, Ю.Н Караулов, Н.Ф.Алефиренко). По определению М. Минского, фреймами называются структуры знания для описания стереотипной ситуации [Минский 1988: 289]. Метод фреймовой семантики – один из наиболее перспективных и эффективных методов изучения принципов организации знания в языке, позволяющий связать языковую единицу с когнитивными структурами, которые стоят за ней.

Теоретической базой исследования послужили также работы Т.А. ван Дейка, Ю. Чарняка, Й. Уилкса, Р. Абельсона, Р. Шенка, О.Е. Баксанского,

Е.Н.Кучера, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, М.В. Никитина, Т.В.Булыгиной, О.Н. Селиверстовой, И.Б. Руберт, В.Е. Чернявской, Е.И.Шейгал, З. Вендлера, Т.С. Дроняевой, Т.Г. Добросклонской, В.И.Добренькова, А.И. Кравченко и др.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что стереотипные социальные ситуации, в которых реализуются социальные отношения кооперации, конфронтации и власти, воспроизводящиеся в повседневной жизни с помощью социальных институтов, обычаев, традиций и т.п., могут быть представлены в памяти в форме фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть». Каждый из этих фреймов включает в себя ряд субфреймов, а вместе они образуют концептосферу социальных отношений.

Под концептосферой будем понимать область знаний, составленную из концептов как ее единиц [Попова, Стернин 2007: 35]. Концепты, образующие концептосферу, вступают по отдельным признакам в системные отношения сходства, различия, иерархии с другими концептами.

Под концептосферой социальных отношений мы будем понимать упорядоченную совокупность концептов социальных отношений, в нашем случае – сложных концептов-фреймов.

В новостном политическом дискурсе фреймы «социальных отношений», вербализируемые глаголами, переходят на качественно иной уровень, реализуясь как когнитивные фреймы текста.

Целью монографии является выявление механизмов формирования и описание способов объективации фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть» глаголами «социальных отношений», а также выявление особенностей функционирования фрейма «социальный конфликт» как когнитивного фрейма новостного политического дискурса.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Рассмотреть трактовки понятия «социальные отношения» как объекта междисциплинарных исследований.

2. Выявить особенности категориальной ситуации, лежащей в основе фреймов «социальных отношений».

3. Рассмотреть семантико-синтаксические особенности глаголов, объективирующих фреймы «социальных отношений».

4. Выявить структуру фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть».

5. Описать структуру фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение», лежащих в основе когнитивных фреймов новостного политического дискурса.

6. Проанализировать особенности развертывания когнитивных фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение» в кратких информационных сообщениях и аналитических статьях.

Актуальность исследования заключается в том, что оно выполняется в русле современных когнитивных исследований, посвященных языковой репрезентации важнейших ментальных величин – концептов. Лингвистические исследования когнитивного характера позволяют систематизировать окружаю-

щую действительность через языковую структуризацию, выявить иерархические отношения внутри концепта. Актуальность работы определяется также недостаточной изученностью концептосферы социальных отношений и способов ее объективации в англоязычном новостном политическом дискурсе.

Материалом исследования послужили современные газетно-публицистические тексты (информационные сообщения и аналитические статьи британских и американских газет The Times, The Guardian, The Observer, The Chicago Tribune, The Post-Crescent), использовались также данные электронной базы British National Corpus, англоязычных толковых словарей.

Методологической базой исследования являются следующие методы: концептуальный анализ, фреймовый анализ, компонентный анализ, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ.

Научная новизна работы обусловлена тем, что фреймы «социальных отношений» в английском языке до настоящего времени еще не являлись предметом комплексного изучения. Новизна исследования состоит также в том, что ситуации сотрудничества и конфликта, их типология и отличительные черты рассматриваются с точки зрения их когнитивного и лингвистического представления, а не только в русле лингвистической прагматики.

Кооперативное поведение изучалось ранее в лингвистической прагматике («социологическая драматургия» И. Гофмана [Гофман 2003], теория «лингвистической вежливости» П. Браун и С. Левинсона [Brown, Levinson 1978], принцип кооперации Г. П. Грайса [Грайс 1985], теория вежливости Дж.Лича [Leech 1983]). Конфликтное поведение исследовалось с точки зрения коммуникативных неудач (Дж. Гамперц [Gumperz 1982], Б.Ю. Городецкий, И.М.Кобозева, И.Г. Сабурова [Городецкий и др. 1985], О.П. Ермакова, Е.А.Земская [Ермакова и др.1993]), языкового конфликта (С.Г. Ильенко [Ильенко 1996]), речевого конфликта (В.С. Третьякова [Третьякова 2000, 2002, 2003, 2004], Т.А. Гридина [Гридина, Третьякова 2002], В.О. Мулькеева [Мулькеева 2006]). Рассматривалась ментальная модель концепта «конфликт» [Ермолаева 2000], семантическая модель английских глаголов управления (глаголы govern, rule, manage, run) [Амирова 2002], когнитивная семантика глаголов сопротивления в английском языке [Мельгунова 2006], семантика и валентностные свойства глаголов власти в немецком языке [Красильникова 2007]. Однако лингвистическое представление самих ситуаций сотрудничества и конфликта, способы вербальной репрезентации фреймов «социальных отношений» («кооперация», «социальный конфликт» и «власть») и их вертикального развертывания как фреймов политического дискурса еще не были объектом детального анализа.

Результаты и фактический материал исследования могут быть использованы в курсах когнитивной семантики, теоретической грамматики, лингвистики текста, спецкурсах по социолингвистике, на практических занятиях по интерпретации текста.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Когнитология. Актуальные аспекты когнитивных исследований в области социальных взаимодействий

На рубеже 60-70-х годов XX века проблемы языка, мышления и сознания вышли на передний план исследований специалистов разных дисциплин. Изучением процессов восприятия, запоминания, репрезентации в памяти, воспроизведения информации занимались, с одной стороны, психологи (Ф.Джонсон-Лэрд, А. Гарнхэм, В. Кинч), с другой, специалисты по искусственному интеллекту. Задачей этого нового междисциплинарного направления исследований является создание программ для ЭВМ, моделирующих мыслительную деятельность человека. Исследователи, специализирующиеся в области искусственного интеллекта, обратились к новому подходу, не ограничивающемуся перетасовкой слов, которая господствовала ранее в работах по машинному переводу. Важнейшей особенностью данного подхода является, по словам Т. Винограда, «системное манипулирование формальной репрезентацией (знаний. – Н.Ц.)». «Операции, осуществляемые над структурами репрезентаций, обосновываются не фактами о языке, а соответствием между репрезентацией и описываемым миром» [Виноград, Флорес 1995: 215 – 216]. Введя понятие «компьютерной метафоры», специалисты по искусственному интеллекту сосредоточили свое внимание на компьютерном моделировании процессов оперирования различного рода знаниями, необходимыми для воспроизведения и интерпретации текста (Р.Шенк, Р. Абельсон). Познавательные процессы при этом рассматриваются по аналогии с процессами переработки информации в сложных компьютерных системах [Корниенко 1999: 12]. Важный этап моделирования процессов человеческого мышления – изучение текста с точки зрения выяснения структуры знаний, необходимых для его создания [Сергеев 1987: 4]. Многие способы представления знаний разрабатывались первоначально в экспериментах по обработке естественного языка с помощью компьютеров [Виноград, Флорес 1995: 215].

Именно в этот период начала интенсивно развиваться наука о знаниях – когитология/когнитология, возникли специальные дисциплины – когнитивная психология, когнитивная лингвистика и др. Когнитивная лингвистика изучает детерминированный знаниями процесс кодирования и извлечения информации [Белова 1997: 82]. В основе когнитивного подхода лежит фундаментальная идея о том, что мышление представляет собой манипулирование ментальными репрезентациями различных структур знания (фреймов, сценариев, планов).

Цель когнитивистики – познать не только окружающий мир, но и сам процесс познания, а также участвующего в нем субъекта и изменения, претерпеваемые информацией в этом процессе [Павлова 2004: 41].

Как отмечает В.М. Сергеев, важнейшим принципом нового подхода к моделированию мышления стало систематическое исследование зависимости формы представления знаний, необходимых для решения задач, от предметной

области, в рамках которой эти задачи решаются [Сергеев 1987: 18]. Когнитивные исследования, таким образом, оказывают обратное влияние на те области, которые послужили их первичной базой. Одной из наиболее затронутых этим влиянием областей оказались исследования социального взаимодействия. Применение методов представления знаний является весьма перспективным. Основу исследований социальных проблем составляет анализ текста, так как именно он дает значительные возможности для понимания закономерностей человеческого мышления, социально значимых действий людей. Для когнитивного подхода к анализу текстов характерны следующие особенности: 1) объективация структур знания, «стоящих» за текстом, с помощью специальных методов представления знаний; 2) экспликация тех механизмов, которые позволяют понимать текст, выявлять в нем скрытые структуры знаний.

К числу работ, предпринимаемых в русле этого направления, принадлежат исследования национального характера, национального самосознания, культурных норм. Анализ текста представляет собой надежный источник информации об общественной психологии, общественном сознании, культуре общества, самом обществе и общественных отношениях. Общей для данного корпуса изысканий, по мнению А.В. Корниенко, является следующая посылка: язык – фундаментальный аспект культуры, неотъемлемый атрибут человеческой жизни, универсальное средство выражения мысли, объективация всех структур сознания. Язык обеспечивает возможность социального взаимодействия и социального познания, он – предельное основание всей человеческой деятельности как сознательно регулируемой и целенаправленной [Корниенко 1999: 23 – 25].

Исследователи отмечают, что когнитивные методы анализа текстов создают принципиально новые возможности исследования механизмов культурно-исторических процессов. Выявляются специфические для различных культурных традиций, для разных социальных групп внутри одной культурной традиции механизмы сознания, что позволяет по-новому взглянуть на исторические события и ситуации [Сергеев 1987: 16].

1.2. Репрезентирование социальной реальности

1.2.1. Формирование общества как объективной реальности

Прежде, чем исследовать особенности концептосферы социальных отношений, необходимо рассмотреть вопрос о том, что представляет собой социальная реальность. Обратимся к работам по когнитивной психологии. Интересную точку зрения по этому поводу высказывают в своей книге «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман. Разделяют их взгляды отечественные психологи О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер, на работы которых мы будем ссылаться в нашем исследовании.

В соответствии с теорией П. Бергера и Т. Лукмана человек начинает осознавать свою включенность в некоторую социальную структуру в результате институционализации, т.е. с появлением социальных институтов. В трактов-

ке П. Бергера и Т. Лукмана социальный институт – это любая устойчивая типизация привычных повседневных действий и соответствующих «деятелей». Такое определение отличается коренным образом от принятого в социологии, где под социальными институтами понимается организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества [Голубева, Дмитриев 2004: 216].

Всякая человеческая деятельность, повторяющаяся относительно регулярно, постепенно становится привычной. Иными словами, любое часто реализуемое действие со временем становится стандартным и вследствие этого может осуществляться со значительной экономией сил. В результате типизации формируется навык и уменьшается количество рассматриваемых вариантов совершения данного действия. Обладая навыком, субъект уже не затрудняет себя перебором различных способов осуществления действия, а выполняет его практически без сознательного контроля. В итоге, передний план сознания остается открытым для рассуждений и инноваций [Баксанский, Кучер 2001: 28 – 35].

Кроме того, для возникновения социального института необходима группа. Как только происходит взаимная типизация хабитуализированных действий деятелями разного рода, возникает социальный институт, который исходит из того, что действия типа X должны совершаться деятелями типа Y. Результатом институционализации в группе индивидов будет предсказуемость их действий друг для друга. Субъект способен предвидеть поведение окружающих, относя их к той или иной категории деятелей и зная репертуар действий, характерных для данной категории. В результате повседневная жизнь становится для членов группы более предсказуемой.

В процессе институционализации типизируются не только действия, но и деятели, т.е. социальные роли. Роль представляет собой институционализированный порядок на двух уровнях. С одной стороны, субъект в рамках своей роли совершает соответствующие действия уже не от собственного имени, а как исполнитель этой роли. С другой стороны, такой субъект действует как представитель того института, в который включена данная роль, т.е. его роль связана с другими ролями соответствующего институционального репертуара.

Важным следствием наличия различных ролей является разделенность социального запаса знания. Часть его релевантна для всех представителей данного общества, остальное знание распределено среди представителей разных социальных ролей. Накопление специфически ролевого знания начинается с разделения труда, когда отдельные индивиды получают возможность сосредоточиться только на своей специальности.

Институционализация сопровождается легитимацией – процессом, посредством которого оправдывается и обосновывается существование институционализированного мира именно в том виде, в котором он существует в данный момент времени. Легитимация необходима для поддержания сформировавшегося определения реальности, особенно в ходе его передачи новым поколениям. Наиболее развитой формой теоретической легитимации является целостное определение реальности – формирование символического универсума, с

точки зрения которого может быть объяснено любое событие в жизни каждого индивида, а также истории общества в целом. С течением времени институционализированный мир приобретает статус объективной реальности, т.е. происходит его реификация, в результате чего социальные феномены начинают восприниматься не как продукты человеческой деятельности, а как природные явления или даже как проявления божественной воли. Реификации могут подвергаться не только институты, но и роли.

Таким образом, в ходе своего исторического развития человеческое общество посредством институционализации конструирует свой собственный социальный мир, который вследствие реификации воспринимается индивидами как объективная реальность.

1.2.2. Социум как реальность для субъекта

Поскольку для ребенка окружающий его социальный мир не менее объективен, чем объекты и явления физического мира, и, кроме того, по своему онтологическому статусу ничем от них не отличается, важным является вопрос, каким образом происходит освоение субъектом информации о социальном мире, его нормах и правилах поведения.

Факты социальной реальности интернализуются (постигаются и интерпретируются) как определенные значения, при этом становясь для индивида субъективно реальными. С точки зрения психологов, онтогенетический процесс, в ходе которого происходит интернализация общепринятых способов взаимодействия с реальностью, называется социализацией [Баксанский, Кучер 2001: 36]. [1]

Социализация бывает первичной и вторичной. По определению П.Бергера и Т. Лукмана, первичная социализация – первая социализация, которой индивид подвергается в детстве и благодаря которой становится членом общества. Вторичная социализация – каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сферы объективного мира его общества.

Первичная социализация формирует первый мир индивида, включающий язык, мотивационные и интерпретационные схемы, а также институциональные программы и аппарат легитимации – систему, обеспечивающую адаптацию ребенка к окружающей среде.

В ходе первичной социализации индивид принимает не только роли и установки значимых других, но и интернализует их мир. Однако постепенно в сознании ребенка происходит абстрагирование от ролей и установок конкретных других до ролей и установок других вообще – формируется образ обоб-

[1] Иное определение социализации мы встречаем у социологов. Социализация – это процесс формирования личности, в ходе которого индивид усваивает умения, образцы поведения и установки, свойственные его социальной роли [Касьянов 2004: 161].

щенного другого. Индивид начинает идентифицировать себя с всеобщностью других, т.е. с обществом в целом.

Формирование в сознании образа обобщенного другого – решающая фаза социализации вообще и завершающий этап первичной социализации, в ходе которого происходит интернализация институционализированной социальной реальности. В этот же период формируется субъективная целостная идентичность [Баксанский, Кучер 2001: 37 – 42].

С того момента, когда в сознании индивида укореняется понятие обобщенного другого, он становится действительным членом общества и субъективно обладает собственным Я и окружающим миром. Далее индивид начинает включаться во все более разнообразные социальные отношения, требующие перестройки его представления о реальности.

Приобретение специфически ролевого знания, так или иначе связанного с социальным разделением труда, называется вторичной социализацией. Интернализуются «подмиры», представляющие собой частичные реальности, в отличие от «базисного мира», приобретенного в ходе первичной социализации.

В процессе вторичной социализации субъективная реальность не создается раз и навсегда, а трансформируется в ходе социального взаимодействия индивида. Возможны ситуации, когда преобразуется даже первичный, базовый мир индивида (явление альтернации, т.е. ресоциализации).

Таким образом, общество как объективная реальность интернализуется субъектом в ходе процессов социализации, которая делится на первичную и вторичную. В ходе социализации формируется идентичность субъекта, которая детерминируется социальными определениями реальности, а также местом данного субъекта в институциональной структуре общества. Вторичная социализация разворачивается на базе завершенной первичной социализации, т.е. имеет дело с уже сформировавшимся Я и интернализованным миром. Как нам представляется, социальные отношения интернализуются индивидом в процессе первичной социализации на примере малых групп: посещение магазина, детского сада. В ходе вторичной социализации индивид углубляет свои знания мира и социальных отношений, в том числе интернализируя, например, «подмир» политики, где в социальные отношения вступают уже большие группы людей (партии, народы, государства).

1.2.3. Социальная реальность и формирование когнитивного репрезентирования

После анализа специфики социальной реальности и особенностей освоения субъектом информации о социальном мире следует остановиться подробнее на том, как влияет эта реальность на процессы репрезентирования субъектом мира.

Ориентация в разнообразных условиях действительности есть процесс создания когнитивных репрезентаций, структурированных в непротиворечивый образ мира, который надо уметь достроить в случае его неполноты [Глинский,

Баксанский 2000: 116]. В этом случае субъект действует по принципу «заполнения пробелов», достраивая перцептивную ситуацию в соответствии с тем, как он ее понимает [Баксанский, Кучер 2002: 53].

Реальность в представлении индивида, по определению О.Е. Баксанского и Е.Н. Кучера, – многократно отфильтрованный набор стимулов физической, социальной или внутренней среды, моделируемый в социально определенные объекты и явления, знакомые индивиду либо из собственного опыта, либо извлеченные из знания здравого смысла, которое распространено в данном социуме [Баксанский, Кучер 2001: 43].

Специалисты в области когнитивной психологии считают, что познание субъектом окружающей среды определяется его прошлым опытом. Весомый вклад в исследование этой проблемы внес Дж. Брунер, разработавший идеи категоризации и перцептивной гипотезы.

Механизм категоризации, с точки зрения Дж. Брунера, является основным механизмом познания реальности. Познание неизвестного объекта осуществляется путем отнесения его к некоторому классу известных объектов. Информация в памяти человека структурирована. Мышление представляет собой процесс манипулирования структурными элементами опыта (реального или ментального) с целью установления нового знания на основании анализа существующих и установления новых связей между элементами опыта. Результатом категоризации становится построение модели реальности.

Субъект подходит к ситуации, имея определенные ожидания (перцептивные гипотезы) относительно воспринимаемого объекта. Именно эта гипотеза «подсказывает», каким образом осуществить категоризацию, т.е. к какому классу отнести объект или явление. Всякий перцептивный акт включает проверку гипотезы, и принятое решение показывает, насколько она была адекватной [Брунер 1977; Баксанский, Кучер 2000: 50 – 51; Баксанский, Кучер 2001: 43 – 44].

Идеи категоризации и перцептивной гипотезы взаимосвязаны и моделируют процесс познавательной активности человека следующим образом: познание происходит путем категоризации, которая осуществляется субъектом на основании некоторой перцептивной гипотезы, а не путем перебора случайной последовательности вариантов. При этом различные категории имеют неодинаковую вероятность использования субъектом в ходе интерпретации событий и явлений реальности [Баксанский, Кучер 2001: 44].

Сходные взгляды, по мнению О.Е. Баксанского и Е.Н. Кучера, высказывает У. Найссер, который также считает, что актуальное восприятие обусловлено предшествующим опытом индивида. Центральное понятие его концепции – понятие схемы (когнитивной репрезентации), которая является посредником между прошлым опытом и настоящей перцепцией. Смысл этого понятия во многом соответствует смыслу перцептивной гипотезы Дж. Брунера и состоит в том, что она фиксирует типичную ситуацию, в которой субъект обычно взаимодействует с данным объектом. При этом схема отражает не просто совокупность характеристик объекта, но также его связи и отношения с окружающей средой.

Схема – это сеть взаимосвязанных категорий.[1]

Основная функция схемы состоит в предвосхищении событий и явлений в окружающем мире. Она направляет познавательную деятельность индивида [Глинский, Баксанский 2000: 118].

Представляя субъекту информацию о типичном состоянии данного объекта или о стандартном течении явления, схема дает ему гипотезу о состоянии данного объекта или явления в анализируемых обстоятельствах, которую надо подтвердить или опровергнуть. Иными словами, оперирование схемой представляет собой проверку следующей гипотезы: типично ли «поведение» объекта или развитие явления в анализируемых условиях. Если ответ положительный, то явление адекватно описывается выбранной схемой. При отрицательном ответе необходимо подобрать другую схему [Баксанский, Кучер 2001: 44 – 45].

По У. Найссеру, субъект выстраивает схемы, используя собственный опыт взаимодействия с реальностью. В действительности совокупность схем, применяемых данным субъектом для интерпретации окружающей среды, и составляет специфику его когнитивной сферы. Речь идет об особенностях субъективного опыта, а не жизненных обстоятельств, так как арсенал схем обогащается и преобразуется только в ходе интерпретации человеком событий.

Чем обширнее и организованнее система адекватных схем, тем богаче возможности субъекта в процессе взаимодействия с реальностью, и наоборот. Если субъект не имеет собственной адекватной схемы для овладения опытом, он вынужден заимствовать схемы других людей.

Такой субъект может оказаться несамостоятельной фигурой в социальном взаимодействии. Он легко попадает под внешнее влияние, поддается различного рода манипуляциям сознанием, некритически перенимает чужие средства анализа и интерпретации реальности.

Таким образом, человек познает реальность с помощью не только видовых когнитивных механизмов, развитых в онтогенезе, но и имея некоторые персональные схемы интерпретации, выработанные им в ходе взаимодействия со средой на основе социального опыта соответствующего общества. Используя эти схемы, индивид моделирует реальность, выделяя в ней субъективно значимые параметры.

[1] Ср.: понятие ментальной модели Ф. Джонсона-Лэрда. Ментальная модель непосредственно соотносится с так или иначе интерпретированным фрагментом действительности. Модель независима от языка, ее основной источник – чувственное восприятие [Джонсон-Лэрд 1988].

1.3. Социальные (коллективные) и персональные (индивидуальные) репрезентации

1.3.1. Уровни функционирования репрезентаций. Социальные стереотипы

Задача данного раздела – рассмотреть уровни функционирования когнитивных репрезентаций и функции, которые эти репрезентации выполняют.

Каждый отдельный индивид, принадлежащий к определенному обществу, познает мир не в одиночку, а как представитель конкретного общества (социальной группы), находящегося на определенном этапе своего исторического развития [Баксанский, Кучер 2001: 46].

Совокупность категорий и построенных из них когнитивных схем, образующая знание здравого смысла, накапливаемое в опыте поколений, существует в обществе в виде социальных репрезентаций реальности. Их содержание субъект часто заимствует некритически, а частично отвергает или подвергает проверке на собственном опыте, в ходе чего формируются его персональные репрезентации реальности.

Таким образом, выделяются индивидуальный и коллективный уровни функционирования репрезентаций. Так, представления коллективного уровня как общие, базовые подходы к восприятию и интерпретации событий и явлений реальности, а также знания о ней, по определению О.Е. Баксанского и Е.Н.Кучера, и есть социальные репрезентации. Представления о реальности конкретного индивида, интегрированные в его субъективный образ мира, - персональные репрезентации. В современной социальной психологии под социальными представлениями понимается форма знания, являющаяся продуктом коллективного творчества и имеющая практическую направленность, позволяющую создать реальность, единую для некоторой социальной общности [Баксанский, Кучер 2001: 49 – 51].

Персональные репрезентации строятся индивидом на основании социальных представлений общества, в котором он формируется. При этом индивидуальные представления каждого члена группы о заданном объекте и социальные представления группы об этом объекте не всегда совпадают, т.е. носят вероятностный характер.

Следует отметить, что когнитивные репрезентации (схемы У. Найссера, ментальные модели Ф. Джонсона-Лэрда) дают информацию о типичном, стереотипном объекте или явлении. С этой точки зрения их можно назвать социальными стереотипами. Действительно, если мы вспомним, что институционализация, т.е. процесс создания социальных институтов, предполагает стандартизированность, опривычивание социальных действий, что собственно и делает их стереотипными, то термин «социальные стереотипы» представляется нам вполне приемлемым в том понимании, которое вкладывают в этот термин когнитивные психологи.

Термин «социальный стереотип» был введен в 1922 году У. Липпманом и первоначально понимался как ложное, алогичное образование, предвзятое мне-

ние. Данной точки зрения придерживались также П. Брейли, Ф. Мерил, Х.Элдридж, Ф. Тильман и др. В социологии социальные стереотипы определяются как упрощенные, схематизированные образы (представления) фактов социальной реальности, складывающиеся в процессе социализации.

Первые работы отечественных философов-социологов (И.С. Кон, Г.М.Кондратенко, В.А. Ядов), посвященные проблеме социальных стереотипов, появились в 60-е годы XX века. Позднее эту тему развивали В.С. Агеев, Г.У.Кцоева, В.Ф. Петренко, Н.А. Рождественская, П.Н. Шихирев.

В результате «когнитивной революции» в психологии социальные стереотипы стали рассматриваться как продукт нормального познавательного процесса, как относительно устойчивые когнитивные структуры, схематизации общественного опыта, которые служат фильтром для вновь поступающей информации (Д. Гамильтон, Н. Кантор, Дж. Форгас, А. Миллер, М. Сегал, В.С.Агеев, В.Н. Куницына и др.). В соответствии с данным подходом стереотипы, являющиеся элементами категориальной системы человека, опосредуют его дальнейшую когнитивную деятельность, детерминируют и регулируют его поведение. Стереотипизация является составной частью познавательного процесса [Орлова 1992: 7 – 12].

Неоднократно отмечалось, что различные авторы с помощью одного и того же понятия описывают два различных вида стереотипов. Первый вид – это групповые стереотипы, разделяемые большим количеством членов социальных групп относительно стереотипизируемых признаков объектов и ситуаций, вторые - индивидуальные стереотипы, к которым обычно относят фреймы, сценарии, схемы. Они являются социальными по содержанию в силу своей включенности как в коллективную переработку информации обществом, так и перестройку самой социальной среды. По справедливому мнению Е.В. Орловой [Орлова 1992], в таком разночтении нет принципиального противоречия, скорее, здесь следует говорить о двух уровнях существования социальных стереотипов – собственно социального и индивидуального.

Итак, социальные стереотипы представляют собой двухуровневую структуру (ср.: социальные и персональные репрезентации). Социальные стереотипы индивидуального уровня лежат в основе собственно социальных стереотипов в том смысле, что групповые стереотипы складываются из множества индивидуальных.

Основной принцип взаимодействия между двумя уровнями социальных стереотипов формулируется следующим образом: «строительными элементами» культурной коллективной переработки информации является когнитивная деятельность отдельных индивидов. В то же время содержание индивидуальных стереотипов – это социальное творение, культурный и групповой продукт. Таким образом, индивидуальный процесс стереотипизации обусловлен социальным опытом и опосредован индивидуально-психологическими особенностями индивида [Орлова 1992: 16]. Иными словами, имеет место взаимное влияние социальных и индивидуальных представлений. В ходе социализации индивид усваивает культурный опыт социума, в результате происходит персонализация социальных представлений. Затем он как член различных социаль-

ных групп начинает активно участвовать в формировании и преобразовании представлений социума [Баксанский, Кучер 2001: 50].

Для того чтобы индивидуальные стереотипы стали групповыми для данной социальной группы, необходимо сходство объективных условий существования членов группы, определенный уровень развития коммуникационных процессов среди членов группы, использование пропагандистских средств воздействия на их сознание [Базиков 1999: 18].

Существуют различные классификации собственно социальных стереотипов (и социальных репрезентаций соответственно). Так, стереотипы можно классифицировать по субъекту, т.е. носителю данного стереотипа. В соответствии с этим принципом выделяются стереотипы массового сознания, группового сознания, которые в свою очередь делятся на классовые, национальные, этнические, расовые и региональные стереотипы.

Достаточно распространенной является классификация по сферам сознания: мифы (сверхстереотипы), экономические, политические, идеологические, этические, эстетические стереотипы.

По степени устойчивости различаются ситуационные стереотипы, которые имеют короткий период времени своего существования и актуализируются лишь в социальных ситуациях определенного типа, а также базовые, общечеловеческие, надситуативные стереотипы.

Социальные стереотипы индивидуального уровня разделяются на стереотипы объектов и стереотипы ситуаций [Орлова 1992: 7 – 8; Коробов 1990: 11 – 12].

Социальные стереотипы направлены на создание в процессе трудовой деятельности таких условий существования, которые бы обеспечивали приемлемое воспроизводство как отдельных индивидов, так и общности в целом. Другой важной особенностью социальных стереотипов является то, что они направлены на обеспечение жизни индивида в различных социальных образованиях [Меренков 2001: 32].

К основным функциям стереотипов (как правило, собственно социального уровня) обычно относят объяснение и оправдание социальных отношений, когнитивную и межгрупповую дифференциацию, экономию времени. Социальные стереотипы обеспечивают схематизацию передаваемой в процессе наследования информации. Они также способствуют воспроизведению и сохранению определенных ценностей, разделяемых и передаваемых социальными группами от поколения к поколению. Иными словами, социальные стереотипы выполняют функции сохранения и передачи культурно-исторического опыта, защиты групповых ценностей (В.А. Ядов, В.С.Агеев, Т. Тэджфел, С. Московичи, Дж. Форгас).

Кроме того, собственно социальные стереотипы выполняют интегративную функцию, являясь способом формирования единых представлений социальной группы.

Ориентировочная функция социальных стереотипов заключается в том, что с их помощью субъект социального взаимодействия ищет устойчивые ори-

ентиры в информационной среде, позволяющие классифицировать информационные блоки в зависимости от их качества и полезности.

Социальные стереотипы выполняют также коммуникативную функцию, являясь формой познавательной и коммуникативной деятельности [Метелкина 2002: 13 – 14].

Социальные стереотипы индивидуального уровня (по другой терминологии персональные репрезентации) реализуются в познавательной деятельности, т.е. выполняют когнитивную функцию. Они участвуют в процессе производства, преобразования, упорядочивания, восприятия, хранения и использования социальной информации. Поскольку индивидуальные стереотипы (социальные стереотипы индивидуального уровня) являются способом приспособления индивида к условиям окружающей его социальной среды, они выполняют адаптивную функцию, которая проявляется на мыслительном уровне (через создание ментальной репрезентации объекта) и на поведенческом уровне (посредством формирования отдельных поведенческих реакций и моделей поведения, из которых складываются социальные роли).

Индивидуальный стереотип формируется на уровне чувственного восприятия и призван блокировать избыток поступающей к субъекту информации. В этом состоит его фильтрационная функция.

Таким образом, когнитивные репрезентации функционируют на двух уровнях: социальном и персональном. Основными функциями социальных репрезентаций (собственно социальных стереотипов) являются адаптивная, интегративная, ориентировочная, коммуникативная и когнитивная функции. Социальные стереотипы индивидуального уровня выполняют когнитивную, фильтрационную, а также адаптивную функции и формируются в процессе социализации. Для данного исследования наибольший интерес представляют политические стереотипы социальных отношений (прежде всего индивидуального уровня). Это стереотипы ситуаций социальных взаимодействий.

1.3.2. Персональные репрезентации (социальные стереотипы индивидуального уровня)

Обратимся к описанию способов структурирования знания о социальной реальности. В связи с этим следует разграничить термины «знание», «информация» и «познание». Как отмечает А.Г. Гурочкина, информация связана с обработкой непосредственно поступающих данных, в то время как знание составляет часть памяти; это набор сведений, объединенных в систему [Гурочкина 2005: 66].

Познание – процесс отражения и воспроизведения в мышлении действительности, в результате которого происходит накопление знаний; это взаимодействие действительности, систем восприятия, понимания, представления (репрезентации) и порождения информации.

Информация – сообщения о фактах, событиях, процессах, приходящие к человеку по разным каналам и кодируемые, обрабатываемые и перерабатываемые языковыми структурами в процессе коммуникации.

Знание – базисная форма когнитивной организации результатов отражения объективных свойств и признаков действительности в сознании людей, поскольку оно представляет собой важный фактор упорядочения их повседневной жизни и деятельности. Знание – это часть памяти, содержащиеся в сознании сведения, результаты отражения объектов окружающего мира, объединенные в определенную, упорядоченную систему [Алефиренко 2005: 174]. Это данные, репрезентированные или представленные различными когнитивными структурами: фреймами, скриптами, сценариями, пропозициями и т.д.

Действительно, когнитивные репрезентации используются максимально эффективно, если они хорошо структурированы, т.е. образуют систему, удобную пользователю, обеспечивая ему наиболее адаптивное поведение в данных окружающих условиях [Баксанский, Кучер 2001: 51].

Обычно выделяются следующие структуры когнитивных репрезентаций знания о мире: фрейм (схема), сценарий (скрипт).

Термин «фрейм» получил довольно широкое распространение в когнитивной лингвистике, теории искусственного интеллекта, социологии и некоторых других отраслях знания. Большинство авторов понимает под фреймом, вслед за М. Минским, структуру данных для представления стереотипной ситуации. Фрейм – это не одна конкретная ситуация, а наиболее характерные, основные элементы ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу. Графически фрейм можно изобразить в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними. Каждый узел представляет собой определенное понятие, те или иные черты ситуации, которой оно соответствует. Во фрейме выделяются несколько уровней, иерархически связанных между собой. Верхние уровни фрейма несут более абстрактную информацию об объекте, они четко определены, так как образованы обобщенными понятиями, которые всегда справедливы в отношении представляемой данным фреймом ситуации. Фактически здесь дается наименование категории, к которой относится этот фрейм. Нижние уровни графовой структуры не заданы в явном виде и называются терминалами. Они должны быть заполнены конкретными данными в процессе приспособления фрейма к конкретной ситуации, имеющей место во внешнем мире, из того класса ситуаций, которые этот фрейм представляет [Минский 1979: 7; Кулаков 1979: 124 – 128]. Например, празднование дня рождения, посещение магазина.

Таким образом, фреймы дают индивиду гипотезы относительно тех объектов, с которыми он сталкивается в обыденной жизни.

Использование фреймов (по терминологии О.Е. Баксанского и Е.Н.Кучера – схем) позволяет субъекту эффективно встраивать новую информацию в существующий образ мира, помогая ориентироваться в окружающей среде [Баксанский, Кучер, 2000: 51].

Пытаясь познать новую для себя ситуацию, человек выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (фрейм) с тем, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого

класса явлений или процессов.

Фрейм может иметь общие терминалы с другими фреймами. Ряд терминалов фрейма «университет», например, являются общими для фреймов «школа», «училище».

В обычном состоянии основная часть терминалов большинства фреймов заполняется субфреймами, которые называют «приписываемыми по умолчанию». У каждого фрейма есть также набор характеристик, наличие достаточного количества которых приводит к активации фрейма в целом. Активированный фрейм в свою очередь активирует присоединенные к его терминалам субфреймы, а недостающие элементы будут восстановлены «по умолчанию».

Выбор фрейма, как отмечает М. Минский, может варьироваться в зависимости от наблюдаемой ситуации. Характеристики, восстанавливаемые «по умолчанию», легко могут быть заменены другими. Этот процесс происходит быстро, поскольку часть терминалов соотносимых фреймов уже заранее связана между собой. Это облегчает изменение неудачной интерпретации и коррекцию «обманутого ожидания» (Ср.: теории перцептивной гипотезы и когнитивного диссонанса).

Предполагается, что сама логика здравого смысла основывается на умении переходить от одного фрейма к другому, имеющему с предыдущим общие терминалы. При этом некоторые слова указывают не на один фрейм, а на сеть фреймов, связанных между собой на основании обобщения вида «А похоже на В, за исключением признака С». Эта связь является элементом аналогии [Минский 1988: 292].

Хотя и образ мира представляет собой относительно стабильную систему, она, тем не менее, подвержена модификациям в процессе жизни индивида. Находясь под постоянным давлением обратной связи со стороны среды, эта система должна «настраиваться» на происходящие в ней изменения. Такие изменения в индивидуальном плане происходят по принципу уменьшения когнитивного диссонанса. Настройка образа мира субъекта на представления, принятые в социуме, совершается посредством коммуникации [Баксанский, Кучер 2000: 50].

Принято считать, что формирование системы взаимосвязанных фреймов осуществляется в течение всей жизни человека и зависит от приобретаемого им соответствующего опыта. Новые фреймы обычно возникают на основе пересмотра старых с сохранением общих для них терминалов.

Ряд фреймов усваивается индивидом также в процессе обучения (знание социальных установлений) [Филлмор 1988: 65].

С каждым фреймом связана информация разных видов: относящаяся к использованию данного фрейма, предупреждающая о том, что может произойти дальше, предписывающая, что следует предпринимать, если эти ожидания не подтвердятся.

Фреймы бывают разных видов. Основные типы фреймов – статические и динамические (сценарии или так называемые сценарные фреймы). Первые отражают некоторый предмет, например, зеркало, стул, или статическое положение дел, вторые – некоторое длящееся во времени событие или совокупность

взаимосвязанных событий (ситуацию). Например, фрейм «свадьба» выступают в качестве заголовка для серии стереотипных действий: подать заявление в ЗАГС, назначить день свадьбы, пригласить гостей (завязка), расписаться в ЗАГСе или повенчаться в церкви (кульминация), принять участие в свадебном вечере в качестве жениха или невесты (развязка). Все действия представлены на различных отрезках времени, т.е. происходят последовательно, одно за другим. Участники ситуации одни и те же.

Наряду с термином «фрейм» используются и другие, близкие по смыслу термины: схема – schema, schemata; сценарий, скрипт – script; план – plan; когнитивная модель – cognitive model; ситуационная модель – situation model [Bartlett 1932; Schank and Abelson 1977; Абельсон 1987; Чарняк 1983; Уилкс 1983; Гончаренко, Шингарева 1984].

Под схемой (термин Бартлетта [Bartlett 1932]) У. Чейф понимает стереотипную модель, с помощью которой организуется опыт в памяти человека. Схемы определяют концептуальную организацию нашего опыта, наше отношение к нему, связанные с ним ожидания, то, как мы будем о нем рассказывать [Чейф 1983: 42 – 43].

В работах Р. Шенка и Р. Абельсона [Schank and Abelson 1977] и Ю.Чарняка [Чарняк 1983] описываются формальные объекты, весьма напоминающие сценарные фреймы М. Минского. Р. Шенк и Р. Абельсон называют их сценариями (scripts – скриптами). Ю. Чарняк, вслед за М.Минским, называет соответствующие представления информации сценарными фреймами. Однако, как справедливо отмечает сам Ю. Чарняк, разница между этими понятиями чисто терминологическая, а содержательно ощутимого различия нет [Чарняк 1983: 308].

Сценарий (скрипт) – это структура, которая описывает соответствующую последовательность событий в определенном контексте, предопределенная стереотипная последовательность действий, которая определяет хорошо известную ситуацию. Имеется в виду не простое перечисление событий, а каузальная цепочка связанных между собой событий. Под планами Р. Шенк и Р. Абельсон понимают более мелкие структуры для представления серии действий, приводящих к определенной цели [Schank, Abelson, 1977: 422 – 448].

Скрипт представляет собой описание цепи последовательных когнитивных репрезентаций, уместных в данном представлении мира и организованных вокруг какой-либо цели или причины. Скрипт обеспечивает индивиду последовательность гипотез, уместных в конкретной ситуации для объяснения некоторой цепи явлений – события.

В обыденной жизни скрипты позволяют человеку автоматически ориентироваться в знакомых ситуациях. Иными словами, они обеспечивают адаптивное поведение в привычных, повторяющихся условиях. Фактически скрипт – это когнитивная карта мира, дающая субъекту возможность легко ориентироваться в знакомых последовательностях событий.

Если субъект обладает хорошо разработанным скриптом, он не только свободнее ориентируется в окружающем мире, но и быстрее и лучше воспринимает соответствующие элементы новой информации. Теория скриптов объ-

ясняет этот факт тем, что при регулярном повторении некоторой перцепции она превращается в скрипт, при встрече с ней субъект начинает действовать автоматически. Внимание индивида привлекает лишь то, что является неожиданным, т.е. непредусмотренным скриптом.

Использование скрипта приводит к определенному преобразованию непосредственной перцептивной информации. Скрипты увеличивают представленность в когнитивных репрезентациях непосредственно не воспринимаемой в данный момент информации и осложняют восприятие информации, не соответствующей скрипту.

Скрипты являются особенно важными при построении когнитивных репрезентаций на ранних ступенях онтогенеза (у детей), так как позволяют им прогнозировать течение знакомых ситуаций, а значит, действовать автоматически. Скрипты способствуют приобретению ребенком первичной компетентности в окружающем мире, созданию первичной картины мира. Именно они фиксируют на концептуальном уровне типичные причины и следствия разных событий [Баксанский, Кучер, 2000: 52].

Термин «фрейм» получил широкое распространение и представляется нам наиболее удачным.

Существует узкое понимание фрейма применительно к структуре значения лексической единицы. Так, Ч. Филлмор под фреймом понимает «специфическое лексико-грамматическое обеспечение», которым располагает данный язык для описания концептуальных схем, извлекаемых людьми из опыта по наблюдению за реальными жизненными ситуациями [Филлмор 1983: 110].

По-другому фрейм толкуется в социологии, антропологии и теории коммуникации. В этих науках он называется «интерактивным фреймом» [Гофман 2003; Батыгин 2003; Gumperz 1982; Hymes 1974]. Предполагается, что понятие «интерактивный фрейм» определяет то, что происходит во время коммуникативного акта, например, во время поездки в метро, покупки товара в супермаркете, празднования дня рождения, организует наше понимание окружающего и наше поведение в таких повседневных ситуациях.

«Лексико-семантическое» и «интерактивное» понимание структур знания, по мнению А.Г. Гурочкиной [Гурочкина 2005: 65], сближается в теориях когнитивных моделей Дж. Лакоффа [Лакофф 1995] и ментальных пространств Ж. Фоконье [Fauconnier 1985]. В соответствии с этими теориями когнитивные модели (в том числе пропозициональные – фрейм, сценарий) структурируют ментальные пространства, которые представляют собой, по определению Н.Н. Болдырева **[**Болдырев 2000: 50], мыслительную область, область концептуализации, охватывающую понимание реальных и гипотетических ситуаций, а также абстрактных категорий. Ментальные пространства имеют чисто когнитивный статус и не существуют вне мышления.

Таким образом, персональные репрезентации (социальные стереотипы индивидуального уровня) представляют собой фреймовые знания об окружающем мире. С точки зрения когнитивной лингвистики фрейм – структурная организация концепта. Выделяются статические и динамические фреймы (собственно фреймы и сценарии).

1.3.3. Фрейм как структурная организация концепта. Фреймовая семантика. Структура фрейма

Рассмотрим концептуальную теорию подробнее. Понятие «концепт» занимает одно из главенствующих мест в лингвистических исследованиях последних лет. Существуют различные подходы к этому явлению.

В данной работе под концептом мы будем понимать, вслед за Е.С.Кубряковой, оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996: 90].

М.В. Никитин рассматривает фрейм как систему связанных концептов, разграничивая концепты онтологических вещей и концепты признаков. Онтологические вещи – это физические тела, объекты с пространственными границами. Концепты признаков вторичны в силу того, что сами признаки представляются человеку как не существующие отдельно от вещей, а только в мыслительном отвлечении от них. Признаки делятся на признаки-свойства и признаки-отношения. Первые «замкнуты» в самой вещи как ее собственное «достояние», вторые существуют в соотношениях и взаимодействиях вещей. Признаки могут быть простыми и сложными. Сложные признаки представляют собой связку признаков, образующих целостную признаковую структуру [Никитин 2005: 29 – 31]. Фреймы и сценарии – это некоторое множество простых концептов, спаянных как части в импликативное целое. Такие сложные концепты состоят из концептов вещей и концептов приписываемых этим вещам признаков. Это структурированный фрагмент знания о мире на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования. Совокупность соотнесенных фреймов образует сводную когнитивную модель мира – целостную многомерную и многоуровневую структуру знаний о мире. Сам мир в сознании отображается как фрейм наивысшего уровня сложности.

Рядом исследователей фреймы понимаются как структуры, организованные «вокруг» некоторого концепта. Они содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом, имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать то, что в данном обществе является «характерным и типичным» [Дейк ван 1989: 16 – 17; Макаров 1998: 117].

Иное толкование фрейма мы встречаем у Н.Н. Болдырева, который считает фреймом «объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой пакет информации, знания о стереотипной ситуации» [Болдырев 2000: 37].

В нашей работе под фреймом мы будем понимать особым образом структурированный концепт, представляющий когнитивную модель стереотипной ситуации.

Область когнитивной лингвистики, которая связывает значение слова с лежащей в его основе структурой знания, называется фреймовой семантикой.

Фреймовая семантика появилась в середине 70-х годов XX века как продолжение теории падежной грамматики Ч. Филлмора. Он определяет фрейм как

когнитивную структуру, знание которой ассоциировано с концептом, представленным тем или иным словом [Филлмор 1988].

Фрейм, по Ч. Филлмору, – та универсальная структура знания, которая мотивирует, структурирует и определяет объединение номинативных единиц в (семантические макро- и микро-) поля, классы и разряды [Алефиренко 2005: 194].

В настоящее время фреймовая семантика, по определению Н.Н.Болдырева, – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка и структур знания, мыслительного пространства. С ее помощью можно моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта и знаний в значениях языковых единиц, способы активации этих знаний [Болдырев 2000: 56]. Фреймовые структуры могут служить основой лексической категоризации и субкатегоризации языковых единиц по тематическому принципу. Привлечение фреймовых структур помогает объяснить способы формирования различных смыслов на функциональном уровне.

Передавая тот или иной концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст (фрейм) – модель обыденного знания об основных концептах. Фреймы – это модели культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим для части говорящего сообщества [Болдырев 2001: 33].

Как правило, объектом фреймовой семантики являются глаголы, репрезентирующие тот или иной фрейм. Современный фреймовый анализ, также как и падежная грамматика Ч. Филлмора, предполагает выявление отношений между глаголом и его актантами.

Способ структурирования ментального пространства глагола с помощью пропозициональных моделей, т.е. предикатно-аргументных структур, получил название фреймовой семантики [Романова 2008: 43].

Действительно, объективируя интерактивные лексические сети, т.е. связи слов, фрейм помогает произвести детальный семантический анализ глаголов, ибо благодаря фрейму высвечиваются отношения управления, выводятся во внешний план различные участки фрейма. Фреймовый подход вскрывает глубинную структуру, что позволяет унифицировать синтаксические модели, которые используются при описании ситуации, входящей в рамки фрейма. А это в свою очередь дает основание для сравнения различных синтаксических моделей, выявления перспективы предложения, изучения субъектно-объектных отношений [Иванова 2004: 113 – 114].

Таким образом, в данной трактовке фреймы представляют собой структуры знаний, относящихся к часто происходящим ситуациям, которые находят языковое отражение в лексических связях между глаголами и в синтаксисе сложных синтаксических структур.

Фреймовый подход, по мнению когнитологов, позволяет выявить семантические и синтагматические особенности лексической единицы, объяснить такие явления, как полисемия и синонимия.

Фрейм любой степени обобщенности, как справедливо считает

Ю.Н.Караулов, может быть представлен пропозицией, а фреймовая сеть – системой пропозиций [Караулов 1987: 194]; см. также [Дейк ван и Кинч 1988: 186].

Пропозиция, как считают когнитивные лингвисты, – наиболее распространенный способ концептуальной организации нашего знания [Болдырев 2000: 37; Лакофф 1988: 31]. Это модель определенной области нашего опыта, в котором вычленяются элементы – аргументы и базовый предикат, связывающий эти аргументы. Семантические отношения между аргументами представляются в виде определенных семантических функций: агенс, пациенс, экспериенцер, бенефактив, инструмент и т. д.

Содержание фрейма образуется структурированной совокупностью обязательных и факультативных признаков, так называемых «узлов» и «терминалов» (по М. Минскому). Обязательные признаки фрейма объективируются его когнитивно-пропозициональной структурой. Они входят в качестве смысловых элементов в семантическую структуру лексических единиц. Факультативные признаки выполняют в структуре фрейма конкретизирующую функцию. Межфреймовое взаимодействие осуществляется за счет общности факультативных признаков [Алефиренко 2005: 188 – 189].

Фреймы, как уже отмечалось, бывают статическими и динамическими (сценарии или так называемые сценарные фреймы). Первые отражают статическое положение дел, вторые – некоторое длящееся во времени событие или совокупность взаимосвязанных событий (ситуацию). Считается, что «фрейм» шире понятия «сценарий» и содержит последний в качестве своего слота. Сценарий является детализацией фрейма [Лассан 1995: 37].

Т.А. ван Дейк определяет сценарии как абстрактные, схематические, иерархически организованные наборы пропозиций, конечные позиции которых являются незаполненными: их наполнение производится по умолчанию [Дейк ван 1989: 140]. Поэтому эти сценарии могут быть приложены к различным ситуациям путем заполнения этих терминальных позиций конкретной информацией.

Важно подчеркнуть, что и фрейм, и сценарий имеют психологическую реальность, так как хранятся в долговременной семантической памяти человека.

Причем, как отмечают многие исследователи, при формировании фреймов действует принцип этажной переработки: верхний уровень иерархии является сверткой нижнего уровня. Это соответствует представлению о том, что в памяти происходит укрупнение, обобщение событий по некоторым логическим принципам, активация части структуры фрейма приводит к активации всей структуры [Сухих, Зеленская 1998: 113].

С точки зрения фреймовой семантики языковая единица приобретает свое значение в результате выделения конкретного участка соответствующего фрейма. Выделение предполагает структурирование фрейма. Лексическое значение, как считает Ч. Филлмор, передает отдельную сцену, которая соотносится с фреймом посредством «перспективы» – фокусировки внимания на отдельных участках фрейма [Болдырев 2000: 61 – 62].

Фокусирование отдельных участков фрейма может быть направлено на

различные компоненты независимо от их значимости и позволяет активизировать любые его участки, т.е. любые элементы знания. Таким образом, фреймовые структуры могут служить основой лексической категоризации языковых единиц по тематическому принципу. Различные характеристики могут составлять единый фрейм и по-разному акцентироваться в лексических значениях различных глаголов [Чистякова 2005: 29].

Фреймовый подход получил широкое распространение и с успехом применяется для исследования фреймов, представленных глагольной лексикой. Фреймовый анализ использовался, например, при исследовании фреймов «выбор» [Яскевич 1998], «согласие» [Храмова 2003], «принятие решения» [Рыскина 2004], «созидание и придание формы» [Чистякова 2005], «социальная деятельность по достижению цели» [Кузьмичева 2006], «управление» [Дрыгина 2007], «внимание» [Куприева 2007], «прикосновение» [Федотова 2007], концептов «изменение» [Черняева 2008] и «принуждение» [Романова 2008].

Итак, фрейм в соответствии с фреймовой семантикой – это род сложного концепта, когнитивная модель типовой ситуации. Фреймы «социальных отношений» как когнитивная репрезентация социальных ситуаций представляют собой пропозициональные фреймы.

На наш взгляд, именно фреймы «социальных отношений» относятся к фреймам, которые, по мнению Т.А. ван Дейка, относительно постоянны и часто используются членами социума, так как находятся в семантической или социальной долговременной памяти, в отличие от информации, которая необходима лишь в исключительных случаях [Дейк ван 1989].

1.4. Социальные отношения как объект социологических исследований

В предыдущих разделах мы рассмотрели вопрос о том, что представляет собой социальная реальность, как индивид осваивает информацию о социальном мире и структурирует свои знания о реальности. Задачей данного раздела является анализ того, как отражается социальная реальность (прежде всего социальные отношения) в научной картине мира.

1.4.1. Социальное действие

Человеческая деятельность рассматривается философией и социологией как совокупность неопределенного множества действий обособленных индивидов. Каждое из таких действий индивидуально мотивированно и предстает как простейшая единица деятельности и единичный акт поведения. Социальное действие (понятие, введенное М. Вебером) сознательно ориентировано индивидом на ожидания других людей, соотнесено с их настоящим, прошлым или будущим поведением, т. е. заранее предполагает более или менее определенную реакцию. Социальным, следовательно, является лишь такое действие индивида,

которое предполагает существование других людей – обобщенного «другого»; и уже тем самым оно представляет собой определенное общественное отношение [НФЭ 2001: 609].

Классическую теорию социального действия создал великий немецкий социолог М. Вебер. Он выделял четыре типа социального действия: 1) целерациональное действие, когда индивид ориентируется на поведение других людей; эти ориентации или экспектации используются им как «средства» или «инструменты» в его стратегии действий; 2) ценностно-рациональное действие, которое детерминируется верой в религиозные, нравственные и другие ценности, идеалы, независимо от того, ведет такое поведение к успеху или нет; 3) аффективное, т.е. эмоциональное действие; 4) традиционное действие [там же]. Из всех вышеперечисленных лишь два первых типа действий являются собственно социальными.

С точки зрения социологов аффективное поведение не ориентировано на поведение других или сознательный выбор цели. Аффективное действие вообще не имеет цели и совершается при сильном раздражении, вспышке гнева, стрессе, агрессии или душевном подъеме. Традиционное, т.е. институционализированное (см. 1.2.1.), действие протекает по однажды принятой схеме. Оно совершается автоматически, в силу привычки. Раздражителями выступают различные табу и запреты, нормы и правила, обычаи и традиции, например, обычай гостеприимства, привычка чистить зубы по утрам, множество привычных действий, над смыслом которых индивид не задумывается [Добреньков, Кравченко 2004 а): 691 – 693]. На бессознательном уровне вырабатывается четкая схема выполнения необходимых операций, тем самым обеспечивается автоматизм действий, которые человек осуществляет уже без включения разума. Если в жизни человека не происходит ничего неожиданного, то он вполне может обеспечить свою жизнедеятельность лишь с помощью подсознания. Многие люди, как отмечают исследователи, тратят сравнительно мало времени на собственно сознательное мышление. Обычно оно присутствует в виде отдельных, незначительных по времени включений в постоянно осуществляемый поток обработки информации подсознанием [Меренков 2001:43 – 49].

Стереотипность поведения нарушается лишь в том случае, когда возникла какая-либо проблема, которая порождена действительностью, не связанной с прошлым опытом. В этом случае цель и смысл действия определяются заново, и традиционное действие становится социальным.

В отличие от традиционного действия целерациональное требует от человека осознания своих намерений. Сознание, по определению психологов, представляет собой контролируемый и регулируемый процесс конструирования новых программ деятельности, в которых по-новому сочетаются разнообразные элементы представлений о действительности [Меренков 2001: 48].

Социология, по М. Веберу, изучает лишь целерациональное и ценностно-рациональное действие. Ценностно-рациональное и традиционное действие изучается социальной психологией, традиционное и аффективное – психологией [Добреньков, Кравченко 2004 б): 578].

Итак, социальное действие предполагает наличие как минимум двух участников, один из которых является виртуальным, т. е обобщенным «другим». Два типа действия представляют интерес для данной работы – традиционное, изучаемое психологией, и целерациональное, являющееся объектом изучения социологии. Традиционное действие имеет четкую структуру в противовес целерациональному действию, структура которого меняется в зависимости от цели. Однако в основе целерационального действия лежит традиционное действие в том смысле, в котором его понимают когнитивные психологи, т.е как опривыченное и стереотипизированное. Именно целерациональными социальными действиями обмениваются индивиды в процессе социального взаимодействия.

1.4.2. Социальное взаимодействие (социальные отношения)

Для описания фреймов социальных отношений важно определить, какой фрагмент социальной реальности мы будем понимать под социальными отношениями.

Совершая социальные действия, индивид испытывает на себе влияние других индивидов и сам хочет оказать на них определенное воздействие. Происходит обмен действиями (социальное взаимодействие).

В интерактивном процессе, т.е. взаимодействии, партнеры называются акторами. Партнеры (стороны, участники) обмениваются действиями, порой каждому приписана строго определенная роль, например, учителя и ученика, врача и пациента. Взаимодействовать могут не только отдельные индивиды, но и большие группы людей в составе партий, общественных организаций и т. д.

Общество в широком смысле этого слова определяется как совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которых выражается их всесторонняя зависимость друг от друга [Давыдов 2001: 132]. Общественные отношения, будучи исторически определенным способом осуществления человеческой деятельности, имеют характер устойчивых, повторяющихся взаимозависимостей. Такие взаимозависимости складываются лишь на уровне больших групп людей (совокупных общественных субъектов), которые могут быть выделены только в результате абстрактной мыслительной деятельности [Гулина 1983: 13]. Таким образом, общественные отношения включают в качестве своих элементов субъектов с их статусами и ролями в составе больших социальных групп и содержание деятельности и взаимодействий этих групп [НФЭ 2001].

В социуме общественные отношения могут быть признаны одновременно и социальными. Собственно социальные отношения есть аспект, сторона всей системы общественных отношений. Они отражают взаимодействие между группами, индивидами и общностями. Любая сфера общественной жизни всегда имеет свой социальный аспект, поскольку представляет собой систему отношений людей друг к другу и к обществу. Социальные отношения в свою очередь возникают по поводу каких-либо объектов и проявляются как обмен деятельностью и как результат этого обмена. Таким образом, социальные отноше-

ния имеют двойственную природу: содержательно они всегда соотнесены с конкретным видом деятельности, с той или иной сферой общественного бытия, а по участвующим в них субъектам носят социальный характер. Именно субъекты – реальные носители и творцы социальных отношений – определяют их социальную специфику [Каткова 1996: 8 – 9].

Итак, под социальными отношениями мы будем понимать те или иные способы социального взаимодействия объединенных в различные группы индивидов.

В социологии традиционно выделяются три типа социальных взаимодействий – сотрудничество, соперничество (конкуренция) и конфликт.

Сотрудничество – это такой тип взаимодействия, при котором люди осуществляют взаимосвязанные действия для достижения совпадающих целей. Сотрудничество, как правило, является выгодным для взаимодействующих сторон.

Соперничество (конкуренция) предполагает (межгрупповое) разделение, активность, направленную на создание препятствий группе или партнеру по взаимодействию. Они имеют одни и те же цели, но преследуют различные интересы.

Конфликт – скрытое или открытое столкновение конкурирующих сторон с целью реализации своих интересов, причем столкновение приводит к тому, что реализация интересов одной из сторон может оказаться под угрозой [Голубева, Дмитриев 2004: 151 – 153; Сушков 1999: 219 – 220; Добреньков, Кравченко 2004].

Некоторые социологи рассматривают конкуренцию как один из видов конфликта (см. [Тагиров, Тронова 1996]), поэтому, по нашему мнению, все перечисленные выше взаимодействия, как в группах, так и между группами, можно свести к отношениям сотрудничества и конфликта.

Итак, социальное взаимодействие складывается из отдельных актов, называемых социальными действиями, и включает статусы (круг прав и обязанностей), роли, социальные отношения, символы и значения. Только действие, которое направлено на другого человека, и вызывает ответную реакцию, квалифицируется как социальное взаимодействие.

1.4.3. Типы социальных отношений

Основываясь на вышеприведенной классификации социальных взаимодействий, а также классификации социальных отношений М. Дойча [Deutsch 1982: 19], мы разделили социальные отношения на отношения кооперации и конфликта. Кооперативные и конфликтные отношения являются двумя неотъемлемыми атрибутами жизни общества, всей системы общественных отношений.

В отдельный тип социальных отношений мы выделили властные социальные отношения, которые качественно отличаются как от кооперативных, так и от конфликтных отношений.

Властные отношения – это один из видов социальной зависимости. Социальная зависимость есть социальное отношение, при котором социальная система S^1 (индивид, группа или социальный институт) не может совершить необходимые для нее социальные действия d^1, если социальная система S^2 не совершит действий d^2. При этом система S^1 называется доминирующей, а система S^2 – зависимой [Голубева, Дмитриев 2004: 157].

Общество буквально пронизано властными отношениями, официально закрепленными или сложившимися стихийно. Власть появилась с возникновением человеческого общества и сопутствовала его развитию. В настоящее время под властью понимается возможность с опорой на различные средства (силу, авторитет, закон, экономические механизмы, традиции) оказывать воздействие на людей и тем самым проявлять собственную волю. Власть может осуществляться не только отдельным человеком, но и более крупными образованиями, например, объединениями людей и государством в целом [Касьянов 2004: 249].

Отношения зависимости могут присутствовать в той или иной степени во всех других отношениях. Конфликтовать и сотрудничать в соответствии с классификацией социальных отношений М. Дойча [Дойч 1982] могут как равные, так и неравные по статусу участники взаимодействия. К равным кооперативным взаимоотношениям относятся отношения сотрудничества. Неравными взаимоотношениями являются отношения помощи, поддержки и защиты. Равными конфликтными взаимоотношениями можно считать отношения соперничества, конкуренции, борьбы и соревнования.

Социальное взаимодействие основано, как уже отмечалось, на социальных статусах и ролях. Вторую типологию социального взаимодействия дают сферы или системы статусов. Это сферы социального взаимодействия, или социальные сферы жизнедеятельности общества: экономическая, профессиональная, семейно-родственная, демографическая, территориально-поселенческая, политическая, религиозная [Добреньков, Кравченко 2004 а): 694 – 696]. Наибольший интерес для нас представляет политическая сфера, в которой субъектами социально- политического взаимодействия выступают граждане, политические партии, общественные объединения, лоббистские группы, группы давления, политическая элита, государство, различные ветви власти. В мировом сообществе – это национальные государства, международные организации (НАТО, ООН), межнациональные корпорации и т.д. Субъектами политического взаимодействия могут быть и отдельные индивиды, но непременно как представители больших общественных групп (государственный деятель, президент, участник какого-либо политического движения).

Политика, как отмечает Г.Ю. Семигин, включает в себя деятельность органов власти, различных объединений и отдельных индивидов в сфере отношений между государствами, классами, нациями, большими группами людей. Такая деятельность направлена на завоевание, обладание и использование политической власти [Семигин 2001: 273]. Иными словами, политика – отношения между большими группами людей внутри общества, а также между общества-

ми, которые направлены на установление, сохранение и перераспределение власти [Касьянов 2004: 30].

Таким образом, социальное взаимодействие (социальные отношения) – двунаправленный процесс обмена действиями между двумя или несколькими индивидами или группами. Мирный характер взаимодействия называется сотрудничеством (кооперацией), немирный – конфликтом.

В группе или между группами взаимодействие принимает характер совместных действий, заранее спланированных и организованных ради достижения общей цели. Социальные отношения кооперации, конфликта и властные социальные отношения могут иметь место в разных сферах общественной жизни. В политической сфере жизнедеятельности общества противоборствуют или сотрудничают большие социальные группы (политические партии, народные фронты, общественные движения) или индивиды как представители этих групп, а также как субъекты государственной власти.

Рассмотрим подробнее статические и динамические модели социальных действий кооперации, конфликта и власти.

1.5. Ситуации социальных действий (социальные ситуации)

1.5.1. Социальная ситуация кооперации

В современном человеческом обществе модель кооперативного поведения распространяется на все сферы общественной жизни и может считаться универсальной.

Общество регулирует поведение индивидов и соблюдение ими принципа кооперации как через общественные государственные учреждения посредством законодательства, так и с помощью морально-этических норм, функционирующих в обществе. Такой свод моральных установок нацелен на коррекцию поведения личности [Argyle 1968: 223]. Обе системы запрещают агрессию, насилие, нанесение личности какого-либо ущерба.

Общество, наряду с государством и культурой, является средством организации человеческого взаимодействия, благодаря которому достигается координация действий отдельных людей. Координация деятельности людей одновременно создает общество и создается им. Благодаря совместной деятельности люди решают множество проблем, которые они не в состоянии разрешить отдельно друг от друга [Касьянов 2004: 11].

Кооперативные отношения с точки зрения М. Дойча включают отношения сотрудничества, помощи, поддержки и защиты.

Помощь, поддержка и защита характеризуются зависимостью участников общения друг от друга. Зависимость – это отношения, в которых затраты и выгоды от поведения одного участника общения (актора) определяются, по крайней мере частично, действиями другого участника. Сотрудничество характеризуется взаимозависимостью участников. А это означает, что затраты и выгоды всех сторон зависят от их совместного поведения.

Ш. Шварц и Ю. Говард выделили несколько стадий, предшествующих

принятию решения об оказании помощи: 1. Осознание того, что индивид нуждается в помощи; при этом: а) состояние индивида должно быть оценено как состояние человека, действительно нуждающегося в помощи; б) должны быть определены действия для облегчения этого состояния и в) именно те действия, которые потенциальный помощник в состоянии совершить. 2. Выработка чувства морального долга (обращение к системе внутренних ценностей и социальных норм). 3. Оценка потенциальных материальных и нематериальных выгод и издержек от кооперативного поведения. Учитываются как сама ситуация (присутствие свидетелей, опасность для жизни), так и человеческие факторы, т.е. важность для человека тех норм и правил, в соответствии с которыми он действует. 4. Оправдание отказа в помощи: если выгоды и издержки примерно одинаковы, индивид может отказаться от оказания помощи. При этом он постарается ослабить чувство морального долга, оценивая ситуацию по-иному: а) отрицая, что некто нуждается в помощи; б) сомневаясь, что действия с его стороны будут эффективными; в) сомневаясь в своих способностях совершить нужные действия; г) отказываясь от ответственности на основании того, что при определенных обстоятельствах социальные нормы могут не соблюдаться («Если человек относится ко мне плохо, почему я должен относиться к нему хорошо?») [Schwartz, Howard 1982: 332 – 342].

На наш взгляд, эти стадии применимы ко всем типам кооперативных отношений.

($S_1 \rightarrow S_2$) **Помощь**, по мнению Ш. Шварца и Ю. Говард, – это ситуация, в которой индивид (S_2), нуждающийся в поддержке, зависит от действий другого индивида (S_1), который в свою очередь вынужден нести определенные потери для того, чтобы оказать ему помощь [Schwartz, Howard 1982: 327 – 329]. Тот, кто помогает, является активным участником ситуации и контролирует результат; тот, кому помогают, – пассивный и зависимый получатель результата. Обе стороны получают выгоду и несут потери, но по существу их выгоды и потери различны. Помощник действует ради того, чтобы получить психологическую, социальную и /или материальную выгоду. Тот, кому помогают, получает только материальную выгоду. Помощник обычно несет материальные или социальные издержки, в то время как тот, кому помогают, несет социальные или психологические потери.

Помощь, таким образом, обычно предназначается тем, кто в своем нынешнем состоянии зависим от потенциального помощника. Помощник вносит вклад в благосостояние других с ощутимыми для себя материальными потерями.

В равной мере все вышеперечисленное относится, как нам представляется, и к ситуациям поддержки и защиты. Однако если помощь и поддержка предлагаются индивиду, попавшему в трудную жизненную ситуацию, то защита требуется тому, кому угрожает третья сторона, т.е. еще один участник ситуации.

Природа распределения выгод и издержек отличает ситуацию **сотрудничества** от ситуации помощи и защиты. Обычно сотрудничество определяется как совместное поведение, направленное на достижение единой для всех участ-

ников ситуации цели. Таким образом, выгода от данной ситуации является общей для всех сторон.

В определенных случаях участники общения могут воздержаться от сотрудничества, даже когда подсчет абсолютных материальных выгод будет диктовать кооперативное поведение. В частности, препятствовать сотрудничеству могут психологический дискомфорт и предполагаемые групповые санкции за нарушение норм справедливости. И, наоборот, в ситуациях, когда нужно восстановить справедливость, взаимоотношения сотрудничества благодаря моральным, социальным и психологическим выгодам могут возникнуть даже тогда, когда возможны материальные потери.

Степень межличностного риска как фактор в сотрудничестве относится непосредственно к потенциальным материальным выгодам или потерям. Рассчитывая риски, люди должны оценить вероятность сотрудничества или отказа от него других людей. На эти оценки, несомненно, влияют предположения относительно моральных, социальных и материальных выгод или потерь, которые будут иметь партнеры. Взаимообмен - основа сотрудничества, так как он увеличивает осознаваемую вероятность взаимных выгод. Люди могут позволить больший материальный риск, если они предвидят компенсацию в виде социальных и моральных выгод за сотрудничество [Schwartz, Howard 1982: 348].

($S_1 \rightleftarrows S_2$) При **сотрудничестве** имеет место совпадение интересов двух индивидов в достижении одной и той же цели. Возможен также взаимный интерес в отношении некоторой пары целей. Каждый из субъектов при этом добровольно помогает другому субъекту в достижении общей цели (или каждой из целей, в которых они взаимно заинтересованы). Общая цель не обязательно должна быть конечной в планах сотрудничающих субъектов. Возможно, что в дальнейшем каждый из них пойдет своим путем к различным конечным целям. Если в обычных условиях субъекты соперничают, то это иллюстрация временного и неожиданного сближения интересов. Более типична такая ситуация сотрудничества, при которой индивиды дружелюбно настроены друг к другу или сотрудничали раньше [Абельсон 1987: 356].

Таким образом, кооперативные социальные отношения включают отношения сотрудничества, помощи, поддержки и защиты.

Взаимодействие сотрудничества характеризуется наличием общей цели, в достижении которой заинтересованы обе вступающие в контакт стороны. Достижения одной стороны выгодны другой и приближают решение ее проблем.

Социальная ситуация кооперации возникает в том случае, если субъект попадает в сложное положение, угрожающее его жизни или наносящее ущерб его материальному или моральному благополучию (ситуации помощи или защиты). Ситуация защиты отличается наличием враждебно настроенного третьего участника.

К равным кооперативным взаимоотношениям относятся отношения сотрудничества, т.е. координации, к неравным – помощи и защиты.

1.5.2. Конфликтная социальная ситуация

Хотя в человеческом обществе превалирует «кооперативное поведение», основанное, как известно, на сотрудничестве и являющееся нормой жизни, очень часто социальное взаимодействие перерастает в конфликт.

Конфликты как неотъемлемая черта человеческого общества неизменно привлекают внимание исследователей различных отраслей знания – философов, социологов, психологов, а в последнее время и лингвистов. Ученые-лингвисты рассматривают речевую специфику конфликта, виды коммуникативных неудач, речевые стратегии и тактики конфронтации. Обращение к когнитивным аспектам языка дает возможность понять, как преломляются реальные конфликтные ситуации в языке.

Конфликты стали предметом специального изучения лишь во второй четверти XIX века. К основателям конфликтологии относят О. Конта, Г.Спенсера, К. Маркса. Их идеи были развиты социологами Э. Дюркгеймом, М.Вебером, Г. Зиммелем, в первой половине XX века – Т. Парсонсом, Л.Козером, Р. Дарендорфом, К. Боулдингом [НФЭ 2001].

Большой вклад в развитие отечественной конфликтологии внесли А.Я.Анцупов и А.И. Шипилов [Анцупов, Шипилов 2002], которые впервые предприняли попытку с позиций междисциплинарного подхода обобщить и систематизировать научные знания о конфликтах. Следует отметить также работы В.В. Дружинина, А.В. Дмитриева [Дмитриев 2003], А.Г. Здравомыслова [Здравомыслов 1994], Н.В. Гришиной [Гришина 2005], посвященные различным видам конфликтов.

Конфликтологические исследования опираются также на математическое моделирование и современные средства обработки информации (См. [Боярский и др. 1998; Акимов 2002]).

1.5.2.1. Определение понятия социального конфликта. Виды конфликтов

С точки зрения современной науки конфликты (за исключением вооруженных конфликтов) играют положительную роль, помогая прояснить позицию сторон, снять психологическое напряжение, способствуют прогрессу человечества.

Социологи определяют конфликт как скрытое или открытое столкновение конкурирующих сторон с целью реализации своих интересов, причем столкновение приводит к тому, что реализация интересов одной из сторон может оказаться под угрозой [Голубева, Дмитриев 2004: 151].

Интересы, преследуемые участниками конфликта, могут быть конгруэнтными, т.е. совпадающими, противоположными и несовместимыми [Brown 1981: 204].

Обычно выделяются следующие типы конфликтов: внутриличностные, межличностные и внутригрупповые конфликты, а также конфликты между малыми и большими социальными группами.

Конфликты бывают также горизонтальными (между отдельными индивидами либо между группами и общностями одного уровня) и вертикальными (между общностями разного уровня), краткосрочными и долгосрочными.

С точки зрения математической теории игр конфликтные ситуации делятся на ситуации с положительной, нулевой и отрицательной суммой. Конфликты с положительной суммой обнаруживаются там, где выход из ситуации выгоден всем участникам конфликта. В данном случае возможны кооперативные стратегии. Хотя игроки могут и не получить то, к чему стремились, каждый из них может усилить свою позицию. При этом обе стороны могут остаться в выигрыше. В конфликтных ситуациях с нулевой суммой кооперативные стратегии невозможны. Победа одной стороны означает поражение другой. В конфликтах с отрицательной суммой, когда проигрывают обе стороны, кооперация также невозможна [Brown 1981: 211].

Нас интересует, прежде всего, конфликт между большими социальными группами, который некоторые исследователи называют социальным конфликтом в собственном смысле слова. Считается, что центральным объектом конфликтологии сегодня являются именно социальные конфликты.

К большим социальным группам, по определению М.Ю. Зеленкова, относятся социальные классы, политические партии, касты, социальные слои, этнические общности, национальные образования, крупные религиозные объединения. Такие группы конструируются на основе общих для всех членов существенных признаков (экономических, политических, религиозных) [Зеленков 2003: 17].

В конфликтном социальном взаимодействии большие социальные группы отстаивают групповые интересы и преследуют какие-либо общественно важные цели. Социальный конфликт охватывает множество форм проявления групповых столкновений, различающихся масштабом, типом, составом участников, целями, причинами и вызываемыми последствиями [Добреньков, Кравченко 2005: 185].

В противовес межличностным конфликтам социальные конфликты обычно связаны с вопросами распределения материальных благ, принадлежности к властным структурам, конституционными правами и обязанностями.

Социальный конфликт направлен, как правило, на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника. Конфликт - это предельный случай обострения социальных противоречий, выражающихся в многообразных формах борьбы между индивидами или различными социальными общностями [Бабосов 1997: 55].

Таким образом, социальные конфликты могут происходить в разных сферах общественной жизни: политической, экономической, духовной и т. д. Главной особенностью политического конфликта, отличающего его от конфликтов в

других сферах, является то, что он разворачивается вокруг политических ценностей: власти, авторитета, политического статуса.

1.5.2.2. Структура конфликтной ситуации

Прежде, чем рассмотреть социальный конфликт с когнитивной точки зрения, остановимся на том, что социологи понимают под структурой и динамикой конфликта.

Структура и динамика конфликтного взаимодействия изучена довольно хорошо.

Структура конфликта – это совокупность его элементов, их устройство и порядок расположения [Карпенко 2007: 361]. В структуру конфликта исследователи обычно включают его участников, объект, предмет, цели и причины.

Субъекты конфликта – это участники конфликтного взаимодействия, в качестве которых могут выступать отдельные лица, группы, организации [Добреньков, Кравченко 2005: 185].

По степени включенности в конфликт и их роли в нем принято выделять три типа субъектов: прямые, косвенные участники конфликта и третьи силы, заинтересованные в конфликте. Цели прямых участников конфликта объективно или субъективно несовместимы. Они непосредственно связаны конфликтным противостоянием. Косвенные участники конфликта преследуют свои интересы и вносят опосредованный вклад в разжигание и развитие конфликта. В период нарастания конфликта они могут перейти в число прямых участников. Третьи силы направляют со стороны развитие конфликта (организаторы) или выступают посредниками [Тагиров, Тронова 1996: 46].

Главные (прямые) участники социального конфликта называются сторонами. Стороны конфликта – индивиды или группы, непосредственные носители основного противоречия в конфликте, противодействующие и наносящие ущерб друг другу.

К косвенным участникам конфликта можно отнести сочувствующих и жертв. Сочувствующий оказывает моральную поддержку одной из сторон конфликта. Жертва – сторонний субъект, пострадавший в результате конфликта. К третьим силам кроме посредников относят также и организаторов, которые определяют и реализуют стратегию конфликта, осуществляют контроль его развития в своих интересах [Карпенко 2007: 364 - 365].

Объект конфликта – то, на что претендует каждая из конфликтующих сторон, что вызывает их противодействие, предмет их спора, получение которого одним из участников полностью или частично лишает другую сторону возможности добиться своих целей.

Вопрос или благо, из-за которого разгорается конфликт, называют предметом конфликта. Это могут быть территория, деньги, жилище, власть.

Причиной конфликта выступает фундаментальное противоречие интересов или жизненных ценностей двух или более социальных групп (классов, сообществ, обществ) [Добреньков, Кравченко 2005: 186].

Таким образом, в структуру конфликта входят субъекты конфликта (прямые участники или стороны, косвенные участники – сочувствующие и жертвы, третьи силы – организаторы и посредники), объект, предмет и причина конфликта.

1.5.2.3. Стадии развития конфликта (динамика конфликтной ситуации)

Как процесс конфликт имеет начало, завершение и свою динамику. Начало конфликта определяется действиями конфликтующей стороны, направленными против другого участника. При этом последний должен осознавать эти действия как направленные против него и им противодействовать.

Считается, что конфликт начался, если: 1) первый участник сознательно и активно действует в ущерб другому участнику (т. е. своему противнику), при этом под действиями понимаются как физические действия, так и передача информации; 2) второй участник (противник) осознает, что указанные действия направлены против его интересов; 3) второй участник предпринимает ответные активные действия против первого участника.

Выделяется также латентный период развития конфликта, предшествующий открытому конфликту, который включает планирование будущих операций и подготовку к ним [Дмитриев 2003: 63].

В динамике конфликта социологи обычно выделяют следующие стадии: предконфликтная, конфликтная и послеконфликтная.

Предконфликтная стадия (латентный период) включает в себя следующие этапы: возникновение проблемной ситуации, т.е. возникновение противоречия между субъектами, их целями и мотивами; осознание объективной проблемной ситуации субъектами взаимодействия; попытки сторон разрешить объективную проблемную ситуацию неконфликтными способами (убеждение, разъяснение, просьбы, информирование противостоящей стороны); возникновение предконфликтной ситуации (ощущение непосредственной угрозы).

Конфликтная стадия (открытый период) – конфликтное взаимодействие, или собственно конфликт, - состоит из двух этапов: инцидент - первое столкновение сторон, попытка с помощью силы решить проблему в свою пользу; эскалация конфликта – обострение противоборства, при котором последующие воздействия оппонентов друг на друга выше по интенсивности, чем предыдущие.

Послеконфликтная стадия включает в себя три этапа: тенденция к нормализации конфликтов, их ликвидация (сбалансированное взаимодействие сторон: продолжение конфликта силовыми методами не дает результатов, но не предпринимается никаких действий по достижению соглашения); завершение конфликта (разрешение, урегулирование, затухание, устранение или перерастание в другой конфликт); подведение итогов, оценка результатов [Островская 2002: 11].

Если ресурсов одной из сторон достаточно для перевеса соотношения сил в свою пользу, то инцидентом, т.е. первым столкновением сторон, конфликт может и ограничиться. Однако часто конфликт развивается дальше как череда инцидентов.

Рассмотренные периоды и этапы могут иметь различную длительность: от нескольких мгновений до десятилетий. Некоторые этапы могут отсутствовать [Анцупов, Шипилов 2002: 284 – 288; Островская 2002: 11].

Конфликтная ситуация достаточно быстротечна и не включает в себя последовательность смены состояний. Она реализует эту смену через освобождение от кризиса, которым характеризуется. Она входит в конфликт как элементарная единица.

Сама ситуация – это сложившееся положение на момент рассмотрения или выделения ее из конфликтного процесса, точка на линии конфликта или отрезок, сопровождающий время обострения. Она появляется в результате определения или выяснения отношений сторонами конфликта. Определение отношений рассматривается А.Д. Карпенко как дистанционная фиксация стороной момента кризиса [Карпенко 2007: 360 – 361].

Таким образом, кризисных ситуаций в конфликте может быть несколько. Совокупность точек и отрезков в виде кризисных ситуаций может создавать конфликтологический континуум – среду, позволяющую изменять отношения участников и состояние конфликта, т.е. переход от одной стадии к другой. Конфликтные ситуации характерны для последней фазы конфликта – стадии инцидента, противостояния и эскалации. Конфликтная ситуация – это составная часть конфликта, определяющая наличие кризиса отношений. Она возникает в результате выяснения или определения отношений сторонами конфликта и реализуется через их действие или противодействие.

Итак, конфликты имеют пространственные и временные границы (территориальная распространенность, продолжительность, начало и конец). Конфликт всегда начинается как двустороннее (или многостороннее) поведение [Дмитриев 2003: 63]. Ему, как правило, предшествуют действия одной из сторон. Окончанием конфликта нужно считать прекращение действий всех противоборствующих сторон независимо от причины, по которой они имели место (примирение сторон, выход из конфликта одной из сторон или ее уничтожение, вмешательство третьих лиц).

1.5.3. Социальная ситуация властных отношений

Концепт «власть» является одним из центральных концептов, образующих основу общественных институтов.

Власть – это один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение между субъектами, один из которых подчиняется другому [Сушков 1999: 380].

Структура власти достаточно сложна. Она состоит из субъекта, объекта власти, а также ее ресурсов.

Субъект власти состоит из нескольких уровней. На нижнем уровне находятся отдельные люди, которые обладают властью и совершают действия, направленные на изменения в политической сфере. На втором уровне находятся более сложные образования – государство и политические партии, от их имени обычно действуют отдельные люди.

Объект власти – те, на кого власть направлена, кто ей подчиняется. Власть – это всегда двустороннее отношение, в котором воля властителя воздействует на объект власти [Касьянов 2004: 258 – 261].

Любая власть невозможна без подчинения объекта. В противном случае не будет и власти, даже если стремящийся к ней субъект обладает мощными средствами принуждения.

Кроме субъекта и объекта власти принято выделять ее ресурсы (средства). **Ресурсы власти** в широком смысле представляют собой все то, что индивид или группа могут использовать для влияния на других в качестве наказания, поощрения или убеждения.

С точки зрения ресурсов выделяются такие виды власти, как политическая, экономическая, социальная и духовно-информационная. Нас интересуют, прежде всего, политические и экономические властные отношения в больших социальных группах.

Осуществление политической власти в обществе, по мнению А.И.Кравченко, происходит с помощью особого политического механизма, главными составляющими которого являются господство, руководство, управление, организация и контроль [Кравченко 2003: 68]. Этот тезис, как нам представляется, относится в полной мере и к другим видам власти.

Существуют различные концепции власти, характеризующие ее с разных сторон. Системные концепции власти (мобилизационно-целевая, структурно-функциональная и коммуникативная) рассматривают власть как особое явление, признак, присущий кому-либо или чему-либо. Так, в соответствии с мобилизационно-целевой концепцией Т. Парсонса власть – это механизм, который вынуждает общество мобилизоваться для удовлетворения своих потребностей. Согласно структурно-функциональной концепции М. Крозье и Д. Истона власть является свойством общества сохранять свою целостность. Коммуникативная концепция Н. Лумана рассматривает власть как явление, которое имеет коммуникативную направленность. Это общение между теми, кто управляет и теми, кто подчиняется. По мнению Н. Лумана, власть выполняет три важнейших функции: 1) обеспечивает координацию действий в обществе; 2) разрешает конфликты, возникающие в обществе; 3) направляет граждан таким образом, чтобы общие интересы преобладали над частными.

Реляционистские концепции (волевая концепция, силовая концепция, концепция обмена ресурсами и концепция зон влияния) рассматривают власть как результат взаимодействий, отношений между разными людьми и социальными группами. В соответствии с волевой концепцией М. Вебера и К.Маркса власть представляет собой способность одних людей навязывать свою волю другим людям, иногда вопреки их желанию. Ч. Мерриам, предложивший силовую концепцию власти, с термином «власть» связывал обладание средствами,

которые позволяют насильно навязывать свою волю другим. Согласно концепции обмена ресурсами, разработанной П. Блау, в основе власти также лежит обладание властными ресурсами, но их можно обменять на требуемое политическое поведение субъекта, испытывающего в них недостаток. Д. Ронг разработал концепцию зон влияния. Под «зоной влияния» он понимал ту сферу, в которой субъект благодаря определенным ресурсам имеет власть. За пределами этой зоны субъект утрачивает эту власть, т.е. перестает быть управляющим [Касьянов 2004: 255 – 257].

Властные отношения проявляются как на межличностном уровне, так и при взаимодействии больших социальных групп.

Таким образом, принято выделять субъект и объект власти, а также ее ресурсы (средства). Власть может осуществляться не только отдельным человеком, но и более крупными образованиями, например, объединениями людей и государством в целом.

ВЫВОДЫ

1. В ходе исторического развития человеческое общество посредством институционализации конструирует свой собственный социальный мир, который воспринимается индивидами как объективная реальность. Типизируется не только деятельность, но и социальное взаимодействие, т.е. способы обмена действиями объединенных в различные группы индивидов.

2. Институционализированные социальные взаимодействия в социологии традиционно делятся на сотрудничество (кооперацию), соперничество (конкуренцию) и конфликт.

Все перечисленные выше взаимодействия, как в группах, так и между группами, можно свести к отношениям кооперации (сотрудничества) и конфликта.

Для целей нашего исследования мы выделили в отдельный тип отношения власти.

Кооперация – это такой тип взаимодействия, при котором люди осуществляют взаимосвязанные действия для достижения совпадающих целей. Кооперативные отношения включают отношения сотрудничества, помощи, поддержки и защиты.

Конфликт – скрытое или открытое столкновение конкурирующих сторон с целью реализации своих интересов, часто приводящее к тому, что реализация интересов одной из сторон оказывается под угрозой. В конфликтном социальном взаимодействии большие социальные группы отстаивают групповые интересы и преследуют какие-либо общественно важные цели. В противовес межличностным конфликтам социальные конфликты обычно связаны с вопросами распределения материальных благ, принадлежности к властным структурам, с конституционными правами и обязанностями.

Власть – это тип социального отношения, которое проявляется во взаимодействии как минимум двух субъектов. При этом один из субъектов (субъект

власти или доминирующая система) обладает правом и возможностью распоряжаться другим (объектом власти или зависимой системой).

3. Социальные отношения кооперации, конфликта и властные социальные отношения могут иметь место в разных сферах общественной жизни. Для нас наибольший интерес представляет политическая сфера жизнедеятельности общества, в которой противоборствуют или сотрудничают большие социальные группы (политические партии, народные фронты, общественные движения) или индивиды как представители этих групп, а также как субъекты государственной власти.

4. Индивид познает и моделирует социальную реальность с помощью персональных схем интерпретации (фреймов), выработанных им в ходе взаимодействия со средой на основе социального опыта соответствующего общества.

Фреймы являются социальными стереотипами в силу своей включенности как в коллективную переработку информации обществом, так и перестройку самой социальной среды. Но в отличие от собственно социальных групповых стереотипов, фреймы являются стереотипами индивидуального уровня в том смысле, что групповые стереотипы складываются из множества индивидуальных.

Социальные стереотипы индивидуального уровня (фреймы, сценарии) выполняют когнитивную, фильтрационную, а также адаптивную функции и формируются в процессе социализации. Для данного исследования наибольший интерес представляют политические стереотипы социальных отношений. Это стереотипы ситуаций социальных взаимодействий.

5. Существуют различные толкования термина «фрейм». Фреймы определяются как структура данных для представлении стереотипной ситуации (М. Минский). В соответствии с фреймовой семантикой – это род сложного концепта, когнитивная модель типовой ситуации.

В нашей работе под фреймом понимается особым образом структурированный концепт, представляющий когнитивную модель стереотипной ситуации. Фреймы «социальных отношений» как когнитивная репрезентация социальных ситуаций представляют собой пропозициональные фреймы.

Поскольку субъект и объект социального взаимодействия являются неотъемлемыми составляющими стереотипной ситуации социальных отношений в реальной действительности, которая моделируются во фреймах «социальных отношений», данные понятия определяют структуру фрейма как когнитивной проекции данной ситуации в сознании человека.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТОСФЕРА СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ФРЕЙМЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

2.1. Процедура отбора глаголов, активизирующих фреймы «социальных отношений»

В первой главе были рассмотрены наиболее существенные особенности ситуаций, в которых реализуются социальные отношения, даны трактовки этого понятия в социологии, психологии, политологии, проанализированы способы отражения социальной реальности, в том числе и социальных отношений, в сознании индивида (фреймы, сценарии). Это позволило получить общее представление о том, какие лексемы могут репрезентировать фреймы «социальных отношений».

На основании изученного материала было выдвинуто предположение, что социальные отношения представлены в памяти как фреймы «социальных отношений» («кооперация», «социальный конфликт» и «власть»).

На вершине пропозиционального фрейма «социальных отношений» находится сложный предикат, содержащий информацию о социальном взаимодействии. На более низких уровнях располагаются аргументы-участники ситуации: агенс, пациенс, объект и т. д.

Задача второй главы заключается в описании фреймов «социальных отношений», их структуры, семантико-синтаксических особенностей глаголов, репрезентирующих эти фреймы.

При фреймовом подходе глаголы, репрезентирующие фрейм, можно представить как некую структуру, за которой стоит структура данных для репрезентации часто повторяющейся, конвенциональной ситуации, сложный концепт (фрейм).

Методом сплошной выборки из словаря-тезауруса П.М. Роже [Roget's International Thesaurus 1984] были отобраны глаголы, передающие социальные отношения. Далее проведен анализ дефиниций из авторитетных толковых словарей (OALD 2005, ALDCE 2001, MED 2006, OED 1989, LED 2007, LLA 2007, MWO) с целью определения семантических особенностей рассматриваемых глагольных лексем на системном уровне. Полученные данные сопоставлялись с данными словарей других типов (тезаурусов, словарей синонимов, словарей-активаторов – OT 1991, WNDS 1984, LLA 2007). На основании общих сем были сгруппированы глаголы, т.е. выделены субфреймы общих фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть». Анализ фактического материала позволил выделить обязательные и факультативные компоненты данных фреймов.

Для описания фреймов мы воспользовались дефинициями из MED 2006, LED 2007 и OALD 2005, так как данные словари отражают самые частотные смысловые признаки исследуемых глаголов.

Итак, как показало исследование, фреймы «социальных отношений» репрезентируется следующими глаголами:

fight, struggle, battle, protest, contend, counteract, oppose, war, wage war, revolt, rebel, strike, demonstrate, march, hold a vigil, picket, compete, campaign, contest, support, help, assist, aid, back, endorse, defend, protect, guard, safeguard, shield, cooperate, collaborate, work together, pull together, stand together, promote, rule, reign, govern, head, lead, direct, run, administer, manage, operate, command, control, organize, coordinate, consolidate, arrange, mount, stage, set up, dominate, oppress, tyrannize, exploit, supervise, superintend, oversee, monitor.

Фрейм «социальный конфликт» вербализуется глаголами fight, struggle, battle, resist, protest, contend, counteract, oppose, war, wage war, revolt, rebel, strike, demonstrate, march, hold a vigil, picket, compete, campaign, contend, contest.

Фрейм «кооперация» – глаголами support, help, assist, aid, back, endorse, defend, protect, guard, safeguard, shield, cooperate, collaborate, work together, pull together, stand together, promote.

Фрейм «власть» объективируется глаголами rule, reign, govern, head, lead, direct, run, administer, manage, operate, command, organize, coordinate, consolidate, arrange, mount, stage, set up, control, dominate, oppress, exploit, tyrannize, oppress, oversee, monitor, supervise, superintend.

Глаголы такого рода мы назвали глаголами «социальных отношений». Они обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. Такие глаголы не имеют прямого соответствия в экстралингвистической реальности. Они обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и осмысляемых как одно гиперсобытие. Вследствие этого в базовой структуре таких глаголов отсутствует чувственный образ. Общая цель – это и есть тот признак, который лежит в основе номинируемого этими глаголами понятия [Цыцаркина, 1992]. Глаголы «социальных отношений» отсылают реципиента к суженной контекстом зоне референции, из которой он сам извлекает содержание в зависимости от его образованности, социальной зрелости, знания специфики социальных отношений. (О глаголах «социальных отношений» см. подробнее в разделе 2.3.)

Мы не ставили перед собой задачу представить законченный список глаголов, вербализующих фреймы «социальных отношений». Данный список может быть продолжен.

Рассмотрим структуру фреймов «социальных отношений» подробнее.

2.2. Структура фреймов «социальных отношений»

2.2.1. Структура фрейма «социальный конфликт»

Как нам представляется, стереотипные социальные ситуации, в которых реализуются конфликтные отношения между большими социальными группами, преследующими общественно важные цели, представлены в памяти в форме фрейма «социальный конфликт».

Вершина пропозиционального фрейма «социальный конфликт» – предикат, несущий информацию о типе конфликтного социального взаимодействия.

Элементами верхнего уровня являются также субъект (агенс) S_1 и объект (контрагенс) S_2.

Нами были выявлены глаголы, которые выражают предикат фрейма «социальный конфликт» и репрезентируют фрейм в целом. Это такие глаголы, как fight, struggle, battle, protest, contend, counteract, oppose, war, wage war, revolt, rebel, и т.д.

Интегральные семы, по наличию которых данные лексемы включены в одну группу, – это признак «быть против», отражающий отрицательную оценку ситуации субъектом сопротивления, и признак «пытаться остановить развитие неблагоприятной ситуации», указывающий на цель сопротивления.

Как показало исследование, фрейм «социальный конфликт» состоит из четырех субфреймов («сопротивление», «протест», «вооруженное столкновение», «конкуренция») и может объективироваться как один из этих субфреймов. Структура каждого субфрейма зависит от вида конфликтного взаимодействия. Иными словами, каждый субфрейм имеет свою иерархическую организацию со своим набором обязательных и факультативных компонентов. Однако в состав обязательных компоненттов фрейма «социальный конфликт» всегда входят субъект, объект и предикат «социальных отношений».

Рассмотрим структуру каждого субфрейма в отдельности.

2.2.1.1. Структура субфрейма «сопротивление»

Субфрейм **«сопротивление»** репрезентируют глаголы fight, struggle, combat, battle, contend, wage war (campaign), campaign, counteract, resist, oppose.

Ситуация, которую моделирует субфрейм «сопротивление», представляет собой социально обусловленные действия участников конфликтного взаимодействия. Субъект S_1 считает ситуацию, вызванную субъектом S_2, неблагоприятной для себя или общества в целом и, руководствуясь общественно важными целями, оказывает субъекту S_2 противодействие, т.е. пытается не допустить развития этой ситуации или каким-то образом улучшить ее, что отражается в значении глаголов, вербализующих этот субфрейм, например:

oppose – ‘to disagree with something such as a plan or idea and try to prevent it from happening or succeeding’ [LED];

struggle – ‘to fight against smb./smth. in order to prevent a bad situation or result’ [OALD];

fight – ‘to try hard to stop, deal with or oppose smth. bad’ [OALD];

combat – ‘to stop smth. unpleasant or harmful from happening or from getting worse: measures to combat crime /inflation/unemployment/disease’ [OALD];

counteract – ‘to act against in opposition to, or contrary to; oppose’ [OED], ‘to do smth. to reduce or prevent the bad or harmful effects of smth. ’ [OALD];

resist – ‘to use force to stop something from happening’ [LED];

contend – ‘to strive in opposition or against difficulties; struggle [AHDEL];

wage war – ‘to wage a determined and organized effort to control or stop something’ [MED], ‘to wage a fight or an effort over a long period of time to get rid

of or stop smth. unpleasant' [OALD], 'to wage (to be involved in) a struggle over a long period of time to control something harmful' [LED].

Исследуемые глаголы обозначают сопротивление-инициативу, т.е. социально обусловленные действия (выражение несогласия, попытка не допустить развития неблагоприятной ситуации). Такое сопротивление предполагает, по мнению А.Г. Мельгуновой, что инициатива конфликта принадлежит субъекту сопротивления, который имеет на это определенные права и полномочия. При этом противоборствующие стороны примерно равны по ситуативному и, возможно, социальному статусу [Мельгунова 2006: 11 – 14].

Обозначая внешнее сопротивление, данные глаголы отражают реакцию одного индивида (или группы индивидов) на действия другого и передают либо физическое, либо комплексное сопротивление (совершение разного рода действий).

Анализ словарных дефиниций показал, что глагол **oppose** ('to set oneself in opposition, contend against, act in opposition or offer resistance' [OED]) является прототипическим глаголом для данного субфрейма.

Исследование выявило, что глаголы, репрезентирующие субфрейм «сопротивление», каузативны. Они выражают каузацию в чистом виде, приближаясь в этом отношении к служебным глаголам (fight, oppose, battle). Каузируемое состояние передается отдельными компонентами предложения (неличными формами глагола, событийными именами). Эти глаголы обозначают сложную ситуацию, где субъект обусловливает своей деятельностью поддержание определенного положения вещей.

Являясь каузативами, глаголы «социальных отношений» субфрейма «сопротивление» представляют собой включающие предикаты, т. е. стоят выше предикатных знаков – обозначений деятельности. Вследствие этого такие глаголы сочетаются с именами пропозитивной семантики (так называемыми включенными предикатами), которые занимают позиции аргументов.

Включенный предикат данного субфрейма обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение (corruption, evils, crime, discrimination, racism, terrorism, oppression, violence, fraud, inflation, poverty, unemployment):

We have **campaigned** against whaling for the last 15 years [OALD].

The government has restated its determination to **fight** terrorism [MED].

The unions have **resisted** attempts to change the pay structure [LED].

Schools are taking action to **counteract** bullying [MED].

There will be a rally on September 22 for all those who **oppose** direct military action [LED].

armies **contending** for control of strategic territory [AHDEL].

We are determined to **fight** drug abuse in schools [LED].

Nelson wrote 'I have applications from the different line of battle ships for surveys on most of their sails and running rigging which cannot be complied with as there is neither cordage nor sails to replace the unserviceable stores and therefore the evil must be **combated** in the best manner possible' [BNC, CEG: 1151].

Congress is continuing to **oppose** the President's healthcare budget [LED].

Measures to **combat** pollution within the city have been introduced [LED].

При вербализации субфрейма «сопротивление» обязательными компонентами являются субъект (агенс), включающий и включенный предикаты. Второй субъект (объект), т.е. контрагенс, представлен в поверхностной структуре имплицитно. Например, в предложении We will continue to **wage war** on organized crime [MED] «бороться против организованной преступности» (wage war on organized crime) означает ‘бороться против организованных в преступные группировки людей, которые совершают преступления’.

Если в предложении отсутствует включенный предикат, существительное, обозначающее объект, даже если оно является именем собственным, прочитывается пропозитивно и имплицирует деятельность объекта:

It’s hard to keep trying to **fight** the good fight against the Britneys, a reference to Britney Spears and the recent flood of youngish pop sensations [Post-Crescent. May 27, 2000].

В данном примере имя собственное Бритни Спирс теряет конкретно-референтное прочтение и начинает обозначать музыкальную культуру, насаждаемую в среде молодежи певицами, по своим музыкальным вкусам и пристрастиям похожими на Бритни Спирс или подражающими ей. Определенный артикль перед именем, употребленным во множественном числе (the Britneys), подчеркивает, что имеется ввиду не конкретный человек, а то явление, которое с этим человеком связано.

В редких случаях имплицитным может быть как объект, так и включенный предикат (каузируемое действие). Например:

As German leaders prepared for the invasion of the Soviet Union in spring 1941, they agreed a quick summer victory would be followed by the starvation of some 30 million people. … But the Red Army (S_1) **resisted** (P) and Stalin remained in the Kremlin [The Guardian. 21 October 21, 2010].

Верхний уровень субфрейма «сопротивление», вербализованный в этом предложении, представлен субъектом S_1 (the Red Army) и предикатом P (resist), остальные компоненты на поверхностном уровне не эсплицированы, но подразумеваются. «Советская Армия сопротивлялась» (the Red Army **resisted**) означает ‘Советская Армия (S_1) противодействовала (P) вторжению (p – имплицитный включенный предикат) нацистских войск (S_2 – имплицитный объект-контрагенс) в Советский Союз’.

Таким образом, структура вершины субфрейма «сопротивление» выглядит следующим образом: S_1 P (S_2) p, где S_1 – субъект-агенс, P – включающий предикат «социальных отношений», p – (имплицитный) включенный предикат (каузируемое действие), S_2 – (имплицитный) объект-контрагенс.

Глаголы «социальных отношений», выражающие сопротивление, объективируют политические и экономические конфликты и типичны для политического дискурса.

2.2.1.2. Структура субфрейма «протест»

Субфрейм **«протест»** моделирует ситуацию несогласия с материальными условиями жизни (экономический протест) или неприятия господствующего политического курса (политический протест). Такой протест, по мнению С.В.Позднякова, чаще всего выражается определенной акцией, действием, поступком протестного характера. Существуют массовые и индивидуальные, мирные и немирные, организованные и стихийные, прямые и демонстративные формы политического протеста [Поздняков 2002: 13].

В соответствии с существующими в зарубежной социологии подходами формами реализации экономического конфликта выступают обмен, распределение и перераспределение материальных ресурсов. Эти ресурсы включают в себя оплату труда, технически оснащенное рабочее место, загруженность рабочего времени, условия и безопасность труда, организацию трудового процесса, социально-трудовые льготы и компенсации. Борьба за дефицитные ресурсы, а также неустранимое (антагонистическое) противоречие интересов между собственником и наемным работником являются той почвой, на которой вспыхивают экономические конфликты [Добреньков 2005: 193 – 197].

Статусы собственника и наемного работника несовместимы между собой, они разнонаправлены. Статусная несовместимость определяет разные модели поведения. Взаимодействие между ними возникает как пересечение этих моделей, где каждая сторона, конкурируя с другой стороной, защищает свои интересы.

Политический и экономический протест может выражаться в языке одними и теми же средствами.

Субфрейм «протест» объективируется глаголами protest, strike, demonstrate, march, hold a vigil, picket:

protest – ‘to say or do smth. to show that you disagree with or disapprove of smth., especially publicly’ [OALD];

strike – ‘to refuse to work for a period of time as a protest about your pay or conditions of work’ [MED];

demonstrate, hold **a demonstration** – ‘to protest about something with other people in a public place’ [MED];

march – ‘to walk along a road as part of a group of people protesting about something’ [MED];

hold a vigil – ‘hold a quiet political protest at night’ [MED];

picket – ‘to take part in a protest outside a building, especially as part of a strike’ [MED].

В ходе работы с компонентами, образующими семантическую структуру исследуемых единиц, был выделен интегральный компонент «действовать публично, выражая несогласие».

Прототипический глагол для этого субфрейма **– protest** (‘to say or do smth. to show that you disagree with or disapprove of smth., especially publicly’ [OALD]).

Ряд глаголов субфрейма «протест» (march, hold a vigil, picket) каузативны и являются включающими предикатами.

Обязательными компонентами субфрейма «протест» и субфрейма «сопротивление» (активированного глаголами **protest**, **strike, demonstrate**) являются субъект-агенс (S_1), включающий предикат «социальных отношений» (P), включенный предикат (p) (budget cuts, job losses, unemployment and inflation) и имплицитный объект-контрагенс (S_2):

Car workers (S_1) were threatening to **strike** (P) over the job losses (p) [MED].

Hundreds of students (S_1) had gathered to **demonstrate** (P) against the budget cuts (p) [MED].

Workers (S_1) are **protesting** (P) against high unemployment and inflation (p) [MED].

Students (S_1) are **demonstrating** (P) against the war (p) [OALD].

The union (S_1) has voted to **strike** (P) for a pay increase of 6% (p) [OALD].

The emphasis changed after violent clashes with the coalition last week, which broke out as Hojatoleslam al-Sadr's supporters (S_1) **held** huge **demonstrations** (P) against the coalition's closure of one its vitriolic newspapers (p) and arrest of an aide to Hojatoleslam al-Sadr (p), also on murder charges [The Times. April 7, 2004].

Во всех этих примерах имплицитный объект (S_2) – правительство или другая могущественная властная структура.

Включенный предикат также может не эксплицироваться на поверхностном уровне. В этом случае, как правило, упоминается место проведения демонстрации протеста (локатив L). Например:

Mr. Tarar and his colleagues plan to be among thousands of lawyers (S_1) who **will protest** (P) in Islamabad (L), the capital, on Tuesday, when a panel of top judges resumes hearing Mr. Chaudhry's case [The Times. March 31, 2007].

Место проведения протеста – Исламабад (Islamabad). Имплицитный включенный предикат этого предложения – действия судей во время слушаний по делу Mr. Chaudhry. Юристы (S_1 – thousands of lawyers) уверены в предвзятом отношении судей к этому делу.

Если субфрейм «сопротивление» репрезентирован глаголами **march, hold a vigil, picket**, верхний уровень субфрейма включает субъект (S_1) и локатив (L):

Several thousand people (S_1) **marched** (P) on the French embassy (L) [LED].

2000 demonstrators (S_1) **held a candlelit vigil** (P) outside the embassy (L) [LED].

Striking workers (S_1) **picketed** (P) the factory (L) [OALD].

Локатив в данном случае метонимически обозначает группу лиц, например: французское посольство (the French embassy) – это метонимическое обозначение представителей французского правительства, против решений которого протестуют демонстранты; фабрика (the factory) – это руководство или владельцы фабрики, действия которых нарушили права рабочих на достойное вознаграждение за свой труд. Таким образом, глаголы march, hold a vigil, picket в качестве своего второго актанта имеют эксплицитный контрагенс-локатив.

2.2.1.3. Структура субфрейма «вооруженное столкновение»

Субфрейм **«вооруженное столкновение»** моделирует ситуацию военного конфликта с участием двух и более субъектов (групп, коллективов). Это может быть вооруженная борьба, организация восстания или переворота, вооруженный конфликт между государствами.

Субфрейм «вооруженное столкновение» репрезентируют глаголы и глагольные сочетания fight, combat, war, fight a war, wage war (warfare), rebel, rise up, riot, revolt, stage a coup:

fight – '(against smb.) to take part in a war or battle against an enemy' [OALD];

combat – '(very formal) to fight an enemy or opponent [MED];

wage war – 'wage fighting between two or more countries, that involves the use of armed forces and usually continues for a long time' [MED];

rise up – 'to begin to fight against your ruler or government or against a foreign army' [OALD];

rebel – 'to oppose or fight against someone in authority or against an idea or situation which you do not agree with' [LED], 'to rise in opposition or armed resistance against the rightful or established ruler or government of one's country' [ALDCE];

revolt – 'to take violent action against the people in power' [OALD];

stage a coup – 'take control of a country, usually by means of military force' [MED].

Общей семой, объединяющей исследуемые глаголы, является сема «вооруженная борьба».

Прототипический глагол – **fight (**'to take part in a war or battle against an enemy' [OALD]).

При вербализации субфрейма «вооруженное столкновение» обязательными компонентами являются субъект-агенс (S_1), предикат «социальных отношений» (P) и объект-контрагенс (S_2):

The French (S_1) had no desire to **fight** (P) against the British (S_2) [MED].

He called on the people (S_1) to **rise up** (P) against the invaders (S_2) [OALD].

The province (S_1) has **rebelled** (P) against the government (S_2) [OALD].

A band of young disillusioned officers (S_1) **staged a coup** (P) [MED].

<…> his men (S_1) **rose up** (P) and took control of Najaf and several other cities [The Times. April 10, 2004].

В некоторых случаях роли обоих участников совпадают, и они выражаются одним и тем же членом предложения – подлежащим (реципрокальная диатеза):

That the Empire grew in power is certain, but there were civil wars, periods where there was no Emperor, where rival Emperors **warred** against each other … [BNC, CN1:76].

Итак, обязательные компоненты субфрейма «вооруженное столкновение» – S_1 P S_2, где S_1 – субъект-агенс, P – предикат «социальных отношений», S_2 – объект-контрагенс.

Нужно отметить, что субфрейм «вооруженное столкновение» объективирует политический конфликт в новостном политическом дискурсе.

2.2.1.4. Структура субфрейма «конкуренция»

Субфрейм **«конкуренция»** моделирует ситуацию, в которой субъект (S_1) достигает какого-либо преимущества по сравнению с субъектом (S_2). Конкуренция, как считают некоторые социологи, – особый тип конфликта, цель которого – получение выгоды, прибыли либо благоприятного доступа к дефицитным материальным и духовным ценностям. Особенность конкуренции состоит в применении тех форм борьбы, которые признаны в качестве морально-правовых в данном обществе [Тагиров, Тронова 1996: 44].

Субфрейм «конкуренция» объективируется глаголами compete, campaign, contend, contest, fight, oppose, в составе значения которых имеется сема «конкуренция»:

compete – ‘(with/against smb.) (for smth.) to try to be more successful or better than smb. else who is trying to do the same as you’ [OALD];

campaign – ‘to try to win an election’ [MED];

contend – **‘**to compete against someone, for example for a victory or for power’ [MED];

contest – ‘to compete for a job or for success in a competition’ [MED], ‘to take part in a competition, election, etc. and try to win it’ [OALD];

fight – ‘to compete in order to win something or get something’ [MED];

oppose – ‘to compete with smb. in a contest’ [OALD].

Прототипический глагол – **compete** (‘(with/against smb.) (for smth.) to try to be more successful or better than smb. else who is trying to do the same as you’ [OALD]).

Обязательными компонентами субфрейма «конкуренция» являются субъект-агенс (S_1), предикат «социальных отношений» (P) и объект-контрагенс (S_2):

We're (S_1) too small to **compete** with a company (S_2) like that [MED].

He (S_1) intends to **oppose** (P) the prime minister (S_2) in the leadership election [OALD].

Our party (S_1) is ready to **fight** (P) an election at any time [MED].

The party (S_1) **campaigned** (P) vigorously in the north of the country [OALD].

We (S_1) have to **compete** (P) in a commercial environment [MED].

В некоторых случаях оба участника ситуации (субъект и объект – агенс и контрагенс) выражаются на поверхностном уровне подлежащим:

Several companies (S_1, S_2) are **competing** (P) for the contract [OALD].

Иногда это могут быть не две, а три стороны и более:

Three candidates (S_1, S_2, S_3, … S_n) **contested** (P) the leadership [OALD].

2.2.1.5. Факультативные компоненты фрейма «социальный конфликт»

Факультативными элементами фрейма «социальный конфликт» являются темпоратив, локатив, а также причина, спецификация, способ и цель совершения действия, которые могут развернуться в пропозиции:

Prisoners had climbed onto the roof to **protest** about conditions in the jail [LED] (спецификация действия).

Five days of **rioting** followed the police shooting of student leaders [LED] (причина).

It also comes as American officials and politicians start to question his democratic credentials and his ability to **fight** the Taleban and al-Qaeda along the Afghan border [The Times March 31, 2007] (локатив).

Britain **fought** two **wars** in Europe in the last century [LED] (темпоратив, локатив).

<…> a charismatic Islamist leader who had accused Mr Karimov of enslaving Uzbekistan and claimed to have 5,000 followers ready **to fight** against government troops with swords and knives [The Times. May 20, 2005] (способ совершения действия).

The party has been **campaigning** hard in the North [MED] (способ совершения действия, локатив).

Union members have **picketed** the department store since it opened [LED] (темпоратив).

Sophy Sanger soon realized that many of the worst evils of working life — occupational disease, industrial injury, and sweated labour — could be **combated** only by effective international action (спецификация действия) [BNC, GTB: 795].

The rebels have **waged** a guerrilla **war** since 2001 [MED] (темпоратив).

An estimated 5,000 people **marched** through the city to demonstrate against the factory closures [LED] (локатив, цель).

Three armed groups (S_1) were **contending** for power [OALD] (цель).

Several companies (S_1) are **competing** for the contract [OALD] (цель).

We (S_1) can't **compete** with them on price [OALD] (цель).

…the roots of reductionism seem to drive not so much from a free-floating tolerance on the part of the people in general but from the convictions of the most influential elites that crime is best **combated** by social and institutional, rather than specifically penal means [BNC, CRT: 142] (спецификация действия).

He blindly pursued established policies and **fought** to preserve his heritage of power, making little attempt to formulate new policies, and often taking cruel measures to enforce those already in existence [BNC, ASW: 1193] (цель).

Demonstrators violently **resisted** attempts to remove them from the building [LED] (способ совершения действия).

2.2.2. Структура фрейма «кооперация»

Как показало исследование, стереотипные социальные ситуации, в которых реализуются кооперативные социальные отношения между большими социальными группами, преследующими общественно важные цели, моделируются в памяти в форме пропозиционального фрейма «кооперация», вершиной которого является предикат «социальных отношений».

Предикат «социальных отношений» представлен следующими глаголами, которые репрезентируют фрейм в целом: support, help, assist, aid, back, endorse, defend, protect, guard, safeguard, shield, cooperate, collaborate, work together, promote, pull together, stand together.

Интегральная сема данной группы глаголов – «действовать в общих интересах или в интересах другого».

Фрейм «кооперация» состоит из трех субфреймов: «помощь», «защита» и «сотрудничество».

Рассмотрим структуру этих субфреймов более подробно.

2.2.2.1. Структура субфрейма «помощь»

Ситуация, которую моделирует субфрейм **«помощь»**, представляет собой социальное кооперативное взаимодействие. Субъект S_1 считает ситуацию, в которой находится субъект S_2, неблагоприятной и, руководствуясь общественно важными целями, выполняет определенные действия, стараясь облегчать субъекту S_2 выполнение его задачи.

Нами были выявлены глаголы, которые активируют субфрейм «помощь». Это такие глаголы, как help, assist, aid, support, back, endorse, promote:

help – ‘to make it possible or easier for someone to do something by doing part of their work or by giving them something they need’ [LED];

assist – ‘formal to help someone do something, especially by doing all the easier or less important things for them so that their job is easier’ **[**LLA];

aid – ‘to give money, food, or other help to a country or organization that needs it’ [MED], ‘to help someone do something’ **[**LED];

support – ‘to give or be ready to give help to smb. if they need it’ [OALD];

back – ‘to give support to a person, organization, or plan, making them more likely to succeed’ [MED], ‘to support a person or plan by providing money or practical help – use this especially to talk about governments or other powerful groups that support something’ **[**LLA];

back smb./smth. up – ‘to provide support for smb./smth.’ [OALD];

endorse – ‘to show publicly that you support a plan or action, especially by voting for it’ **[**LLA];

promote – ‘to help smth. to happen or develop’ [OALD].

Данные глаголы объединяются общей семой «помощь». Прототипический глагол данного субфрейма – **help** (‘to make it possible or easier for someone to do something by doing part of their work or by giving them something they need’

[LED]). Он входит на правах гиперсемы в структуру других глаголов данного фрейма, например: aid – ‘to **help** someone do something’ [LED]; support **–** ‘to give or be ready to give **help** to somebody if they need it’ [OALD].

Кооперативное поведение – это наиболее типичные отношения в обществе, лежащие в основе успеха в любой деятельности мирного характера; в английском языке эта сфера достаточно хорошо разработана. Это отмечает Ю.Д. Апресян, описывая группу глаголов help, assist, aid как наиболее адекватно, в чистом виде представляющих такие отношения.

Help, assist, aid имеют значение ‘выполняя определенные действия, облегчать другому лицу выполнение его задачи, помогать’ [Апресян 1988: 206].

Help обозначает любой вид физической, материальной, моральной или интеллектуальной помощи независимо от того, идет ли речь о производственной деятельности или действиях, замкнутых в самом субъекте (его передвижении, развитии): to help smb. to drive (out of difficulty).

Help чаще обозначает физическую помощь в определенной производственной деятельности и в этом случае предполагает понимание цели деятельности у субъекта помощи и нужду в ней у ее получателя: to help smb. to build a cottage.

Aid применяется в том случае, если речь идет об абстрактных действиях (to aid in the preparation for the funeral) или если есть необходимость подчеркнуть наличие богатых ресурсов, силы у субъекта помощи и отсутствие этих свойств у ее получателя: to aid the underdeveloped countries.

Assist обозначает тот род помощи, когда основную работу выполняет ее получатель, а субъект помощи участвует в совместной деятельности на вторых ролях, часто под непосредственным руководством основного исполнителя: to help someone do something, especially by doing all the easier or less important things for them so that their job is easier [LLA]:

Several top landscape designers **assisted** in the creation of the garden [MED].

You will be employed to **assist** in the development of new equipment [LED].

The policies were specifically designed to **assist** urban areas [LED].

Однако эти глаголы допускают и единичные действия, например, в сочетании help to do smth. (help smb. chop the wood, carry the bag): Can you help me find my glasses? [MED]

В этом случае help выступает как предикат действия (help me find my glasses означает find my glasses). Если же help употреблен как предикат «социальных отношений», то при нем отсутствует, как правило, указание на конкретный вид деятельности. Help при этом характеризует общее отношение, а не конкретную, актуальную ситуацию помощи, приуроченную к конкретному моменту времени.

Support употребляется с названием событий, социальных и интеллектуальных явлений или фактов. Support может также употребляется с названием лица, его поступков или свойств. В случае использования глагола support в этом значении акцент делается на его ассистивности.

Ассистивность предполагает участие в деятельности, которую организует кто-то другой. Когда нет указания на эту деятельность, происходит лексикали-

зация значения и реализуется другой ЛСВ глагола support –‘to provide money, food, shelter, or other things that someone needs in order to live’ [MED] (поддерживать, помогать, обеспечивать, кормить, содержать), который означает финансовую или материальную поддержку. Все сказанное подтверждается словарями. Так, Ю.Д. Апресян считает, что support в этом смысле обозначает помощь трудом, деньгами или другими материальными благами, мотивируемую либо естественными обязательствами субъекта, либо его бескорыстным стремлением помочь объекту, который находится в трудном материальном положении, не имея необходимых средств к существованию [Апресян 1988: 445]. Support сочетается в этом значении с названием лица – объекта помощи:

Mark has two children to **support** from his first marriage [OALD].

Глаголы «социальных отношений» субфрейма **«**помощь**»** представляют собой включающие предикаты и сочетаются с именами пропозитивной семантики (включенными предикатами), которые занимают позиции аргументов:

She **helped** (to) organize the party [OALD].

A United Nations-**backed** peace plan [OALD].

Members of all parties **endorsed** a ban on land mines [OALD**]**.

We strongly **support** the peace process [LED].

The United Nations has **supported** efforts to return the refugees peacefully [MED].

Включенный предикат данного субфрейма обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение: ban, investigation, process, efforts, rebellion и т. д.

Таким образом, при вербализации субфрейма «помощь» обязательными компонентами являются субъект S_1 (агенс), включающий предикат (P**)**, включенный предикат (p**)**, объект (S_2), который является бенефактивом, т.е. получает выгоду от происходящего. Либо включенный предикат, либо объект (бенефактив) представлены в поверхностной структуре имплицитно:

We (S_1) need to **support (**P) our teachers (S_2) [LED].

An organization (S_1) that **supports (**P**)** people with AIDS (S_2) [OALD].

Ср.: They eventually agreed to **assist** the investigation (p) [MED].

Some suspected that the rebellion (p) was **backed** and financed by the US **[**LED**]**.

Помогать в расследовании (to assist the investigation) означает ‘помогать полиции (имплицитный объект S_2) расследовать преступление (включенный предикат p)’. Поддерживать восстание (back the rebellion) – ‘поддерживать повстанцев (имплицитный объект S_2), которые организовали мятеж (включенный предикат p)’.

В редких случаях на поверхностном уровне могут эксплицироваться как включенный предикат (p), так и объект (S_2):

Everyone came together to **support** him (S_2) in his campaign (p) for justice [MED].

The college’s aim is to **help** students (S_2) (to) achieve (p) their aspirations [OALD].

Public opinion in America **supported** Gandhi (S_2) in his struggle for an independent India (p) [LLA].

Факультативными элементами фрейма являются способ совершения и спецификация действия, т.е. форма проявления помощи:

The rebels were **supported** by a number of foreign governments who provided arms and money [LLA] (спецификация действия – поддержка вооружениями и деньгами).

Employers **suppor**t the training program by offering places for young people **[**LLA**]** (спецификация действия – предоставление рабочих мест).

They have been strongly **promoted** by the WIIC, and many projects have been **assisted** by the HIDB [BNC, AL9: 125**]** (способ совершения действия).

We strongly **support** the peace process [LED] (способ совершения действия).

Итак, анализ показал, что экстралингвистическая ситуация, в которой реализуются кооперативные социальные отношения, моделируется в памяти индивида субфреймом «помощь», объективируемым абстрактными глаголами «социальных отношений».

2.2.2.2. Структура субфрейма «защита»

Субфрейм **«защита»** моделирует ситуацию, в которой субъект S_1 совершает определенные действия с целью не допустить, чтобы субъекту S_2 был нанесен ущерб субъектом S_3, или оградить субъекта S_2 от неблагоприятного воздействия субъекта S_3.

Субфрейм «защита» репрезентируют глаголы defend, protect, guard, safeguard, shield:

defend – ‘to use physical or military force to protect a person or place that is being attacked’ [LLA];

shield – ‘to protect someone from something harmful or unpleasant, especially by putting yourself or something else between them and the cause of the harm’ [LLA];

safeguard – ‘to protect something from harm or damage’ **[**LED], ‘to protect something important, for example people's rights, health, or safety – use this especially about organizations and laws that provide protection’ [LLA];

guard – ‘to protect someone or something from something dangerous or unpleasant’, ‘to try very hard to keep something that is important to you’ **[**MED].

Все анализируемые глаголы объединяются общей семой «защита». Прототипические глаголы – defend и protect. Глагол **defend** означает: ‘1) to protect someone or something from attack’; ‘2) to prevent something from failing, stopping, or being taken away’ [MED]. Глагол **protect** имеет значение ‘to keep someone or something safe from harm, damage, or illness’ [LED].

Глаголы «социальных отношений» субфрейма «защита» представляют собой включающие предикаты и сочетаются с именами пропозитивной семан-

тики (включенными предикатами). Включенный предикат данного фрейма обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение.

При вербализации субфрейма «защита» обязательными компонентами являются субъект S_1 (агенс), включающий предикат (P), объект S_2 (бенефактив) – участник ситуации, получающий выгоду от происходящего, и субъект S_3 (контрагенс), т.е. враждебная бенефактиву S_2 сила или угроза его безопасности, и включенный предикат (p). На поверхностном уровне контрагенс, т.е. субъект S_3, может не появляться.

Объект субфрейма может быть выражен существительным, обозначающим как совокупного субъекта защиты, так и его физические или духовные свойства или состояния (democracy, right to free speech, jobs):

Unless we fight pollution now, we cannot **safeguard** our children's future [LLA].

Кроме того, объект может совпадать с локативом:

Hundreds of soldiers died while **defending** the town [LLA].

US troops in Panama will only be used to **defend** the Canal [LLA].

Troops have been sent to **defend** the borders [OALD].

В данном случае имеется в виду территориальная изолированность субъекта, его нахождение в определенных границах. Защищать границы государства (to defend the borders), например, означает ‘защищать население, граждан этого государства, которые проживают на данной территории’.

Контрагенс S_3, т.е. враждебная бенефактиву S_2 сила или угроза его безопасности, может выражаться существительным, обозначающим субъекта угрозы, предмет, свойство, процесс, действие. При этом существительные, обозначающие свойство, процесс, действие, имеют событийное прочтение и имплицируют субъекта S_3:

the need to **defend** democracy against fascism [LED] (защитить демократически настроенное общество от тех, кто проповедуют фашизм).

The company was blamed for failing to **safeguard** workers against dangerous chemicals [MED] (предмет).

В поверхностной структуре либо включенный предикат (p), либо контрагенс (S_3) представлены имплицитно:

He is anxious to **shield** his children from the press (S_3) [MED] (to shield children from the press – ‘защитить детей от действий (имплицитный p) журналистов (S_3)’).

Steps are being taken to **defend** the city against attack (p) [MED] (to defend the city against attack – ‘защитить город от атаки (p) врагов (имплицитный S_3)’).

Как объект, так и контрагенс могут выражаться именами пропозитивной семантики, которые являются в свою очередь средствами выражения включенных предикатов:

We need to **defend** against military aggression [LED] (aggression имплицирует контрагенс – враг, враждебная страна).

Soldiers have been called in to **guard** the embassy against further attacks [LLA] (attacks имплицирует контрагенс – демонстранты, протестующие

против политики соответствующего правительства, представители которого работают в данном посольстве).

Существительные aggression и attack имплицируют контрагенс S_3, который угрожаает субъекту S_2.

Факультативными элементами фрейма являются способ совершения действия, т.е. то, каким образом осуществляется защита, спецификация действия, темпоратив и инструмент (с глаголом defend):

The company is fiercely (способ совершения действия) **guarding** its independence [MED].

In the 18th and 19th centuries (темпоратив), they **defended** their great overseas empire against pirates, using ships large enough to carry up to 80 cannon (спецификация действия) [BNC, K52: 4507].

They **defended** with fire and explosive bolts (инструмент) [BNC, CJJ: 2575].

2.2.2.3. Структура субфрейма «сотрудничество»

Субфрейм **«сотрудничество»** моделирует ситуацию, в которой субъекты S_1 и S_2 совершают определенные действия, направленные на достижение единой для всех участников ситуации цели. Таким образом, S_1 и S_2 являются бенефициантами, так как выгода от данной ситуации является общей для обеих сторон.

Субфрейм «сотрудничество» репрезентируется глаголами cooperate, collaborate, work together, pull together, stand together:

cooperate – ‘to work with other people to achieve a result that is good for everyone involved’ [MED];

collaborate – ‘to work with someone in order to produce something’ [MED], ‘to work together, especially on a specific piece of scientific, artistic, or industrial work’ [LLA];

stand together – ‘if a group of people stand together, they unite and deal with a difficult or dangerous situation as a group’ [LLA];

pull together – ‘to act, work, etc. together with other people in an organized way and without fighting’ [OALD], ‘if the people in a group pull together, they all work together to deal with a difficult situation’ [LLA].

Общая сема данной группы глаголов – «действовать сообща ради достижения общей цели». Прототипическим глаголом является глагол **cooperate** – ‘to work together with smb. else in order to achieve smth.’ [OALD]; ‘to work with someone else to achieve something that you both want’ [LED].

К обязательным участникам ситуации сотрудничества относятся совокупные субъект (агенс S_1) и объект (коагенс S_2), предикат (**P**). Как агенс, так и коагенс являются бенефактивами, получающими выгоду из создавшегося положения вещей.

Глаголы «социальных отношений» cooperate и collaborate субфрейма «сотрудничество» представляют собой включающие предикаты. Вследствие этого такие глаголы сочетаются с именами пропозитивной семантики и вербалиями

или так называемыми включенными предикатами:

The company has agreed **to cooperate** in the development of this technology [LED].

The two universities are **to cooperate** in the development of a new industrial process [LED].

Traditionally management has called upon workers **to cooperate** in increasing productivity [LLA].

Educators and employers need **to collaborate** in preparing the next generation for employment and adulthood [LLA].

Twenty company divisions for electrical machinery, computers, communications, measuring instruments and systems engineering all **cooperate** in robotics work [BNC, B7B: 581].

В некоторых случаях оба участника ситуации (субъект и объект – агенс и коагенс) выражаются одним и тем же членом предложения – подлежащим (реципрокальная диатеза):

The two groups agreed to **cooperate** with each other [OALD].

They had **cooperated** closely in the planning of the project [OALD].

This event was the result of many organizations **cooperating** and **working together** [LED].

We must all **stand together** on this one **[**LLA].

We can only succeed if we all **work together** as a team [LLA].

Somehow they **stood together** and kept the business going in spite of all that was going on [LLA].

A nation that might disagree with its leaders at times, but will **pull together** for its nation's sake [BNC, EEL: 734].

Ролевые характеристики субъектов S_1 и S_2 тождественны. Важная особенность предикатов, у которых имеются пары таких партиципантов, – допустимость для них сочинения S_1 и S_2 в одну именную группу почти без изменения значения [Тестелец 2001: 208]:

Educators (S_1) and employers (S_2) need **to collaborate** in preparing the next generation for employment and adulthood [LLA].

Ср.: Educators (S_1) need **to collaborate** with employers (S_2) in preparing the next generation for employment and adulthood.

Факультативными элементами субфрейма являются контрагенс S_3 – тот, против кого объединяются субъекты S_1 и S_2, и способ совершения действия (каким образом осуществляется сотрудничество – как правило, подчеркивается идея тесных контактов):

Local people (S_1) decided **to cooperate** with the authorities (S_2) against the rebels (контрагенс S_3) [MED].

In this sense, Labour's (S_1) respect for the constitution and its willingness to **collaborate** with an increasingly strong State (S_2) against extremism of the Left as well as the Right (контрагенс S_3) did not save Britain from fascism: it merely helped capital at the expense of the working class [BNC, ACH: 1137].

They had **cooperated** closely (способ совершения действия) in the planning of the project [OALD].

We have been **collaborating** closely (способ совершения действия) with teachers in devising the lesson plans [MED].

Факультативным элементом субфрейма, вербализуемого глаголами work together, pull together и stand together, является цель совершения действия:

The developed world must provide aid for this to happen, and so people need to realise the depth of the problem and **pull together** so that a large aid programme can be put into practice [BNC, KA3: 79].

He asked Americans to **pull together** in the name of patriotism [BNC, K5D: 4302].

Both sides are going to have **to work together** to find other ways of settling their differences [LLA].

Факультативным элементом субфрейма «сотрудничество» также является темпоратив:

AMR Corp, parent of American Airlines Inc, has agreed to take delivery of a KSR1 later this year and signed a letter of intent to **collaborate** for five years on a project to simplify the task of analysing and manipulating massive amounts of data [BNC, CNM: 26].

Спецификация действия, т.е. то, какие действия включаются в понятие сотрудничества, на поверхностном уровне, как правило, не эксплицирована.

2.2.3. Структура фрейма «власть»

Нами были выявлены глаголы «социальных отношений», которые вербализуют фрейм «власть» в целом. Это такие глаголы, как rule, reign, run, govern, head, lead, direct, administer, manage, operate, command, control, dominate, domineer, oppress, exploit, tyrannize, organize, coordinate, arrange, mount, stage, set up, supervise, superintend, monitor, oversee и т.д.

Признаками, общими для данных глаголов являются признаки «обладание властью» и «ответственность за свои действия».

Как показало исследование, фрейм «власть» состоит из пяти субфреймов («господство», «руководство», «управление», «организация» и «контроль») и может объективироваться как один из этих субфреймов. Структура каждого субфрейма зависит от вида властных отношений.

Структура фрейма состоит из основных и периферийных единиц.

К обязательным компонентам фрейма «власть» мы относим предикат, субъект и объект. Это элементы, без которых невозможна ситуация властных отношений. Стереотипная ситуация властных отношений обязательно включает информацию о лице, обладающем властью, объекте, на которого направлены действия этого лица, и о процессе осуществления власти. Терминальными компонентами фрейма «власть» являются время (темпоратив), место (локатив) и способ совершения действия.

Рассмотрим структуру каждого субфрейма в отдельности.

Субфрейм **«господство»** репрезентируют глаголы dominate, domineer, oppress, exploit, tyrannize. Ситуация господства основана на разделении общества

(не всегда справедливом) на управляющих и управляемых, т.е. тех, кто осуществляет власть, и тех, по отношению к которым она осуществляется. Это отношение предполагает подавление одних другими:

oppress – ‘to treat people who are less powerful in an unfair and cruel way’ [MED];

dominate – ‘to control something or someone, often in a negative way, because you have more power or influence’ [MED];

exploit – ‘(disapproving) to treat smb. unfairly by making them work and not giving them much in return’ [OALD];

domineer – ‘try to control other people and make them obey you’ [MED];

tyrannize – ‘to use your power to treat people in a cruel and unfair way’ [MED].

Глагол **dominate** является прототипическим глаголом для данного субфрейма – ‘to control or have a lot of influence over smb./smth., especially in an unpleasant way’ [OALD] (иметь власть или влияние (особенно неприятное) на кого-л., что-л.). Например:

<…>that loosely structured (Ottoman) empire that was to **dominate** the Middle East until 1918 [BNC].

The regime is accused of **oppressing** religious minorities [OALD].

Children are being **exploited** in many of these factories [MED].

A political leader (S_1) who **tyrannizes** (P) over his people (S_2) [OALD].

Субфрейм **«управление»** (rule, reign, govern, run) моделирует ситуацию единоличного управления на основе неограниченной власти (параметры управления устанавливаются самим субъектом) или на основе власти, ограниченной определенной законодательной базой (управление государством):

rule – ‘to have the official power to **control** a country and the people who live there’ [LED];

run – ‘to be in charge of a business, etc.’ [OALD];

reign (over smb./smth.) – ‘to rule as king, queen, emperor, etc.’ [OALD];

govern – ‘to legally **control** a country or its people and be responsible for introducing new laws, organizing public services, etc.’ [OALD].

Прототипическим глаголом субфрейма «управление» является глагол **rule** – ‘to have the official power to control a country and the people who live there’ [LED].

При вербализации субфреймов «господство» и «управление» обязательными компонентами являются агенс (S_1), предикат «социальных отношений» (P) и патиенс (S_2):

In F Branch, Rimington spied on Patricia Hewitt and Harriet Harman (S_1), then **running** (P) the National Council for Civil Liberties (S_2) [The Observer. September 9, 2001].

African tribal societies (S_2) were traditionally **ruled** (P) by a council of elders (S_1) [LED].

Botswana (S^1) is about the size of Texas and is **governed** (P) by the oldest democracy in Africa (S_2) [LED].

Субфрейм **«руководство»** моделирует ситуацию руководства большими группами людей, организованными либо по профессиональному или производственному признаку, либо по признаку принадлежности к какому-либо общественно-политическому движению. Субфрейм «руководство» объективируется глаголами manage, head, lead, direct, administer, operate, command:

control – ‘to have the power to make decisions and decide what will happen to something’ [MED], ‘to have power or authority to direct, order or restrain’ [ALDCE];

manage – ‘to control or be in charge of a business, a team, an organization, etc.’ [OALD], ‘to direct or control a business or department and the people, equipment, and money involved in it [LED];

head – ‘head or head up [transitive] to be in control of a group or an organization’ [MED], to be in charge of a team, government, organization etc [LED];

lead – ‘to be in control of an organization, group of people, or activity’ [MED], to be in charge of an organization, country, or team, or a group of people who are trying to do something [LED];

direct – ‘to control or be in charge of smb./smth.’ [OALD];

operate – ‘to control a business or organization’ [LED];

command – ‘to be responsible for giving orders to a group of people in the army, navy etc.’ [LED];

administer – ‘[often passive] to manage and organize the affairs of a company, an organization, a country, etc.’ [OALD]:

The pension funds are **administered** by commercial banks [OALD].

He **manages** the family business [MED].

A rebel army was now **controlling** the northern half of the country [MED].

He **commands** the 4th Battalion [LED].

The car hire business **is operated** as a separate company [MED].

Nuns are **operating** an emergency hospital [LED].

Прототипический глагол этого субфрейма – **control** – ‘to have power or authority to direct, order or restrain’ [ALDCE]] (иметь власть или авторитет для того, чтобы возглавлять, приказывать или ограничивать).

Субфрейм **«организация»** моделирует ситуацию согласования, упорядочения, обеспечения взаимосвязи отдельных людей, групп, классов, других общностей людей. Субфрейм репрезентируется глаголами organize, coordinate, arrange, mount, stage, set up:

organize – ‘to prepare or arrange an activity or event’ [MED];

arrange – ‘to plan or organize smth. in advance’ [OALD], ‘to organize or make plans for something such as a meeting, party, or trip’ [LED];

coordinate – ‘to organize the different parts of an activity and the people involved in it so that it works well’ [OALD];

mount – ‘to plan, organize, and begin an event or a course of action’ [LED];

set up – ‘to make the arrangements that are necessary for something to happen’ [LED];

stage – ‘to organize and take part in action that needs careful planning, especially as a public protest: to stage a strike / demonstration / march / protest’ [OALD].

The rally was **organized** by a pro-government group [MED].

A senior embassy official is **coordinating** efforts to free the captives [MED].

Guerrillas have **mounted** an attack on the capital [LED].

Several thousand students **staged** sit-ins and protest marches [LED].

The agencies are working together to **co-ordinate** policy on food safety [LED].

Прототипический глагол для данного субфрейма – **organize** – 'to prepare or arrange an activity or event' [MED].

Субфрейм **«контроль»**, объективируемый глаголами control, supervise, superintend, oversee, monitor, regulate, manipulate, моделирует ситуацию обеспечения соблюдения социальных норм, правил деятельности людей и социальных групп в обществе:

control – 'to make sure that something is done correctly' [LED];

regulate – 'to control an activity, process, or industry officially by using rules' [MED], 'to control an activity or process, especially by rules' [LED];

supervise – 'to be in charge of smb./smth. and **make sure** that everything is done correctly, safely, etc.' [OALD];

superintend – '(formal) to be in charge of smth. and make sure that everything is working, being done, etc. as it should be' [OALD];

oversee – 'to be in charge of a group of workers and check that a piece of work is done satisfactorily' [LED];

monitor – 'to carefully watch and check a situation in order to see how it changes over a period of time' [LED].

The government is **monitoring** the situation closely [LED].

His job was to **supervise** the loading of the ship [MED].

A team leader was appointed to **oversee** the project [LED].

The proposal seeks to change the way the airline industry is **regulated** [MED].

Прототипическим глаголом субфрейма «контроль» является глагол **control** – 'to make sure that something is done correctly' [LED].

Глаголы «социальных отношений» субфреймов «руководство», «организация» и «контроль» представляют собой включающие предикаты. Такие глаголы, как уже упоминалось выше, сочетаются с именами пропозитивной семантики (включенными предикатами).

Включенный предикат данных субфреймов обычно выражается существительным, имеющим событийное прочтение (rally, strike, demonstration, march, protest, work, loading, effort, operation, conference, assistance):

He **superintended** the building work [OALD].

Who's **organizing** the conference? [MED].

The Red Cross **coordinated** assistance to the refugees [LED].

Обязательными компонентами субфреймов «руководство», «организация» и «контроль» являются агенс (S_1), включающий предикат «социальных отношений» (P), включенный предикат (p) и пациенс (S_2). В поверхностной структуре эксплицируется либо включенный предикат (p), либо пациенс (S_2). Например:

With the help of advisers, the President (S_1) will **direct** (P) military operations (p) [MED]. (**Direct** military operations означает ‘руководить **людьми** (имплицитный пациенс S_2), которые участвуют в военных операциях (p)’).

She (S_1) has been appointed **to head** (P) the research team (S_2) [OALD]. (**Head** the research team – ‘руководить (P) **работой** (имплицитный включенный предикат p) исследовательской группы (S_2)’).

Факультативными элементами всех субфреймов являются темпоратив (T), локатив (L), а также способ совершения и (крайне редко) спецификация действия, которые могут развернуться в пропозиции:

Funeral rites were held Monday for Erich Honecker in a ceremony marked by revolutionary fervor and praise for the East German ruler who built the Berlin Wall and **ruled** with an iron fist (M) [The Chicago Tribune. May 31, 1994: 12.] (способ совершения действия).

Trade unionists had been ruthlessly **oppressed** during the dictatorship (T) [MED].

The PRI party has **governed** the country for more than 70 years (T) [LED].

Pharaohs **reigned** over Egypt [(S_2)] for centuries (T) [LED].

В последнем примере пациенс S_2 совпадает с локативом L, что характерно для субфреймов «господство» и «управление».

Итак, сложная экстралингвистическая ситуация, в которой реализуются властные отношения, моделируется в памяти индивида не менее сложным фреймом «власть», объективируемым абстрактными глаголами «социальных отношений», абстрактность которых проявляется как в специфике их процессуального признака, так и в характере их актантов.

Таким образом, свойства глаголов конфликтных социальных отношений зависят от типа этих отношений, т.е. от того фрагмента действительности, который они описывают.

2.3. Семантико-синтаксические особенности глаголов, репрезентирующих фреймы «социальных отношений»

2.3.1. Предикаты «социальных отношений» как смешанный тип предикатов

Остановимся подробнее на предикатах, которые являются основой фреймов «социальных отношений» и выражаются глаголами «социальных отношений».

Большая часть таких предикатов представляет собой обобщение множества конкретных действий.

По мнению Т.В. Булыгиной, они «не описывают конкретных событий или процессов, в которых участвует субъект, они дают им некоторую общую характеристику, подобно именным предикатам, приписывающим субъекту то или иное качество» [Булыгина 1982: 50].

Отправной точкой для выделения данных предикатов послужил критерий временной отнесенности, который был впервые применен З. Вендлером [Vendler 1967] для классификации предикатных типов.

З. Вендлер и его последователи выделяют по типу отношения к оси времени предикаты действия и процесса, с одной стороны, и предикаты свойства, с другой. Первые связаны с конкретной точкой на оси времени, вторые не локализованы во времени. Кроме того, выделяются неточно локализованные во времени предикаты. Они связаны с осью времени опосредованно, т.е. соотнесены не с точкой, а с достаточно большим временным интервалом. К этой группе относятся предикаты состояния.

К предикатам состояния относятся и предикаты, которые З. Вендлер назвал предикатами generic states (предикаты «обобщающего состояния») (например, rule – ‘управлять’), подчеркивая, что состояния в широком смысле слова могут выражать привычки, обыкновения, предрасположения [Vendler 1967: 108], сами по себе предполагающие многократное повторение разнообразных действий. Производное значение состояния реализуется в таких предикатах, как обобщение действий, которые имплицируются результатом, обозначенным соответствующим глаголом. Таким образом, значение состояния акцентируется, в то время как значение действия затемняется и отодвигается на второй план. Производный характер состояния данных предикатов, являющийся следствием отвлечения от серии обусловливающих его действий, и объясняет термин З. Вендлера.

Предикаты generic states являются предикатами смешанного типа, так как обладают свойствами как предикатов состояния, так и предикатов действия [Цыцаркина 1992].

С одной стороны, как и предикаты состояния, предикаты generic states соотносятся с отрезком, а не с точкой на временной оси, о чем свидетельствует сочетаемость таких предикатов с выражениями типа for 10 years, in the past few weeks:

England **fought** with France against Germany in the war of 1914 – 1918 [OALD].

Women **campaigned** for equal pay and equal rights throughout the 1960s [LED].

Portugal **ruled** East Timor for nearly four centuries [MED].

Sue's been **running** a mail-order business for ten years [MED].

Ken Roach said he wants to **manage** the football team next year [MED].

She **led** the software development team during the project [MED].

AMR Corp, parent of American Airlines Inc, has agreed to take delivery of a KSR1 later this year and signed a letter of intent to **collaborate** for five years on a project to simplify the task of analysing and manipulating massive amounts of data [BNC, CNM: 26].

Кроме того, предикаты generic states, как и предикаты состояния, обладают признаком статичности, т.е. остаются равными себе на всем протяжении обозначаемого ими временного отрезка. Так, в примере England **fought** with France against Germany in the war of 1914 – 1918 предикат fight является истин-

ным по отношению к любому отрезку времени, составляющему часть периода Первой мировой войны 1914 – 1918 годов.

С другой стороны, данные предикаты обладают признаками, присущими предикатам действия.

Это, во-первых, агентивность субъекта и, как следствие этого, возможность употребления этих предикатов с наречиями типа hard, vigorously, fiercely, указывающими на то, что для поддержания действия было приложено некоторое усилие:

The party **campaigned** vigorously in the north of the country [OALD].

The company is fiercely **guarding** its independence [MED].

На наличие признака приложения силы указывает также нормативность предложения It was difficult for the city corporation to **manage** different matters simultaneously (пример О.Г. Амировой [Амирова 2002: 22]).

Во-вторых, как и предикаты действия, предикаты generic states описывают контролируемые явления, поскольку агентивный субъект держит под контролем соответствующее положение вещей, влияя на ход событий. Признаком контролируемости объясняется употребление таких глаголов в побудительных конструкциях: **Rule**, Britannia, **rule** the waves [Thomson] (название и рефрен известной оды Дж.Томсона «Правь, Британия», которая была положена на музыку Т. Арном и стала неофициальным гимном Великобритании).

В-третьих, как и предикаты действия, generic states обладают признаком целенаправленности, логически вытекающим из признака агентивности субъекта. Этот признак делает возможным комбинацию generic states с обстоятельствами цели:

They were **fighting** (in order) to preserve their independence [OALD].

Three armed groups were **contending** for power [OALD].

We have to **struggle** to win our freedom [MED].

Different factions in the movement are **struggling** for supremacy [MED].

<…> they would **fight** to regain influence in Iraq [The Times. April 10, 2004].

Researchers in Stanford and Princeton **collaborated** to manufacture a completely new waterproof textile [LLA].

Infantryman who **helped** to quell a revolt in Brunei and **commanded** the British sector in Berlin [The Times. February 2, 2007].

This enables a community of humans to cooperate in **working together** to protect themselves against the worst effects of nature and to obtain greater security than would otherwise be possible [BNC, ECY: 196].

Both sides are going to have **to work together** to find other ways of settling their differences [LLA].

Исключение составляют предикаты власти, которые не обладают признаком целенаправленности и не употребляются в таком контексте.

Наряду с признаками, общими для предикатов действия и состояния, generic states обладают рядом специфических черт. Их специфика связана с характером локализованности на оси времени. Неточная локализованность непроизводных (He was happy) и обобщающих состояний имеет разную природу. Непроизводное состояние имеет место в каждой точке временного отрезка, с ко-

торым соотносится соответствующий предикат. Денотаты же generic states не занимают ни одной из точек этого отрезка. Таким образом, можно считать, что они абстрагированы от непосредственного протекания во времени [Селиверстова 1982: 93], так как их субъект совершает различные действия, характеризующие его по роду занятий или определенному отношению к другому лицу. Именно благодаря выдвижению на первый план этого характеризующего признакового значения рассматриваемые предикаты абстрагируются от непосредственного протекания во времени.

Итак, предикаты «социальных отношений» generic states («обобщающие состояния»), представляют собой смешанную группу, занимающую промежуточное положение между предикатами действия и состояния.

2.3.2. Абстрактный характер предикатов «социальных отношений»

Абстрактный характер предикатов «социальных отношений» проявляется как в специфике процессуального признака, составляющего основное содержание передаваемого ими понятия, так и в особенностях семантических компонентов в структуре их значения.

В глаголах, выражающих предикаты generic states, наблюдается характерная для признаковых слов абстракция аналитического типа. Она предполагает отвлечение от разнотипных признаков-действий одного общего признака, в данном случае представляющего собой цель, на достижение которой направлены эти действия [Цыцаркина 1992].

Абстрактный характер семантики исследуемых предикатов является следствием того, что их референтный, т.е. чувственно воспринимаемый образ, является нечетким и может существенно различаться у каждого говорящего. В большей мере абстрактная сущность рассматриваемых предикатов проявляется в семной структуре значения глаголов, которые репрезентируют субфрейм «сопротивление». В структуре значения этих глаголов обычно отсутствуют семы объекта, инструмента и способа осуществления действия, являющиеся у глаголов видовыми различительными признаками. Глагол **counteract**, например, определяющийся как ‘to act against in opposition to, or contrary to; oppose’ [OED], характеризуется высокой степенью абстракции благодаря отсутствию объекта и спецификации способа совершения действия.

В значение некоторых глаголов входят объектные семы «лицо» или «предмет». Оба этих признака не специфицированы и соотносят действие, обозначенное ими, с более чем одним классом объектов. Например: **struggle –** ‘to fight against smb./smth. in order to prevent a bad situation or result’ [OALD] (совершить определенные действия против кого-либо или чего-либо для того, чтобы предотвратить неблагоприятную ситуацию или ее последствия); **control –** ‘to have power over a person, company, country, etc. so that you are able to decide what they must do or how it is run’ [OALD] (совершить определенные действия для того, чтобы управлять кем-либо или чем-либо). Глаголы с объектными семами

«лицо» или «предмет» встречаются и среди глаголов, репрезентирующих другие субфреймы «социальных отношений»:

direct – ‘to control or be in charge of smb./smth.’ [OALD] (субфрейм «управление»);

collaborate – ‘to work together with smb. in order to produce or achieve smth.’ [LED] (субфрейм «сотрудничество»);

assist – ‘to help someone or something to do something’ [LED] (субфрейм «помощь»);

support – ‘to give or be ready to give help to smb. if they need it’ [OALD] (субфрейм «помощь»).

Нельзя сказать, что глаголы «социальных отношений» группы generic states абстрактны в одной и той же мере, что объясняется прежде всего разнородностью этой группы, номинирующей разные виды социального взаимодействия. Так, в структуру значения глаголов, репрезентирующих субфрейм «конкуренция», входит семантический компонент, уточняющий цель совершения действия. Например:

contend – ‘to compete against someone, for example for a victory or for power’ [MED];

contest – ‘to compete for a job or for success in a competition [MED].

То же самое можно сказать и о глаголах, репрезентирующих субфреймы «защита» и «сотрудничество»:

defend – ‘to do something in order to protect someone or something from being attacked’ [LED];

cooperate – ‘to work together with smb. else in order to achieve something’ [OALD].

Глаголы protest, demonstrate, репрезентирующие субфрейм «протест», описывают способ осуществления действия и указывают на место, в котором оно происходит:

protest – ‘to say or do smth. to show that you disagree with or disapprove of smth., especially publicly’ [OALD] (способ осуществления действия);

demonstrate – ‘to protest about something with other people in a public place’ [MED] (место).

Глаголы, репрезентирующие субфрейм «вооруженное столкновение», также обладают меньшей степенью абстрактности благодаря тому, что в структуру их значения входят семы объекта и характеристики способа действия, а иногда и инструмента. Например:

revolt – ‘to take violent (способ осуществления действия) action against the people in power (объект)’ [OALD];

rebel – ‘take up arms (инструмент) to fight (against the government) (объект)’ [ALDCE].

В структуру значения некоторых глаголов, репрезентирующих фрейм «власть», входят семантические компоненты, представляющие как специфические качества действия, так и специфику актантов и сирконстантов. Так, все глаголы, объективирующие субфрейм «господство», содержат в своем значении квалификативный оценочный компонент:

tyrannize – ‘to use your power to treat smb. in a cruel or unfair way’ [OALD] (использовать власть для того, чтобы обращаться с кем-либо жестоким или нечестным образом);

dominate – ‘to control or have a lot of influence over smb./smth., especially in an unpleasant way’ [OALD] (иметь власть или влияние (особенно неприятное) на кого-либо, что-либо).

Такие глаголы могут быть отнесены к группе квалификативных глаголов.

Считается, что квалификативность выполняет детализирующую и характеризующую функции [Ануфриева 1986: 6 – 8]. Ее составляющими являются оценка, интенсивность, эмоциональность и квалификативная дескрипция, которая уточняет, специфицирует характер, способ, манеру, время и цель совершаемого действия.

Соответственно, квалификативные глаголы разбиваются на два класса – оценочные и дескриптивные. Оценочные глаголы сообщают дополнительную информацию о протекающем действии по типу «хорошо – плохо» и выражают отношение субъекта к происходящему. Дескриптивные квалификативные глаголы описывают способ, процесс совершения действия, его специфику, т.е. уточняют условия его протекания, цели и задачи его реализации.

Кроме того, некоторые глаголы имеют в своем значении наряду с оценочными и дескриптивные компоненты, уточняющие способ совершения действия. Например, глагол **oppress** – ‘to treat smb. in a cruel and unfair way (оценочный компонент), especially by not giving them the same freedom, rights, etc. as other people’ (дескриптивный компонент) [OALD] означает ‘относиться к кому-либо жестоко и несправедливо, особенно лишая свобод, прав и т. д., которые есть у других людей’; глагол **exploit** – ‘(disapproving) to treat smb. unfairly (оценочный компонент) by making them work and not giving them much in return’ (дескриптивный компонент) [OALD] имеет значение ‘обращаться с кем-либо нечестно, заставляя работать, не давая почти ничего взамен’. Оценочные компоненты «жестоко», «несправедливо», «нечестно» сочетаются в значении этих глаголов с уточнением способа такого отношения к людям.

Семы способа осуществления и спецификации действия входят в структуру значения ряда глаголов управления, контроля и сотрудничества:

govern – ‘to legally control a country or its people and be responsible for introducing new laws, organizing public services, etc.’ [OALD];

regulate – ‘to control an activity, process, or industry officially by using rules’ [MED];

pull together – ‘to act, work, etc. together with other people in an organized way and without fighting’ [OALD].

Есть среди глаголов фрейма «власть» (субфрейм «управление») небольшая группа глаголов с инкорпорированными актантами, т. е. фиксированными в рамках одной глагольной лексемы. Это, как правило, субъект и объект. Так, субъектом глагола **reign** – ‘to rule as king, queen, emperor, etc.’ [OALD] является монарх. Объектами воздействия глаголов **rule** и **govern** (rule – ‘to have the official power to control a country and the people who live there’ [LED], govern – ‘to

control and manage an area, city, or country and its people' [MED]) являются страна (территория, город) и люди, которые живут в этой стране.

Нужно отметить, что несмотря на уточняющие компоненты в значении глаголы «социальных отношений» сохраняют свою абстрактность, так как не описывают фрагменты действительности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью.

Глаголы march, hold a vigil, picket, репрезентирующие субфрейм «протест», не относятся к группе generic states. Они обладают более конкретной семантикой, например: **march** – 'to walk along a road as part of a group of people protesting about something' [MED]. В структуре значения данного глагола специфицирован способ действия-протеста (walk along a road), присутствует сема субъекта (a group of people) и локатива (along a road). Такие глаголы выражают процессные предикаты.

По способу выражения глаголы, описывающие предикаты «социальных отношений», могут быть представлены разнообразными временными формами, но сами формы употребляются с данными глаголами не так, как с глаголами действия. Форма Continuous таких глаголов, например, подразумевает более длительный отрезок времени, чем соответствующая форма акциональных глаголов, и не может употребляться для обозначения события, происходящего в момент речи. Не употребляются такие глаголы и в формах Past Indefinite для обозначения событий, следующих друг за другом.

2.4. Субъекты и объекты фреймов «социальных отношений»

Обязательными компонентами структуры фреймов социальных взаимодействий являются, как уже отмечалось выше, кроме предиката «социальных отношений», субъект и объект. Для всех фреймов социальных взаимодействий характерен субъект-агенс как активный участник ситуации.

В субфрейме «сотрудничество» как субъект, так и объект (коагенс) агентивны и одновременно являются бенефактивами, так как данный субфрейм описывает равноправные отношения. Оба партиципанта принимают участие в деятельности и получают от этого взаимные выгоды.

В некоторых случаях (в субфреймах «сотрудничество», «конкуренция», «вооруженное столкновение» – глаголы fight, combat, war, fight a war, wage war) субъект и объект выражаются одним и тем же членом предложения - подлежащим:

Aid agencies and UN forces (S_1, S_2) are **cooperating** to get food supplies to the people who need them **[**LLA].

Somehow they (S_1, S_2) **stood together** and kept the business going in spite of all that was going on **[**LLA].

Both sides (S_1, S_2) are going to have **to work together** to find other ways of settling their differences [LLA].

Several companies (S_1, S_2) are **competing** for the contract [OALD].

That the Empire grew in power is certain, but there were civil wars, periods where there was no Emperor, where rival Emperors (S_1, S_2) **warred** against each other <…> [BNC, CN1: 76].

В субфреймах «помощь» и «защита», концептуализирующих отношения зависимости, второй участник ситуации (объект) также является бенефактивом как получающий определенные (материальные) выгоды из создавшегося положения вещей. Его можно назвать также и пациенсом, поскольку действие совершается без его непосредственного участия. Субъекта-агенса в этом случае можно также считать бенефактивом, исходя из того, что он получает моральную и социальную выгоду от данной ситуации.

Второй участник ситуации во фрейме «социальный конфликт» представляет собой контрагенс, равный по статусу агенсу (субфреймы «сопротивление», «конкуренция» и глаголы fight, combat, war, fight a war, wage war субфрейма «вооруженное столкновение»). Глаголы rebel, rise up, riot, revolt, репрезентирующие субфрейм «вооруженное столкновение», описывают ситуацию, в которой принимают участие неравные по статусу партиципанты. Первый участник ситуации (агенс S_1) имеет подчиненное положение по отношению ко второму участнику (контрагенсу S_2):

The province (S_1) has **rebelled** (P) against the government (S_2) [OALD].

Во фрейме «власть» объект-пациенс (S_2) также неравен по статусу субъекту-агенсу (S_1):

Portugal (S_1) **ruled** East Timor (S_2) for nearly four centuries [MED].

Статусы Португалии и Восточного Тимора как стран, занимающих различное положение на мировой арене, изначально неравны.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что субъект-агенс и объект-контрагенс (коагенс, пациенс, бенефактив) фреймов «социальных отношений» представляют собой совокупные субъекты. Такие субъекты хотя и референтны, но обозначают, как правило, не конкретных индивидов, а общественные и политические организации, группы людей, социальные слои.

Большая часть существительных, актуализирующих субъект и объект фреймов «социальных отношений», входит в семантическое поле совокупного множества, в частности, в группу, которую Д.В. Астраускайте назвала «совокупность лиц». В семантике большей части таких существительных выделяются семы «общность цели», «общность деятельности» [Астраускайте 1989: 10].

Совокупный субъект фреймов «социальных отношений» может быть выражен существительными – наименованиями множества лиц, объединенных по признаку принадлежности к какой-либо организации: group, company, committee, council, government, alliance, coalition, party, army, union, team, audience troops, service staff. Он обозначает общественные и политические организации и всегда прочитывается пропозитивно, указывая на деятельность, осуществляемую этими объединениями:

The party will not be able **to govern** alone [MED].

The church seeks to **cooperate** closely with local schools [LED].

Troops have been sent to **protect** aid workers against attack [OALD].

Singapore's labour unions are uniquely pro-business and **collaborate** closely

with government and employers [BNC, CBU: 1539].

Кроме того, в качестве совокупных субъектов S_1 и S_2 могут выступать также метонимические названия множества лиц – свернутые обозначения организованных или неорганизованных групп людей: country, state, empire, area, region, colonies, city, clinic, ranch, shop, boutique, prison, hotel, enterprises. В сочетании с глаголами «социальных отношений» эти существительные приобретают событийное прочтение. Они ограничивают сферу действия субъекта, задают локальные границы его деятельности. При этом происходит переосмысление: непредикатный знак интерпретируется как предикатный и метонимически начинает обозначать поле деятельности субъекта. Например:

Thousands of young men came forward, willing to **defend** their country [MED].

«This is not an attractive location to new medical students with bills», said Fran Nelson, a nurse practitioner who **operates** rural clinic in Hilbert [Post-Crescent, May 27, 2000].

The Region is now **governe**d by Morocco [MED].

Совокупный субъект может быть репрезентирован названием стран, городов, организаций или учреждений: England, Brazil, the United Nations, the US, Nokia, Hewlett Packard. Например:

They agreed **to co-operate** with Brazil on a programme to protect the rainforests [LED].

Hewlett Packard **collaborated** with Nokia to produce the palmtop-telephone [LLA].

Как отмечает Т.С. Дроняева, подобные номинативы в информационном подстиле газетной речи выступают как дискурсивные синонимы номинативам-именам конкретной семантики со значением лица или группы лиц, обозначая их метонимически [Дроняева 2003: 304].

Совокупный субъект может быть представлен также формой множественного числа существительных или местоимений (открытое неорганизованное множество лиц) и обозначает группы людей, социальные слои, национальности: workers, students, teachers, peasants, rebels, world leaders, men, people, the Japanese, Romans:

The current Government in Baghdad **is dominated** by Shia Muslims with strong ties to Iran [Times, August 2, 2005].

We are **defending** the right to demonstrate [LED].

And other Cabinet ministers are lined up to pledge their full loyalty to Mr. Major, and plead with the Tories to **pull together** [BNC, K3C: 1585].

Christian Romans were willing to **collaborate** with pagan Franks [BNC, HY0: 1912].

Однако в редких случаях субъект, т.е. агенс фреймов «социальных отношений», может быть индивидуализирован. Это, как правило, субъект фрейма «власть» (President, Emperor, embassy official):

An Emperor is a monarch who **rules** over an Empire [ALD].

With the help of advisers the President will **direct** military operations [MED].

You will work with the management team **headed** by Miles Broughton [MED].

ВЫВОДЫ

1. Как показал проведенный анализ, социальные отношения представлены в памяти как макрофрейм «социальные отношения», состоящий из фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть».

Фрейм «социальный конфликт» состоит из четырех субфреймов, а именно: «сопротивление», «протест», «вооруженное столкновение», «конкуренция», может объективироваться как один из этих субфреймов. Фрейм «кооперация» включает три субфрейма: «помощь», «защита», «сотрудничество». Фрейм «власть» может профилироваться как один из пяти субфреймов. Это субфреймы «господство», «руководство», «управление», «организация» и «контроль».

2. Фреймы «социальных отношений» репрезентируются глаголами «социальных отношений». Предикаты, выраженные такими глаголами, относятся к группе generic states. Они занимают промежуточное положение между предикатами действия и состояния и имеют признаки как предикатов действия, так и предикатов состояния.

Глаголы такого рода являются обобщением целого ряда разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и воспринимаемых как одно гиперсобытие. Общая цель – это и есть тот признак, который лежит в основе номинируемого этими глаголами понятия.

3. Фреймы «социальных отношений» состоят из обязательных и факультативных компонентов. Обязательными компонентами фреймов «социальных отношений», как правило, являются субъект-агенс (S_1), включающий предикат «социальных отношений» (P), включенный предикат (p) и объект (S_2), так как глаголы, репрезентирующие данные фреймы, в основном каузативны. Они выражают каузацию в чистом виде, приближаясь в этом отношении к служебным глаголам.

Предикаты субфреймов «вооруженная борьба», «конкуренция» «сотрудничество» (глаголы work together, stand together), «господство» и «управление» не являются включающими. В состав их обязательных компонентов входят субъект-агенс (S_1), предикат «социальных отношений» (P) и объект (S_2).

Обязательным компонентом субфрейма «протест» помимо агенса (S_1) и предиката (P), если последний выражен глаголами march, hold a vigil (picket), является локатив (L).

К факультативным элементам фреймов «кооперация» и «социальный конфликт» относятся темпоратив, локатив, а также причина, следствие, спецификация, способ и цель совершения действия. Факультативными элементами фрейма «власть» являются темпоратив, локатив, способ совершения и (крайне редко) спецификация действия. В состав факультативных элементов субфрейма «защита» входит также контрагенс (S_3).

4. Субъект фреймов «социальных отношений» всегда агентивен. Объект у фрейма «социальный конфликт» является контрагенсом, у фрейма «власть» – пациенсом, у фрейма «кооперация» – бенефактивом, кроме субфрейма «сотрудничество», объект которого представляет собой коагенс.

Субъект и объект фреймов «социальных отношений», как правило, являются совокупными и обозначают общественные и политические организации, группы людей, целые социальные слои.

Выделяются следующие виды совокупного субъекта (субъекта S_1 и объекта S_2) таких предикатов:

1. Совокупный субъект, выраженный существительными – наименованиями множества лиц, объединенных по признаку принадлежности к какой-либо организации. 2. Совокупный субъект, представляющий собой метонимическое название множества лиц (свернутое обозначение организованных или неорганизованных групп людей). 3. Совокупный субъект, репрезентированный названием страны, города, организации или учреждения. 4. Совокупный субъект, представленный формой множественного числа существительных (открытое неорганизованное множество лиц).

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНЫЕ ФРЕЙМЫ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» НОВОСТНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

3.1. Новостной политический дискурс

Задача третьей главы нашего исследования заключается в том, чтобы показать, как фреймы «социальных отношений», вербализируемые глаголами, переходят на качественно иной уровень (повышаются в ранге), реализуясь в новостном политическом дискурсе как когнитивные фреймы. Для решения этой задачи нам необходимо определить, что такое «дискурс», рассмотреть его структуру с когнитивной точки зрения, а также некоторые его разновидности (политический дискурс и дискурс СМИ).

3.1.1. Определение понятия «дискурс»

Изучению дискурса посвящено огромное количество исследований. Существует множество трактовок этого явления. Так, выделяются когнитивно-дискурсивные и коммуникативно-дискурсивные исследования.

В связи с первым направлением уместно привести определение дискурса, предложенное О.Л. Михалевой. Дискурс понимается как вербализация определенной ментальности, такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого конструируется особая реальность, создается свой способ видения мира, присущий определенному социуму [Михалева 2005: 26]. Такое понимание дискурса перекликается с конструктивистской социологической концепцией, которую мы рассматривали в первой главе (см. теория П. Бергера и Т. Лукмана [Баксанский, Кучер 2001]). Под ментальностью понимается ментальное пространство – совокупность концептов, структурированных во фреймы [Михалева 2005: 27].

В соответствии со вторым направлением под дискурсом понимают когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, под текстом – конечный результат процесса речевой деятельности, его объективацию в виде законченной и зафиксированной формы (определение Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой) [Бисималиева 1999: 16].

Понятие дискурса, таким образом, связывается с понятием текста как процесса - события, участниками которого являются коммуниканты.

Традиционно дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь рассматривается как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136 – 137]. Жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитии ситуации).

В.Е. Чернявская, обобщив различные толкования дискурса в языкознании, выделяет два основных типа: 1) «конкретное коммуникативное событие,

фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве»; 2) «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2004: 75 – 76]. При этом В.Е. Чернявская делает вывод, что эти два подхода дополняют друг друга, следовательно, их оба необходимо учитывать и использовать в зависимости от исследовательских задач.

В.И. Карасик считает, что эти явления подводятся под «дискурс» и «тип дискурса», так как данное противопоставление созвучно выделению текста и сверхтекста или текста и текстотипа. Тип дискурса – это обобщенное представление о тексте, концепт текста в сознании носителей данной культуры [Карасик 2004: 229].

В рамках когнитивно-прагматической парадигмы выделяются самые разнообразные типы дискурса, каждый из которых обладает своими собственными характеристиками: научный, медицинский, педагогический, юридический, политический, масс-медийный и т.д.

Под дискурсом в нашей работе мы будем понимать вслед за В.Е.Чернявской интегративную совокупность текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [Чернявская 2004: 21].

3.1.2. Структура дискурса

С когнитивной точки зрения дискурс представляет собой высокоорганизованную и многокомпонентную структуру, гораздо более сложную, чем структура чисто семантических знаний.

Фрейм знаний о том или ином типе дискурса включает не только когнитивные структуры, необходимые для понимания данного фрагмента содержания, но и знания о макроструктурной организации и типичных схемах линейной развертки дискурса.

Опираясь на исследования Т.А. ван Дейка и М. Минского, И.Б. Руберт выделет в структуре дискурса как когнитивного образования три компонента: 1. Когнитивная модель содержания, т.е. обобщенная модель референтной ситуации. 2. Репрезентации знаний о социальном (прагматическом) контексте. 3. Лингвистические знания об организации дискурса на макро- и микроуровнях (нарративные схемы построения текста и семантико-синтаксические знания) [Руберт 2001: 31]. Иными словами, это когнитивный, прагматический и лингвистический, или повествовательный по М. Минскому, фреймы.

Вершиной когнитивного фрейма является макропропозиция, основу которой составляет тип деятельности, отображаемой в тексте (предикат). В макропропозицию входят также семантические «падежи» («агенс», «пациенс», «объект», «причина» и т. д.). Они образуют схему модели, которая отражается в содержании речевого произведения [Dijk van 1981: 22].

Иными словами, верхний уровень – это когнитивный инвариант плана содержания, макропропозиция, в основе которой лежит тип отображаемой в

дискурсе деятельности. Прагматический уровень представлен двумя стратами. Верхний – обобщенное представление об определенном типе социального взаимодействия, его общей установке, нижний – частные, конкретные ситуационные модели социального взаимодействия, связанные с характеристиками участников, местом, условиями протекания речевого взаимодействия и т.п. Самый низкий уровень – семантико-синтаксические знания об организации дискурса [Гурочкина 2005: 62 – 63].

Смысловой каркас в основе каждого текста – это ментальная модель фрагмента реальной действительности. Когнитивный фрейм становится основой композиционно-сюжетной структуры текста и его жанровой принадлежности. Каждому жанру соответствует своя ментальная модель действительности [Руберт 2001: 32 – 33].

По мнению И.Б. Руберт, тексты, описывающие стандартизованные ситуации, в которых участвует агентивный субъект, базируются на сценарных репрезентациях когнитивного компонента. Вершиной сценария является макропропозиция, открывающая эпистемическую модель обобщенного типа деятельности.

Итак, когнитивный компонент любого текста репрезентируется в виде многоуровневой структуры. Верхним интегральным уровнем является крайне обобщенная схема когнитивного содержания, инвариантного относительно речевых манифестаций. Далее следует уровень эпистемических моделей, совокупное представление которых очерчивает тематику жанра. В процессе декодирования текста актуализируются, прежде всего, соотносимые с тематическим репертуаром эпистемические модели. Узловыми элементами частных моделей являются номинации тематических разделов или тем определенных групп текстов. Уровень этих частных моделей имеет переменную характеристику, а сами модели получают статус констант в конкретных текстах.

Все вышеизложенное относится и к текстам, описывающим социальное взаимодействие.

Далее рассмотрим особенности политического дискурса, важные для целей нашего исследования.

3.1.3. Политический дискурс СМИ

Политический дискурс описывает политическую сферу социального взаимодействия.

В мир политики входят политические сообщества людей, политические субъекты, институты и организации, политическая культура и идеология, традиции и ритуалы, методы политической борьбы, средства информации и т.д. Все элементы поля политики, как считает Е.И. Шейгал, опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе и реализуются через дискурс [Шейгал 2004: 24].

В политическом дискурсе описывается и отражается социальная сфера, которая пронизывает и связывает все области жизнедеятельности общества: собственно политику как осуществление политической власти и борьбы за нее,

экономику, культуру и искусство, религию, спорт, СМИ, войну как продолжение политики «другими» средствами [Керимов 2007].

Основная функция политического дискурса – инструментальная, т.е. борьба за власть [Шейгал 2004: 24; Чудинов 2007].

Границы дискурса прозрачны, поэтому часто происходит пересечение разных видов дискурса в одном тексте (жанре). Так, политический дискурс тесно пересекается с дискурсом массмедиа.

Как отмечает В.И. Карасик, особенность языка политики в настоящее время состоит в том, что средой его существования является массовая информация, и в силу ориентации политического общения на массового адресата этот язык лишен корпоративности, присущей любому корпоративному языку [Карасик 2004: 281 – 282].

По мнению О.В. Александровой, тексты средств массовой информации, представляя собой дискурс, всегда динамичны, современны и воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий [Александрова 2003: 96].

Того же мнения придерживаются Е.С. Кубрякова и Л.В. Цурикова, рассматривая деятельность СМИ как особый тип дискурсивной деятельности, а язык СМИ как детерминированный этим типом социальной активности, связанный с ее целями и задачами и проявляющийся благодаря функционированию СМИ [Кубрякова, Цурикова 2004: 130].

Тенденцию к сращиванию политического и массмедийного дискурсов Н.Н. Корнилаева объясняет не только единством их собственно коммуникативных параметров, например, удаленностью от массовой аудитории, но и манипулятивной направленностью, имеющей целью оказать воздействие на общественное мнение [Корнилаева 2008: 5].

Функциональная специфика политического медиа-дискурса основана на прагматическом синтезе информационной и интерпретационной функций СМИ и заключается в моделировании политической картины мира.

С психологической точки зрения массовая коммуникация – это особый вид общения – социально ориентированное общение [Леонтьев 2004: 99]. Предметом социально ориентированного общения является социальное взаимодействие (или социальные общественные отношения) внутри социума. А его основным мотивом служит то или иное изменение в характере социальных отношений внутри этого социума, его социальной и социально-психологической структуре, в общественном сознании или в непосредственных проявлениях социальной активности членов общества (их социальных действиях).

Сравнительно недавно сформировалась особая область лингвистики – медиалингвистика. Предметом медиалингвистики является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации [Добросклонская 2008: 392].

Рассматривая особенности массовой коммуникации, М.Н. Володина ссылается на книгу конструктивиста Н. Лумана «Реальность массмедиа». Опираясь на свою «системную теорию», Н. Луман приходит к выводу, что члены конкретной социальной системы наследуют общую модель действительности с общими когнитивными, эмотивными и нормативными принципами ее воспри-

ятия [Володина 2004: 34 – 35].

С точки зрения Н. Лумана, почти все, что нам известно об обществе и окружающем мире, мы узнаем через массмедиа, которые формируют социальную память, избирательно фиксируя то, о чем следует помнить, а что следует забыть.

Таким образом, согласно конструктивистской теории в наше время массмедиа участвуют в создании социальной реальности.

На основе анализа концепции Н. Лумана М.Н. Володина делает вывод о том, что СМИ, конструируя собственную реальность, становятся посредниками в формировании отношения людей к реальному миру [Володина 2004: 35].

Подобную точку зрения на массмедиа как на особое средство интерпретации действительности высказывают многие ученые. Более того, отмечается, что в последнее время медийная репрезентация политических событий приобретает большую значимость, чем сами эти события вне пространства СМИ [Рогозина 2003: 68]. Идет процесс медиатизации, т.е. глобальный процесс воздействия на мышление индивидов при помощи различных медиа. Он выражается в формировании картины мира посредством специфических медийных когниотипов – когнитивных структур познания и представления реальности (т.е. фреймов. – Н. Ц.). Когниотипы, формируемые под воздействием медиа, становятся частью содержания мышления индивидов. Они ведут к сближению картин мира не только членов одного социума, но и членов различных этнокультурных сообществ.

Медиа-картина мира, таким образом, представляет собой продукт непрерывной информационной деятельности человека. В ней социально символизируется ментальная деятельность по познанию мира. При этом происходит экстернализация[1] содержания мышления отдельных индивидов, его мультипликация с последующей трансляцией на массовую аудиторию [там же: 70 – 74].

Итак, медиа-картина мира моделирует социальное пространство, являясь отражением социального освоения реальности.

3.1.4. Информационный политический дискурс

Политика как специфическая сфера человеческой деятельности является совокупностью речевых действий. Политический дискурс, как отмечает Е.И.Шейгал, имеет полевое строение. В центре находятся жанры, которые в максимальной мере соответствуют основной задаче политической коммуникации – борьбе за власть. Пространство между дискурсом средств массовой информации и политическим дискурсом представлено в виде шкалы, включающей по степени нарастания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемная аналитическая статья, написанная журналистом, колонка комментатора, пере-

[1] Экстернализация – общая направленность психических процессов, выражающаяся в приписывании индивидом атрибутов внутренних феноменов внешнему миру.

довая статья, репортаж (со съезда или митинга), информационная заметка; интервью с политиком, полемика (теледебаты или дискуссия в прессе), политический документ (указ президента, коммюнике), проблемная аналитическая статья, написанная политиком, речь политика [Шейгал 2004: 26].

Наибольший интерес для нас представляют информационные жанры СМИ (информационная заметка, корреспонденция, анонс, репортаж и т.д.). Основная цель информационных жанров – проинформировать читателей о социально значимых событиях, происшествиях, фактах, а также об их объективных свойствах. В таких текстах на первый план выдвигается информативная функция языка [Дроняева 2003:290].

Кроме того, нам интересны также и аналитические статьи, содержащие микротексты, в которых объективируются исследуемые нами фреймы «социальных отношений». Так, по мнению Т.С. Дроняевой, и в других журналистских произведениях, имеющих другую цель, чем просто проинформировать, присутствуют также части текста, относящиеся к информационному подстилю (фактографические врезки в начале текста, примеры в самом тексте) [там же].

Темы многих дискурсов, по мнению Т.А. ван Дейка, более или менее стереотипны. Поскольку в событиях и действиях очень много повторяющихся черт, то этими чертами на макроструктурном уровне будут наделены и дискурсы, сообщающие о них. Знание о повторяющихся ситуациях в реальном мире служит нам базой формирования контекстных ожиданий относительно дальнейшего хода повествования в дискурсе.

Действительно, у читателя имеется представление о том, какие действия или события обычно описываются в дискурсе разных жанров. Так, в новостях мы ожидаем сообщений о важных политических событиях. Поэтому большая часть типов дискурсов имеет ограничения на тематический репертуар, под которым Т.А. ван Дейк имеет в виду диапозон возможных тем определенного типа дискурса. Границы этого репертуара зависят от интересов, ценностей, социокультурных норм общества. Они связаны также с определенной культурой, коммуникативным контекстом или ситуацией, с ролями, функциями или положением членов общества и т.п. [Дейк ван 1989: 50 – 52].

Знания о мире, по мнению Т.А. ван Дейка, эффективно организованы в особые кластеры (сценарии), содержащие всю общедоступную в данной культуре информацию о конкретном стереотипном варианте какого-либо эпизода (покупки в супермаркете) [Дейк ван 1989: 128 – 140].

Как и в любом другом виде дискурса, СМИ в значительной степени полагаются на общедоступные знания и суждения в связном и всем понятном изображении тех событий, которые требуют организации знаний в сценарии (сценарии о гражданской войне, террористическом акте, политическом митинге, голосовании, революции).

Эти политические сценарии определяют и социальные установки, так как включают мнения и суждения, основанные на оценке событий определенными социальными группами. Из этого следует, что наше субъективное представление о семантической связности газетного сообщения определяется тем, имеется ли в нашем распоряжении соответствующий сценарий или социологическая ус-

тановка. Так, например, обладая одним и тем же сценарием военно-воздушного нападения, читатель в состоянии понять газетные сообщения о таком нападении и приписать им глобальную связность или соответствующую тему.

Таким образом, связь между текстом новостей и контекстом определяется у Т.А. ван Дейка на уровне социальной деятельности и социальных знаний, включенных в процесс обработки текста новостей.

Итак, понимание дискурса может предположительно включать в себя общее содержание сценария. Присущие какой-либо культуре стереотипные социальные ситуации представлены в памяти в форме сценариев таким образом, что люди имеют возможность взаимодействовать друг с другом или общаться на основе этого знания. Подобные сценарии относительно постоянны, они, по мнению Т.А. ван Дейка, частично используются членами социума, поэтому находятся в семантической или социальной долговременной памяти, в отличие от информации, в которой индивид нуждается лишь в исключительных случаях.

К базовым концептам политического дискурса Е.И. Шейгал относит концепты «власть» и «политик» [Шейгал 2004]. Многими исследователями выделяется также концепт «свой – чужой».

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что когнитивная составляющая новостного политического дискурса включает в себя также три фрейма социальных взаимодействий («кооперация», «социальный конфликт» и «власть») и соответствующие им сценарии. Именно в информационных жанрах в силу их лаконичности высвечиваются наиболее ярко и четко основные особенности языковой репрезентации фреймов «социальных отношений».

3.1.5. Информационные жанры (информационный подстиль)

Жанры средств массовой информации включают информационные и публицистические жанры. Информационные жанры (хроникальная заметка, информационная заметка, корреспонденция, репортаж, интервью) относятся, как уже отмечалось, к информационному подстилю.

Публицистическому подстилю соответствуют аналитические жанры (аналитическая статья, рецензия, комментарий, обзор). К публицистическому подстилю относятся также сатирические жанры (фельетон, памфлет, сатирическая реплика), художественно-публицистические жанры (очерк, зарисовка, полемическая статья, заметка) и рекламные жанры [Клушина 2003: 296 – 270].

Для информационного подстиля характерны следующие особенности: информативная функция, преобладание стандарта, скрытая оценочность, объективная модальность. К типичным чертам публицистического подстиля относятся воздействующая функция, преобладание экспрессии, открытая оценочность, субъективная модальность. Автором информационного подстиля является социальный человек, выражающий в основном коллективный или корпоративный взгляд на сообщаемое, автором публицистического подстиля – частное лицо.

Таким образом, повышенная стандартизованность способов выражения, а

также устранение из текста элементов субъективного восприятия действительности, стремление к объективности, обезличенной форме подачи информации, неоценочности отличает информационный подстиль языка массовой коммуникации от публицистического [Дроняева 2003:291 – 292].

Интересно подчеркнуть, что базовым признаком английского новостного текста на морфосинтаксическом уровне наряду с широкой распространенностью пассивных форм и конструкций считается большее по сравнению с другими типами медиатекстов количество глагольных словосочетаний [Добросклонская 2005: 84], что особенно важно для нашего исследования, поскольку фреймы «социальных отношений» репрезентируются именно глаголами.

Т.Г. Добросклонская объясняет усиление роли глагольной синтагматики в новостных текстах тем, что содержание новостного текста сводится главным образом к перечислению различных событий, имеющих место в действительности. Глагол служит способом выражения связи высказывания с действительностью, т.е. несет в себе предикацию. Именно поэтому в новостных медиатекстах глагольные словосочетания занимают более заметное место, чем в других текстах массовой информации [там же: 87]. Новостной текст в связи с этим становится более динамичным.

Для новостных текстов политического характера типичны глаголы «социальных отношений», репрезентирующие фреймы «социальный конфликт», «сотрудничество» и «власть», так как социальное взаимодействие всегда являлось центральной темой новостей о политической жизни общества.

Классификация новостных сообщений по содержанию основывается на двух дихотомических категориях «hard news – soft news», «local news – foreign news» и на выделении устойчивых тематических блоков (политика, бизнес, спорт, образование) [Добросклонская 2005: 73 – 74]. «Мягкие» новости (soft news) ориентированы на то, чтобы вызвать сочувствие, удивление, восхищение. Для нас наибольший интерес представляют «жесткие» новости (hard news), имеющие твердую фактологическую основу и отвечающие на вопросы «что?», «где?», «когда?».

Информационный подстиль отражает бесчисленное количество ситуаций внешнего мира. Однако его тематика ограничена несколькими критериями. К ним относятся социальная значимость передаваемой информации, общественный интерес к ней, этические и эстетические нормы относительно публично обсуждаемых тем, индивидуальная избирательность печатного органа или автора [Дроняева 2003:290].

В языке современной газеты информационный подстиль представляет собой сочетание трех речевых форм: констатация социально значимых фактов, информативное описание социально значимых сущностей и информативное повествование о социально значимом событии. Констатация социально значимых фактов занимает ведущую текстовую позицию, информативное описание и информативное повествование – подчиненную, зависимую от сообщаемого факта [Дроняева 2003: 292].

Основным семантическим признаком предикатного слова в фактографическом высказывании газетного дискурса является максимальная обобщенность

выражения признакового класса слов, к которому относится данное слово. Так, в фактографическом высказывании из синонимического ряда слов, претендующих на роль предиката, иерархически главное место займет предикат с наиболее обобщенно выраженной ведущей семой данного семантического класса (в нашем случае предикаты «социальных отношений» группы generic states). Нижние ступени иерархии будут принадлежать глагольным и другим предикатным словам, содержащим даже малейшие признаки субъективной оценочности или наблюдаемости действия, намекающие на мнение автора [там же: 297].

Информативное описание констатирует существование определенного свойства субъекта или объекта, а не его актуальное, видимое проявление, вследствие чего содержит характеризующие предикаты, объединенные определенными семантическими признаками (неактуальность, ненаблюдаемость проявления признака, его узуальность или повторяемость) [там же: 306 – 308].

Основой контекста информативного повествования выступает ряд предикатов, связанных друг с другом содержательно (они передают части одной и той же ситуации), семантически (это части речи одного семантического класса) и темпорально (глагольные формы обозначают действия или состояния, следующие одно за другим по оси времени).

Глаголы в информативном повествовании не обозначают наблюдаемого действия и не содержат значения способа прохождения действия.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют тексты, констатирующие социально значимые политические факты и информативные повествования о социально значимых политических или экономических событиях, т.е. так называемые «жесткие» новости, так как в этих текстах чаще всего объективируются фреймы «социальных отношений», репрезентируемые соответствующими глаголами.

3.1.6. Структура новостного текста

Новостные тексты имеют тщательно разработанную, чрезвычайно организованную и устойчивую структуру, что в сочетании с устойчивыми признаками на уровне языка дает основание говорить о глобальной клишированности данного типа медиатекстов [Добросклонская 2005: 75 – 79].

Новостные материалы в прессе сформатированы в виде сообщений корреспондентов о событиях в стране и за рубежом, размещенных на полосах «news» в определенной тематической последовательности. Протяженность новостных текстов составляет от 200 до 500 слов.

Большинство новостных текстов строятся по принципу «перевернутой пирамиды», в соответствии с которым вся самая важная и ценная информация сообщается в первой фразе, которая называется «the lead». «The lead» фактически содержит все важнейшие компоненты сообщения в концентрированном виде. Информационная нагрузка по мере развертывания текста постепенно ослабевает.

Для большинства новостных текстов в Интернете характерны форматные признаки печатных новостных текстов: презентация сообщения в краткой и развернутой формах, четкое распределение сообщений по содержательным категориям и тематическим группам, броские заголовки и т.п.

Новостной текст в Интернет-издании также строится по принципу «перевернутой пирамиды» [Добросклонская 2005: 83], поэтому мы наряду с печатными изданиями (газета «The Times») использовали в качестве языкового материала также новостные тексты в электронных СМИ («Times Online»).

Т.С. Дроняева отмечает, что структура любого текста, относящегося к жанру новостей, включает в себя как минимум две обязательные части. Это констатация одного факта и конвенциональные элементы с обозначением времени, места и источника информации, которые даже не имея эксплицитного выражения в конкретной новости, все-таки присутствуют в сознании получателя информации как обязательные по некоему общественному договору, традиции построения текста новостей [Дроняева 2004: 307 – 313].

Третья структурно-содержательная часть новостного текста – комментирующая, т.е. все то, что расширяет или оценивает ядерную часть сообщения.

Расположение и соотношение структурно-содержательных частей в тексте – это композиция текста. Композиционный анализ новостного текста предполагает рассмотрение линейного развертывания текста и участия в этом развертывании того или иного высказывания, имеющего определенную функцию в системе новостного текста.

Элемент новостного текста, обозначающий время, может иметь две разновидности:

1. Указание на время передачи новости, т.е. на дату выхода газетного номера. Как правило, новостные издания не повторяют дату, указанную в заголовочном комплексе всего газетного номера. Это важно для продолжающихся новостей.

2. Указание на время совершения событий, относительно которых констатируется ядерный факт. При этом часто происходит текстовая привязка ко времени поступления новости к читателю. Соотношение времени прохождения события и времени его фиксации для читателя обозначается с помощью дейктических слов (сегодня, в следующем году, скоро), денотативный статус которых целиком зависит от временной точки фиксации новости.

Внутритекстовой временной континуум, реализующийся с помощью слов «потом», «затем», «через несколько минут», появляется только в информативном повествовании.

Локативы относятся исключительно к событийной ситуации. Указание на место фиксации новости в конкретном тексте редко и появляется только в том случае, если расположение источника информации не совпадает не только с местом публикации, но и с локализацией событийной ситуации.

С точки зрения когнитивной лингвистики эти конвенциональные элементы, обозначающие время и место события (за исключением источника информации), являются макроаргументами когнитивного фрейма текста. Комментирующая часть активирует его сценарий.

3.2. Реализация фреймов «социальных отношений» в дискурсе

Фреймовая модель семантики составляет основу когнитивного подхода к анализу содержательной стороны текста [Сухих, Зеленская 1998: 117].

Уже не раз отмечалось, что концепт может быть репрезентирован различными средствами – словом, фразой, текстом или совокупностью текстов. Это относится, как нам представляется, и к фреймам, в частности, к фреймам «социальных отношений».

Фрейм при более широком подходе (как когнитивный фрейм текста или дискурса как совокупности текстов) является единицей менее высокого уровня абстрактности, чем фрейм, объективированный одним словом. Вершинные компоненты макропропозиции когнитивного фрейма в данном случае могут быть выражены в одном предложении, представляющем тему текста. Остальные компоненты реализуются в рамках сценария, входящего во фрейм на правах субфрейма и вербилизуемого в виде отдельных сцен-ситуаций. Макропредикат выражается глаголом (обычно прототипическим) одного из субфреймов «социальных отношений». Предикаты сцен, описывающих собственно конфликт (завязка, эскалация и кульминация конфликта), являются спецификациями макропредиката, т.е. выражают одно из конкретных действий, осуществляемых агенсом в определенный отрезок или момент времени. Однако в каждой конкретной сцене-ситуации предикаты субфреймов будут разными, что объясняется абстрактностью самого макропредиката, обобщающего разнородные конкретные действия. Чем абстрактнее макропредикат (например, предикат protest), тем существует больше вариантов его интерпретации и тем, соответственно, имеется больше ситуаций, сущность которых он может выражать. Аргументы (агенс, контрагенс, объект, локатив, темпоратив) каждой сцены (сценарного субфрейма) либо совпадают с макроаргументами, либо являются их составной частью. Временные и пространственные компоненты фрейма варьируют в пределах общего временного и пространственного отрезка.

Фрейм в узком понимании (как сложный концепт, ассоциированный со словом) объективируется на уровне предложения. Сценарий реализуется на уровне текста и является его расшифровкой, детализацией. Каждый субфрейм сценария представляет собой пропозициональную структуру, реализуемую в отдельном предложении. Обычно в тексте вербализуется как верхний уровень фрейма, или макропропозиция, т.е. статическая модель ситуации (как правило, в первом предложении, так называемом лиде – «the lead»), так и сценарий – ее динамическая модель. Можно сказать, что в этом случае фрейм выходит на другой, более высокий уровень абстрактности.

На уровне текста два подхода не противоречат друг другу и могут совмещаться. Фрейм, реализуемый глаголами «социальных отношений», дополняется данными сценарного фрейма и, повышаясь в ранге, становится когнитивным фреймом текста.

Вербализованный фрейм вместе со сценарием представляет собой тематическую сетку текста (ключевые слова или тематические выражения). В тексте субфреймы (сцены) сценария также репрезентируются глаголами, специфици-

рующими характер деятельности, описываемой глаголом «социальных отношений».

По словам Т.А. ван Дейка, тематические выражения активизируют области знаний, фреймы или сценарии, неоходимые для понимания последующих предложений [Дейк ван 1989: 61]. Иными словами, тематические выражения являются вербализациями фреймов или сценариев.

Развертка когнитивного фрейма в жанрах художественных и газетных текстов происходит по-разному. В газетном тексте, который стремится к компрессии информации, не все элементы фрейма получают полную реализацию. Такая имплицитная передача некоторой части информации становится возможной благодаря наличию у читателя знаний сценарных фреймов тех ситуаций, которые описываются в тексте.

Очевидно, что фреймы «социальных отношений» представляют собой структуру данных для представления целерационального действия, которое требует от человека осознания своих намерений, в отличие от традиционного действия, протекающего, по определению социологов, по однажды принятой схеме [Добреньков, Кравченко 2004 а): 691 – 693] (поездка в поезде, покупка товаров в супермаркете). Они близки к институциональным фреймам, но отличаются от стереотипных ситуаций такого рода тем, что представляют собой не последовательность однотипных, повторяющихся действий, а гетерогенные действия различных индивидов. Такие действия интерпретируются как одно гиперсобытие, направленное на достижение какой-либо цели. Это стереотипность особого рода. Она предполагает более высокий уровень знаний специфики социальной жизни общества, характерный для взрослого социализированного человека, искушенного не только в межличностных отношениях, но и хорошо разбирающегося в перипетиях политических, национальных, экономических взаимоотношений индивидов как членов определенного общества. Фреймы «социальных отношений» не являются конвенциональными в этом смысле слова. Однако некоторые из них «более» стереотипны, чем другие, например, субфрейм «вооруженное столкновение» по сравнению с фреймом «власть».

Фрейм «социальный конфликт» объективируется в новостном политическом дискурсе чаще остальных фреймов «социальных отношений», что свидетельствует об особом внимании общества к конфликтным ситуациям разного рода. Кооперативное поведение не вызывает столь пристального внимания со стороны средств массовой информации возможно потому, что, являясь способом мирного сосуществования, не грозит мировому сообществу бедами и разрушениями, не вызывает настороженности и не требует от индивида сиюминутной готовности отразить опасность.

Рассмотрим подробнее особенности развертывания фрейма «социальный конфликт» в новостном политическом дискурсе. Нас интересует, прежде всего, когнитивный и лингвистический фреймы.

Для удобства описания и в знак того, что фрейм «социальный конфликт», реализуемый в дискурсе, является единицей более высокого уровня, чем фрейм семантических знаний, мы будем называть его гиперфреймом, а его субфреймы – фреймами «социальный протест» и «вооруженное столкновение».

3.3. Объективация гиперфрейма «социальный конфликт» в новостном политическом дискурсе

3.3.1. Статические и динамические характеристики гиперфрейма «социальный конфликт»

Гиперфрейм «социальный конфликт» объективируется в тексте либо как фрейм «социальный протест», либо как фрейм «вооруженное столкновение».

Фреймы «социальный протест» и «вооруженное столкновение» являются наиболее структурированными, т.е. четко представленными в сознании индивида как поэтапно развивающийся процесс, что объясняется институционализированностью таких конфликтов в социальной жизни. Данные фреймы объективируются в тексте или совокупности текстов, если они описывают длительный политический или экономический конфликт.

Макропропозиция фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение» состоит из следующих компонентов: макропредикат «социальных отношений» (тип деятельности, отражаемой в дискурсе) и макроаргументы: коллективный агенс, коллективный контрагенс, темпоратив, локатив, причина, следствие, цель и спецификация действия, обобщаемого макропредикатом.

В соответствии с широким подходом фреймы «социальный протест» и «вооруженное столкновение» имеют не только статические, но и динамические характеристики. Вследствие этого в их структуру входит сценарий.

Сценарный фрейм (сценарий) «социальный конфликт» состоит из шести пропозициональных субфреймов или сцен:

1) предпосылки конфликта:

а) действия первого участника в ущерб второму участнику конфликта;

б) осознание вторым участником конфликта нарушения своих прав и планирование им ответных действий;

2) завязка конфликта (у фрейма «социальный протест» – инцидент, у фрейма «вооруженное столкновение» – нападение);

3) эскалация конфликта (противоборство);

4) кульминация конфликта;

5) завершение конфликта;

6) последствия конфликта.

3.3.2. Объективация фрейма «социальный протест» в информационном сообщении и аналитической статье

Самой часто встречаемой темой новостного политического дискурса является политический и экономический протест против существующего положения дел в мире, отдельно взятой стране, на предприятии.

3.3.2.1. Политический протест

Формами проявления политического протеста являются различные демонстрации, пикеты, марши протеста против войны, нарушения прав человека, за демократические свободы и т.п.

Развертка фрейма «социальный протест», представляющего политический конфликт, происходит по-разному. Иногда объективируется только верхний уровень, т.е. макропропозиции фрейма – статическая модель ситуации. Сценарный фрейм на поверхностном уровне не эксплицируется. Это происходит тогда, когда детали конфликтной ситуации не имеют значения или конфликт проходит по привычному (стереотипному) сценарию. Например:

HONG KONG **PROTEST (P)**

About 100,000 people **(S_1) protested (P)** on the streets of Hong Kong **(L)** demanding **(p)** the swift introduction of full democracy in the former British territory [The Times. January 3, 2004: 16].

Данная заметка – пример краткого информационного сообщения.

Краткие новостные сообщения, по мнению Т.Г. Добросклонской, представляют собой информационно-насыщенную часть пирамиды («the lead»), которая содержит всю основную информацию в концентрированном виде [Добросклонская 2005:83].

Суть конфликта изложена в одном предложении, актуализирующем макропропозицию фрейма «социальный конфликт», которая совпадает с пропозицией субфрейма «протест», объективируемого глаголом protest.

В развернутом новостном сообщении вербализуются как статическая, так и динамическая модели фрейма «социальный протест», т.е. его макропропозиция и сценарий.

Примером развернутого новостного сообщения, в котором описывается конфликтная политическая ситуация, может служить заметка «Аресты у палаты общин» из британской газеты «The Times»:

COMMONS ARRESTS **(P^1)**

Police (S_2) **arrested** (P^1) at least four antiwar activists **(Patience) (завершение конфликта)** who were part of a **demonstration being staged (предпосылки конфликта – вторая фаза)** in defiance of an exclusion zone set up **(Cause) (причина – предпосылки конфликта – первая фаза)** to prevent **protests (P)** being held near Parliament. Up to twenty activists **(S_1) gathered (p)** opposite the House of Commons **wearing (p_1)** gags around their mouths to symbolize the ban **(завязка конфликта)** [The Times. August 2, 2005: 23].

Данный конфликт является одним из многочисленных эпизодов длительного противостояния двух сторон – британского правительства и оппозиции, выступающей против войны в Ираке. Это долгосрочное политическое противостояние освещалось в тот период времени довольно часто. В противовес ему

ситуация, приведенная в газете, является краткосрочным конфликтом. Началом конфликта послужило решение полиции об установлении перед зданием парламента зоны с ограниченным доступом для того, чтобы предотвратить проведение антивоенных манифестаций. В ответ оппозиция организовала демонстрацию: двадцать активистов собрались напротив здания, где располагается палата общин. Их рты закрывали черные повязки в знак протеста против запрещения. Знание подобных ситуаций позволяет читателю предположить, что за демонстрацией последует применение санкций. Так оно и случилось: четыре человека было арестовано. Таким образом, конфликт завершился выходом из него одной из сторон, т.е. разгоном демонстрации и арестом ее участников. Противостояние не исчерпано, следующий ход за оппозицией.

Макропропозиция фрейма «социальный протест», в основе которого лежит данная политическая ситуация, состоит из макропредиката protest и его аргументов. Это участники конфликта (агенс – antiwar activists и контрагенс – police), а также локатив (территория перед зданием парламента – near Parliament, opposite the House of Commons), темпоратив (время выхода газеты – август 2005г.), причина **(Cause)** (установление перед зданием парламента зоны с ограниченным доступом – an exclusion zone set up near Parliament). Причина одновременно является предпосылкой конфликта.

Сценарный фрейм «социальный протест», объективированный в данном тексте, состоит из нескольких пропозициональных субфреймов: 1) предпосылки конфликта: а) пропозиция № 1 (police set up an exclusion zone); б) пропозиция № 2 (antiwar activists stage a demonstration); 2) завязка конфликта – пропозиция № 3 (twenty activists gather); 3) завершение конфликта – пропозиция № 4 (police arrest antiwar activists).

В первом предложении получили репрезентацию три пропозиции сценарного фрейма: 1) предпосылки конфликта: а) пропозиция № 1 (police set up an exclusion zone); б) пропозиция № 2 (antiwar activists stage a demonstration); 2) завершение конфликта – пропозиция № 4 (police arrest antiwar activists). Однако временная последовательность этих пропозиций нарушена. Порядок представления ситуации обратный – начиная с конечной стадии и заканчивая предпосылками конфликта (вторая и первая фазы): 1) завершение конфликта – пропозиция № 4; 2) предпосылки конфликта – пропозиция № 2, пропозиция №1. Второе предложение содержит информацию относительно завязки конфликта (субфрейм 2). В него вошли две пропозиции (пропозиция № 3 – twenty activists gather), (пропозиция № 3 (а) – twenty activists wear gags around their mouths). Предикат **gather (p)** специфицирует макропредикат **protest** и в свою очередь специфицируется предикатом **wear (p_1)**.

Акцент делается на сценарном субфрейме «завершение конфликта» (именно этот субфрейм реализуется в «лиде», т.е. в первой фразе заметки, представляющей ее тему), предикатом которого является предикат arrest (**P^1**), объективирующий фрейм «арест».

Таким образом, когнитивным фреймом текста становится сценарный субфрейм «завершение конфликта» (фрейм «арест», репрезентируемый глаголом arrest).

В другом информационном сообщении под названием «Защитники демократии в окружении», в котором объективируется фрейм «социальный протест», на первый план выходит описание эскалации конфликта и его причин:

DEMOCRACY **PROTESTERS (S_1)** FENCED IN **(P^1)**

Hong Kong: Students **(S_1^1) invaded (p_2)** the grounds **(L_1)** of the government **(S_2)** headquarters **(эскалация конфликта – второй инцидент)** in **protest (P)** at a plan **(Cause)** by Beijing **(S_2)** to impose its own constitution on the territory **(предпосылки конфликта)**. Police **(S_2^1) fenced (P^1)** in at least 15 students **(Patience)** at the complex **(L_1) (кульминация конфликта – последствия второго инцидента)** as hundreds more **(S_1^1)** outside **demanded (p_3)** that a gate should be opened to allow them entry **(третий инцидент)**. Demonstrators **(S_1^1) chanted (p_4)**: "Peaceful assembly is no crime" **(четвертый инцидент)**. The occupation followed a **candlelight vigil (p_1) (завязка конфликта – первый инцидент)** by more than 2,000 people **(S_1^2) accusing (p_1^1)** Tung Chee-hwa **(S_2^2)**, the Hong Kong Chief Executive and China loyalist, of undermining the territory's autonomy. Beijing **(S_2)** fears that a majority-elected legislature **(S_1^3)** would **oppose (P^1)** its choice of chief executive **(S_2^2) (смена темы - субфрейм «сопротивление», объективируемый глаголом oppose)** [The Times. April 2, 2004: 24].

Макропропозиция фрейма «социальный протест» данного текста состоит из макропредиката «социальных отношений» protest ('протестовать') и совокупных субъектов – сторон конфликта (S_1 и S_2). Макроредикат protest объективирован в тексте существительным пропозитивной семантики protest (первое предложение). Агенс **(S_1)** представлен существительным protesters (в заголовке). Контрагенс **(S_2)** выражен существительным the government и именем собственным – названием города – столицы КНР (Beijing – Пекин). Это метонимическое указание на правительство Китая. Локатив **(L)** выражен именем собственным – Hong Kong. Метонимически Hong Kong обозначает также всех жителей Гонконга. Темпоратив **(T)** в данной заметке не эксплицирован, но подразумевается, что это начало апреля 2004 года – время выхода газеты.

Макропропозиция фрейма включает также спецификацию действия **(p)** и причину конфликта **(Cause)** – a plan by Beijing. В данном тексте спецификация действия **(p)** выражена глагольными предикатами invade 'вторгаться' **(p_2)**, demand 'требовать' **(p_3)**, chant 'скандировать' **(p_4)** и существительным пропозитивной семантики a (candlelight) vigil **(p_1)** 'ночное пикетирование'. Это и есть те действия, которые обобщаются предикатом protest. Предикат первого инцидента – a (candlelight) vigil **(p_1)** – специфицируется предикатом accuse **(p_1^1)**.

Агенс субфреймов сценарного фрейма выражается более конкретными существительными во множественном числе students, demonstrators **(S_1^1)**, обозначающими неопределенное множество. Эти существительные указывают не на всех жителей Гонконга, а только на тех, кто принимал участие в данной демонстрации, т.е. на студентов-демонстрантов. При описании ночного пикета употребляется существительное в сочетании с числительным – 2,000 people **(S_1^2)**, тем самым количественно ограничивается размер агенса. Контрагенс **(S_2^1)**

выражается существительным police – названием организации, которой делегированы полномочия защиты законной власти.

Предикат последнего предложения (oppose – ‘отклонять’) свидетельствует о смене темы. Глагол, выражающий этот предикат, объективирует субфрейм «сопротивление». Субъект $\mathbf{S_2^2}$ (Tung Chee-hwa) не является коллективным, но выступает как представитель законной власти.

Локатив **($\mathbf{L_1}$)** представлен сочетанием the government headquarters – правительственная штаб-квартира, at the complex – в правительственном комплексе.

В данном сообщении объективировано четыре субфрейма сценарного фрейма «социальный протест»: 1) предпосылки конфликта; 2) завязка конфликта (первый инцидент); 3) эскалация конфликта (второй инцидент); 4) кульминация конфликта – последствия второго инцидента (третий и четвертый инциденты).

Субфрейм **«предпосылки конфликта»** (латентная стадия) представлен в тексте номинализованной структурой – a plan by Beijing (S_2) to impose its own constitution on the territory – план Пекина навязать Гонконгу свою конституцию.

Основное внимание уделено собственно конфликту. Последовательность событий выражается в следующей последовательности пропозиций: субфрейм **«завязка конфликта»** (первый инцидент) – (a candlelight vigil, 2,000 people), (accuse, 2,000 people, Tung Chee-hwa); субфрейм **«эскалация конфликта»** (второй инцидент) – (invade, students); субфрейм **«кульминация конфликта»** (последствия второго инцидента): третий инцидент – (fence in, police, students), четвертый инцидент – (demand, students), (chant, demonstrators).

В какой-то момент (кульминация конфликта – последствия второго инцидента) агенс **($\mathbf{S_1^1}$)** и контрагенс **($\mathbf{S_2^1}$)** меняются ролями: Police (S_2^1) **fenced in** (P^1) at least 15 students (Patience) at the complex (L_1). При этом определенная часть совокупного субъекта S_1^1 (бывшего агенса) становится патиенсом (Patience). Количество пострадавших (коллективный патиенс) в статье указывается точно – 15 students.

В тексте хронологическая последовательность событий нарушается. Завязка конфликта, то, с чего началось противостояние (ночной пикет), отходит на задний план. Стадия разрешения конфликта вообще не находит отражения в данном информационном сообщении. Читателям не составит труда догадаться, чем закончился конфликт с властью, – скорее всего, арестом наиболее «отличившихся» участников демонстрации протеста.

Когнитивный фрейм текста – сценарный субфрейм **«кульминация конфликта»**. В данном случае – это последствия второго инцидента (фрейм «задержание»), макропредикатом которого является **fence in ($\mathbf{P^1}$)**.

Рассмотрим пример конфликтной ситуации протеста в тексте большой аналитической статьи З. Хусейна под названием «Протестующие сталкиваются с пакистанскими военизированными формированиями, после того как суд запрещает Навазу Шарифу занимать выборные должности».

В статье содержатся микротексты, в которых объективируется фрейм «социальный протест»:

PROTESTERS (S_1) CLASH WITH PAKISTAN **TROOPS (S_2^2)**
AFTER COURT BARS NAWAZ SHARIF

Paramilitary troops **(S_2^2)** were called out to keep order in Pakistan **(L)** yesterday **(T) (кульминация конфликта)** after thousands of people **(S_1) took to the streets (p)** to **protest (P)** at the imposition of direct central control over the key province of Punjab **(Cause – причина протеста)**.

(завязка конфликта – три инцидента):

1) Protesters **(S_1^1) clashed** with police **(S_2^1)** in Islamabad **(L_1)**, **setting fire (p_1^1)** to several vehicles and **burning (p_1^2)** pictures of President Zardari (**первый инцидент**), while antigovernment demonstrations spread to large parts of the state. <…>

The street **protests** followed a ruling by Pakistan's Supreme Court on Wednesday that barred Nawaz Sharif, the main opposition leader, from elected office by citing a previous criminal conviction **(предпосылки конфликта)**. <…>

2) Thousands of demonstrators **(S_1^2) flooded (p_2)** the streets outside the provincial assembly in Lahore **(L_2)**, **burning (p_2^1)** tyres and **chanting (p_2^2)** anti-government slogans **(второй инцидент)**.

3) Protesters **(S_1^3)** also **gathered (p_3)** in Rawalpindi **(L_3)**, outside Islamabad, **setting up (p_3^2) barricades** of **burning (p_3^1)** tyres. They **smashed (p_3^3)** store fronts and banks on a main shopping street. A mob **(S_1^3) set fire (p_3^4)** to several vehicles on the highway linking Islamabad to the Punjab **(третий инцидент)**. <…> [The Times online. February 27, 2009].

В английских качественных изданиях, к которым принадлежит газета «Таймс», информационно-аналитические материалы являются авторскими. Они отделены от собственно новостных сообщений и публикуются на специальных страницах. Информационно-аналитические тексты реализуют интерпретационную (идеологическую) функцию. Новости отражают, как отмечает Т.Г. Добросклонская, каждодневно меняющуюся картину мира, в то время как информационно-аналитические тексты придают ей определенный мировоззренческий оттенок. Способы интерпретации одного и того же события могут быть различными в зависимости от восприятия мира тем или иным индивидом (автором) [Добросклонская 2005: 122 –124].

Данный отрывок из аналитической статьи представляет собой по терминологии Т.С. Дроняевой информационное повествование. Эта информационная часть статьи представляет, как и положено информационному материалу, объективное описание событий.

Фрейм «социальный протест», который вербализуется глаголом protest в первом предложении, моделирует конкретную конфликтную политическую ситуацию, возникшую в Пакистане:

…thousands of people **took to the streets** to **protest** at the imposition of direct central control over the key province of Punjab – ...‘тысячи людей вышли на улицы, протестуя против введения прямого центрального управления в главной провинции Пенджаб’.

Макропропозиция когнитивного фрейма состоит из предиката protest **(P)**, причины **(Cause)** – the imposition of direct central control, участников конфликта,

а именно: коллективного агенса **(S_1)** – protesters, thousands of people и коллективного имплицитного контрагенса **(S_2)**. В данном случае можно предположить, что контрагенс – это правительство (the Government). В макропропозицию входят также локатив **(L)** – Pakistan, темпоратив **(T)** – yesterday, спецификация действия, выраженного предикатом protest, – take to the streets, следствие – Paramilitary troops were called out to keep order.

Причем локатив **(L)** (Pakistan) макропропозиции включает в себя локативы сценарных субфреймов L_1, L_2 и L_3 (Исламабад, Лахор и Равалпинди); макроагенс **(S_1)** (thousands of people) включает агенсы сценарных субфреймов S_1^1, S_1^2 и S_1^3 (protesters, thousands of demonstrators). Контрагенс S_2 (the Government) макропропозиции когнитивного фрейма объединяет контрагенсы сценарных субфреймов S_2^1 и S_2^2 (Pakistan troops, Paramilitary troops, police, которым делегированы полномочия следить за порядком в государстве).

Затем следует описание трех пронумерованных нами конкретных эпизодов столкновения протестующих с властью (police) в различных городах Пакистана (Исламабад, Лахор, Равалпинди). Детализация ситуации достигается за счет спецификации предиката take to the streets **(p)**. В данном тексте take to the streets (‘to go to or into the streets’) означает ‘выйти на (стихийную) демонстрацию’. Предикаты всех трех пропозиций в данном контексте синонимичны: take to the streets, flood the streets – ‘заполнить улицы’, gather – ‘собираться вместе’. Flood the streets и gather в данном контексте также означают ‘выйти на (стихийную) демонстрацию’. В первом инциденте предикат take to the streets не выражен на поверхностном уровне, но подразумевается предикатом clash – ‘столкнуться’, который описывает последствия действий протестующих демонстрантов. Take to the streets объединяет такие действия как set fire (to vehicles) – ‘поджигать машины’, burn (pictures of President) – ‘жечь фотографии президента’, т.е. предикат **(p_1)** специфицируется предикатами p_1^1 и p_1^2. Во втором инциденте flood the streets подразумевает burn (tyres) – ‘жечь автомобильные покрышки’, chant (anti-government slogans) – ‘выкрикивать антиправительственные лозунги’. Иными словами, предикат **(p_2)** специфицируется предикатами p_2^1 и p_2^2. В третьем инциденте gather конкретизируется такими предикатами, как burn (tyres), set up (barricades) – ‘строить баррикады’, smash (store fronts and banks) – ‘громить витрины магазинов и банки’, set fire to vehicles, т.е. предикат **(p_3)** специфицируется предикатами p_3^1, p_3^2, p_3^3, p_3^4.

Не всегда автор выдерживает нейтральный стиль. Наряду с нейтральной лексикой (people, protesters) при вербализации агенса в третьем эпизоде употребляется слово mob (‘a large noisy crowd, especially one that is angry and violent’ [LED] – толпа), что характеризует отношение автора к хулиганским действиям протестующих.

Не все стадии социального конфликта находят отражение в данной аналитической статье. В частности не нашел своего выражения сценарный субфрейм «последствия конфликта», так как конфликт на момент выхода газеты еще не завершен. Сценарий фрейма «социальный протест» представлен в ней четырьмя субфреймами: 1) предпосылки конфликта: Pakistan Supreme Court on Wednesday barred Nawaz Sharif, the main opposition leader, from elected office by

citing a previous criminal conviction (решение суда запретить бывшему премьер-министру Пакистана, лидеру главной оппозиционной партии «Пакистанская мусульманская лига» Навазу Шарифу занимать выборные должности); 2) завязка конфликта (первый инцидент); 3) эскалация конфликта (второй и третий инциденты); 4) кульминация конфликта: Paramilitary troops were called out to keep order in Pakistan (вызов военизированных отрядов).

Сценарный субфрейм **«кульминация конфликта»** вынесен в лид, т.е. в первую фразу статьи, в которой сконцентрирована вся основная информация данного текста: Paramilitary troops were called out to keep order in Pakistan yesterday… – 'Вчера в Пакистан для восстановления порядка были вызваны военизированные формирования…'. Таким образом, данный субфрейм становится темой статьи, обращая внимание читателя на разгорающийся все больше и больше конфликт между легитимным правительством Пакистана и его оппозицией в лице Наваза Шарифа, которую поддерживают рядовые граждане страны.

Сценарный субфрейм **«завязка конфликта»** (три инцидента) вербализуется глаголами (глагольными сочетаниями) «социальных отношений» take to the streets, flood (the streets) и gather, которые объективируют субфрейм «социальный протест».

Итак, протестные социальные взаимодействия моделируются в политическом дискурсе когнитивным фреймом «социальный протест», представляющим собой сложную иерархическую структуру. Структурными элементами макропропозиции такого фрейма являются абстрактный макропредикат «социальных отношений», коллективный агенс, коллективный контрагенс, темпоратив, локатив, а также причина, следствие и спецификация действия, которые могут развернуться в пропозиции, т.е. сценарные субфреймы. Динамические характеристики конфликта (его сценарный фрейм) могут не эксплицироваться в кратком газетном сообщении.

Развертка фрейма зависит от масштаба конфликта, жанра статьи и интенции автора. В аналитических статьях большого формата может объективироваться весь сценарный фрейм «социальный протест». Как правило, в информационном сообщении описывается собственно конфликтная стадия конфликта, т.е. профилируются в разных сочетаниях субфреймы «завязка конфликта», «эскалация конфликта» и «кульминация конфликта», реже – «завершение конфликта».

3.3.2.2. Экономический протест

Экономический конфликт касается распределения материальных благ, затрагивая в конечном итоге основы общественного строя, и тем самым может быть причислен к основным темам политического дискурса. Экономический конфликт значительно чаще становится объектом внимания журналистов, чем политический, так как с его помощью решаются жизненно важные вопросы существования человека в том или ином обществе. Как и политический кон-

фликт, он принадлежит к двусторонним вертикальным конфликтам, в которых сталкиваются противоположные интересы разных по рангу участников и не применимы стратегии сотрудничества. Формами экономического конфликта являются забастовки, экономические блокады, пикеты и т. д.

Объективация фрейма «социальный протест» имеет свои особенности. Рассмотрим пример экономической конфликтной ситуации, описанной в информационном сообщении под названием «Рыбаки блокируют испанские порты, протестуя против подорожания топлива»:

FISHERMEN **(S_1) BLOCK (p)** SPAIN'S PORTS **IN DIESEL PROTEST (P)**

Spanish fishermen **(S_1) mounted (P^1) a blockade (p)** of Mediterranean ports **(L)** to **protest (P)** at the cost of fuel **(Cause)** **(предпосылки конфликта)**, causing cruise holidaymakers to be stranded at sea or be diverted **(Cons) (следствие)** (Graham Keeley writes). Scores of tiny boats **stopped (p_1)** tankers, cruise ships and minesweepers from the Spanish navy entering ports **(завязка конфликта – первый инцидент)**.

Barcelona **(L^1)**, Tarragona **(L^2)**, Castellon **(L^3)**, Valencia **(L^4)**, Gandia **(L^5)**, Denia **(L^6)**, Almeria **(L^7)**, Alicante **(L^8)** and Malaga **(L^9) were closed by the blockade (p_1^1)** for the third day running **(T)**. **The strike (p_2)** spread to the Basque country (L_1), with thirty boats **blocking (p_2^1)** ports at Bilbao **(L_1^1)** and Pasajes **(L_1^2) (эскалация конфликта – второй инцидент)**.

Fish markets **($S_1^1 = L_2$ – Sympathizers)** in most Spanish Mediterranean ports **(L) were also closed (p_3) (эскалация конфликта – третий инцидент)** in sympathy with **the fishermen (S_1)**, who **are demanding** that the Government **(S_2)** give them **more subsidies (Purpose)** to help to deal with the rising price of diesel [The Times. October 27, 2005: 43].

Верхний уровень субфрейма «социальный протест», описывающего экономическое противостояние, объективируется в данном тексте глаголом protest и состоит из предиката **protest (P)** (заголовок) и участников конфликта, а именно: коллективного агенса **(S_1)** – Spanish fishermen (испанские рыбаки) и коллективного контрагенса **(S_2)** – the Government (правительство). К факультативным слотам субфрейма относятся следующие компоненты: локатив **(L)** – Mediterranean ports (порты Средиземного моря), темпоратив **(T)** – the third day running (уже три дня) и причина **(Cause)** – the cost of fuel (все увеличивающаяся стоимость горючего).

Субфрейм «социальный протест» становится когнитивным фреймом этого новостного сообщения и представляет его тему. В макропропозицию когнитивного фрейма входят все обязательные и факультативные элементы субфрейма «социальный протест», а также такой компонент, как цель **(Purpose)** – more subsidies to help to deal with the rising price of diesel (увеличение субсидий для того, чтобы справиться с растущими ценами на дизельное топливо).

Сценарий конфликта разворачивается в тексте следующим образом: 1) предпосылки конфликта: а) повышение цены на дизельное топливо; б) организация испанскими рыбаками блокады средиземноморских портов Испании; 2)

завязка конфликта – первый инцидент; 3) эскалация конфликта – второй и третий инциденты.

Частью совокупного субъекта **(S_1)** являются также сочувствующие **(Sympathizers) (S_1^1)** – торговцы рыбой, которые перешли из пассивных участников конфликта в активные. В данном случае агенс имплицируется локативом fish markets.

Действия, подразумеваемые макропредикатом **protest (P)**, выражаются глагольными предикатами block, stop, close, которые являются в данном контексте синонимами, и предикатом, выраженным существительным пропозитивной семантики the strike (субфреймы **«завязка конфликта»** и **«эскалация конфликта»)**. В свою очередь предикаты, специфицирующие block, stop**,** close, the strike, могут быть выражены глаголами более конкретной семантики, например, demand (последнее предложение текста).

Предикатом второй фазы сценарного субфрейма **«предпосылки конфликта»** является включающий предикат **mount (P^1)** – 'to plan, organize, and begin an event or a course of action' [LED], объективирующий субфрейм **«организация»** фрейма **«власть»**. В данном случае предикат **mount** сочетается с включенным предикатом **a blockade**, который выражается существительным, имеющим событийное прочтение, и занимает позицию аргумента. Включенный предикат **blockade** является одним из предикатов, конкретизирующих предикат макропропозиции protest.

В сценарном субфрейме **«завязка конфликта – первый инцидент»** макролокатив **(L)** – Mediterranean ports конкретизируется локативами **(L^1)**, **(L^2)**, **(L^3)**, **(L^4)**, **(L^5)**, **(L^6)**, **(L^7)**, **(L^8)** и **(L^9)** – Barcelona, Tarragona, Castellon, Valencia, Gandia, Denia, Almeria, Alicante and Malaga. В сценарном субфрейме **«эскалация конфликта – второй инцидент»** действие распространилось за пределы макролокатива **(L)**: макролокатив **(L)** дополняется локативом **(L_1)** – the Basque country, который включает в себя локативы **(L_1^1)** и **(L_1^2)** – порты Bilbao и Pasajes.

Не все стадии конфликта находят отражение в информационном сообщении. Часть информации передается имплицитно. Это та информация, которая является общей для автора и читателя и зависит от их социальной зрелости, знания ими специфики социальной жизни общества. Как правило, в информационных сообщениях описывается, как мы уже отмечали, собственно конфликтная стадия конфликта, т.е. объективируются сценарные субфреймы «завязка конфликта», «эскалация конфликта», «кульминация конфликта» или «завершение конфликта».

Реже описывается предконфликтная (латентная) стадия, предшествующая открытому конфликту, которая включает планирование будущих операций и подготовку к ним. Например, информационное сообщение «Профсоюз пожарных бастует»:

FIRE UNION **(S_1) STRIKES (p)**

Firefighters **(S_1)** will **stage (P^1)** the first of a series of **strikes (p)** today **(T)** **(предпосылки конфликта – вторая фаза)**. Members of the Fire Brigades Union

(S_1^1) of Suffolk **(L^1)** will **walk out (p_1)** for three hours from 7am **(T) (первый инцидент)**, followed by **strikes** on Friday **(T^1) (второй инцидент)** and on two days next week **(T^2) (третий инцидент)**. The action is in protest **(P)** at plans to cut 12 jobs **(Cause) (предпосылки конфликта – первая фаза)**. Fire crews **(S_1^2)** in Somerset **(L^2)** will **strike (p)** on Thursday **(T^3)** over insurance **(причина – предпосылки конфликта) (четвертый инцидент)** [The Times. August 2, 2005: 23].

В данной ситуации один из участников, т.е. контрагенс **(S_2),** эксплицитно не назван. Скорее всего, это департамент, в подчинении у которого находятся пожарные команды. В макропропозицию когнитивного фрейма «социальный протест» кроме имплицитного контрагенса входят также макропредикат **(P) –** protest, агенс **(S_1) –** firefighters или Fire Brigades Union, имплицитный локатив **(L)** – Great Britain, причина конфликта **(Cause)** в первом, втором и третьем инцидентах – plans to cut 12 jobs и insurance – в четвертом. Макролокатив (**L)** объединяет локативы четырех инцидентов – пропозиций **(L^1)** и **(L^2)** – Suffolk и Somerset.

Сама макропропозиция в данном новостном сообщении не эксплицирована, а выводится из пропозиций, представленных в тексте.

Спецификация макропредиката protest **(P)** – глаголы strike **(p)** и walk out **(p_1)**. Иными словами, макропредикат protest конкретизируется синонимичными глаголами strike и walk out, которые означают ‘to stop working as a protest (against something relating to their work, for example how much they are paid, bad working conditions etc.)’ [LED].

В заметке описано обе фазы, предшествующие конфликту: 1) действия первого участника (департамента) в ущерб второму участнику конфликта (профсоюзу пожарных): plans to cut 12 jobs – планы сократить 12 рабочих мест, insurance – низкая сумма страховки или ее отсутствие; 2) осознание вторым участником нарушения своих прав и планирование им ответных действий, а именно: профсоюз пожарных отреагировал решением организовать серию забастовок в графствах Саффолк и Сомерсет (были запланированы четыре забастовки как одна большая акция протеста). Вторая фаза, т.е. планирование будущих действий, становится в данном случае темой и выносится в лид. Таким образом, когнитивный фрейм «социальный протест» вербализуется в тексте как сценарный субфрейм «предпосылки конфликта» (вторая фаза).

Предикатом сценарного субфрейма **«предпосылки конфликта»** является включающий предикат **stage** – ‘to organize a public event’ [LED], который сочетается с включенным предикатом **strike**. Глагол **stage** репрезентирует, как и в предыдущем информационном сообщении, субфрейм **«организация»** фрейма **«власть»**. Включенный предикат **strike** является предикатом сценарного субфрейма **«завязка конфликта»**, в данном тексте не эксплицированного.

Каким на самом деле будет продолжение конфликта и чем закончится противостояние, читателям данного номера «The Times» пока не ясно. Возможны два варианта развития этой ситуации: 1) конфликт с нулевой суммой, когда один из участников одержит победу, а другой потерпит поражение (профсоюз либо сохранит 12 рабочих мест, либо их потеряет); 2) конфликт с положитель-

ной суммой, что означает усиление позиций обеих сторон. Оба участника конфликта хотя и частично, но добьются желаемого, не потеряв при этом лица. Здесь между сторонами конфликта возможен компромисс.

Примером объективации сценарного субфрейма «предпосылки конфликта» служит также заметка «Служащие бастуют»:

KEY STAFF (S_1) ON **STRIKE (p)**

Paris: Bus drivers, teachers and postal service staff **(S_1^1)** were among **workers** **(S_1)** across France **(L) preparing (P^1) to strike (p)** tomorrow **(T)**, demanding **(p_1)** better job protection and more pay **(Purpose)**. **Metro drivers (S_1^2)** also **planned (P^1) to join** the one-day action **(p^1)**. **A demonstration** is due to take place in the capital **(L^1)**. (AP) [The Times. October 3, 2005: 37].

В макропропозицию когнитивного фрейма «социальный конфликт» данного информационного сообщения входят имплицитный макропредикат **(P)** protest, его спецификация **(p)** – предикат strike, агенс **(S_1)** – workers, имплицитный контрагенс **(S_2)** – the Government (правительство). К макропропозиции относится также локатив **(L)** – France, темпоратив **(T)** – tomorrow (завтра, т.е. 4 октября 2005 года), цель **(Purpose)** – better job protection and more pay (усиление безопасности труда и увеличение заработной платы). Так как в заметке из всего сценарного фрейма «социальный конфликт» актуализируется лишь субфрейм «предпосылки конфликта», в ней отсутствуют репрезентации таких макроаргументов, как последствия конфликта **(Cons.)** и спецификация предиката **strike (p)**, т.е. **p_1, p_2, p_3** и т.д.

Предикат сценарного субфрейма **«предпосылки конфликта» (P^1)** – включающий предикат **prepare** (‘to make plans or arrangements for something that will happen in the future’ [LED]) (готовиться, планировать), включенным предикатом которого является предикат strike (**p)** (спецификация макропредиката protest). Синонимом **prepare** выступает предикат **plan** – ‘to make detailed arrangements for smth. you want to do in the future’ [OALD].

Включенные предикаты to strike и to join the action (= the strike) являются в данном информационном сообщении синонимами и означают ‘бастовать’.

Агенсы S_1^1 (bus drivers, teachers and postal service staff) и S_1^2 (metro drivers) являются частями макроагенса S_1 (key staff), локатив **(L^1)** (the capital) – частью макролокатива (**L)** (France).

В следующем примере описана послеконфликтная стадия, которая актуализирована сценарным субфреймом «завершение конфликта». Завершение конфликта стало темой статьи «Конец забастовки докеров на Корсике» и попало в лид:

END TO CORSICA **DOCK DISPUTE**

Ajaccio: Dock workers **(S_1)** last night **(T) suspended (P^1) a strike (p) (завершение конфликта)** that has stranded thousands of tourists **(Pat.)** on Corsica **(L) (последствия инцидента)**. The Union of Corsican Workers **(S_1^1)** says that **privatisation of a ferry company** (**Cause** – причина конфликта) will lead to **job losses**

and see **services cut** (последствия приватизации паромной компании), but it is to meet government officials today (T) **for talks to end the dispute**. Police **(S_2)** in riot gear **intervened** on Saturday to reopen the blocked port of Ajaccio to allow in food and medical supplies and let the first tourists leave. (AFP) [The Times. October 3, 2005: 37].

Макропропозиция когнитивного фрейма статьи состоит из имплицитного макропредиката **(P)** protest, агенса **(S_1)** – dock workers (докеры), имплицитного контрагенса **(S_2)** – government (правительство). В макропропозицию входит также локатив **(L)** – Ajaccio (Corsica), темпоратив **(T)** – last night (вечер воскресенья 2 октября 2004 года), причина (**Cause**) – privatisation of a ferry company (приватизация паромной компании, которая повлечет за собой потерю рабочих мест **(job losses)** и сокращение сервисных служб **(services cut)**). Особенностью развертки когнитивного фрейма «социальный протест» в данном сообщении является то, что в нем вербализуется только субфрейм **«завершение конфликта»**, который объективируется глаголом **suspend** (a strike) – 'to officially stop something from continuing, especially for a short time' [LED] – 'приостановить (забастовку)', являющимся включающим предикатом **(P^1)**. Включенный предикат a strike представляет собой конкретизацию макропредиката protest.

Предикат intervene в последнем предложении статьи свидетельствует о смене темы.

Предикат «социальных отношений» protest может конкретизироваться при описании экономического конфликта предикатами strike, demonstrate, block и т.д., которые в свою очередь поясняются предикатами меньшей степени абстрактности. Как правило, глаголы конкретной семантики используются для описания деталей происходящего конфликта.

Если перед автором стоит задача засвидетельствовать лишь факт какого-либо конфликта, используются абстрактные глаголы «социальных отношений». В этом случае разворачивается только макропропозиция, т.е. верхний уровень фрейма «социальный протест». Сценарный фрейм при этом на поверхностном уровне не эксплицируется.

3.3.3. Объективация фрейма «вооруженное столкновение»

Все конфликты подразделяются на мирные и вооруженные. В вооруженных конфликтах (это, как правило, политические конфликты) решается судьба власти (политический переворот, борьба за независимость). Вооруженный конфликт является наиболее институционализированным типом конфликтного взаимодействия.

Фрейм «вооруженное столкновение» объективируется в тексте и связан с фреймами «сражение», «поражение», «победа» и т. д.

Инцидент в вооруженном конфликте есть не что иное, как нападение, которое в свою очередь может быть рассмотрено как сложное явление, состоящее из нескольких этапов: собственно нападение и его последствия.

Вершиной фрейма «нападение» является пропозиция, основу которой составляет предикат нападения **(P)**. К элементам верхнего уровня относятся агенс **(S_1)**, контрагенс **(S_2)**, темпоратив **(T)**, локатив **(L)** и патиенс **(Pat.)** (жертва насилия).

Как показало исследование, фрейм «нападение» репрезентируют такие глаголы как, attack, charge, ambush, hit, assail, assault, raid, storm и т. д. Анализ словарных дефиниций показал, что глагол attack является прототипическим для всех остальных единиц, составляющих этот фрейм; гиперсема – сема attack. Остальные глаголы включают в свою структуру различные дифференциальные семы и образуют субфреймы, отражающие специфику ситуации атаки.

Факультативным компонентом фрейма «нападение» является характеристика нападения: 1. Интенсивность атаки – **assail**, **assault** – 'to attack smb. **violently**'. 2. Внезапность/неожиданность атаки – **ambush** – 'to attack smb./smth. **suddenly** from a hidden place'; **raid** – 'to make a surprise attack on a place'; **rush** – 'to try to attack or capture smb./smth. **suddenly**'; **storm** – 'to attack a place suddenly and capture it'. 3. Уточнение способа атаки – **charge** – 'to attack smb. **by running** directly at them', **bomb** – **'**to attack smb./smth. **by leaving a bomb in a place or by dropping bombs from a plane', bombard** – 'to attack a place **by firing large guns at it or dropping bombs on it continuously**' **[**OALD**].**

Таким образом, фрейм «нападение» объективируется в тексте как один из субфреймов – «яростное нападение», «внезапное нападение (рейд)», «способ нападения».

Нижний уровень представлен еще одним дополнительным слотом – спецификацией действия, обобщаемого предикатом нападения **(p^1, p^2, p^3, …p^n)**. Предикаты, уточняющие действие агенса, могут варьироваться в зависимости от ситуации – shoot, spark gunfight, crossfire и т. д. и в свою очередь вербализуют другие фреймы, например, фрейм «стрельба».

В состав субфреймов «внезапное нападение (рейд)», «способ нападения (бомбежка, бомбардировка, минометный обстрел)» входит такой обязательный компонент, как локатив **(L)**:

The rebels **raided** the tiny mountain town early on Tuesday [LED].

The town was heavily **bombed** in World War II [LED].

Фрейм «нападение» может также повышаться в ранге и становиться когнитивным фреймом текста.

В сценарный фрейм «нападение» в этом случае входят два субфрейма – «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)». Предикатами субфрейма «последствия инцидента (нападения)» являются глаголы kill, shoot down, massacre, slaughter, injure, wound, burn (to death), которые сами образуют такие фреймы, как «убийство», «ранение» и т. д. К обязательным компонентам этих фреймов относится патиенс **(Pat.)**:

Police **shot** one suspect when he pulled a gun on them [LED].

Gunmen **killed** two people and **wounded** six others in an attack today [LED].

Кроме того, сценарные субфреймы «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)» могут становиться когнитивными фреймами текста.

Ярким примером того, как разворачивается фрейм «нападение», является информационное сообщение под заголовком «Засада в Непале».

NEPAL **(L) AMBUSHES (P)**

Katmandu: Communists rebels **(S_1^1) ambushed (P)** two army patrols **(S_2^1)** in western Nepal **(L^1)**, **sparking gunfights (p)** that left at least thirty-four people **(Pat.^{1})** dead, including five civilians **(Pat.^{1})** caught in the crossfire, the army said. The rebels **(S_1^2) hit (P)** the patrol **(S_2^2)** near Madhuradanda **(L^2)** and also **(S_1^3) ambushed (P)** soldiers **(S_2^3)** near Chisapani **(L^3)**. The civilian deaths **(Pat.^{2}, Pat.^{3})** included a boy aged 13. (AP) [The Times. December 24, 2004: 23].

В данном информационном сообщении объективируется субфрейм «внезапное нападение (засада)», основу которого составляет предикат – **ambush** (нападать из засады), характеризующий нападение с точки зрения внезапности. Субфрейм «внезапное нападение (засада)» становится когнитивным фреймом этого текста. Предикат ambush является предикатом макропропозиции. Кроме того, в макропропозицию входят агенс **(S_1)** – rebels (повстанцы), контрагенс **(S_2)** – army patrols, патиенс **(Pat.)** – жертвы нападения, а также темпоратив **(T)** – время выхода газеты, локатив **(L)** – Nepal и спецификация макропредиката **(p)**. Глагол, специфицирующий действия агенса, – spark gunfights – ‘завязать перестрелку’.

Сценарный фрейм **«нападение»**, объективированный в данной заметке, включает два субфрейма – «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)». Первый субфрейм состоит из нескольких пропозиций (три инцидента): 1. Communists rebels (S_1^1) **ambushed** (P) two army patrols (S_2^1) in western Nepal (L^1). 2. The rebels (S_1^2) **hit** (P) the patrol (S_2^2) near Madhuradanda (L^2). 3. The rebels (S_1^3) **ambushed** (P) soldiers (S_2^3) near Chisapani (L^3).

Макропредикат ambush ‘нападать из засады’ – один и тот же для всех пропозиций. В данном контексте глагол **hit** является синонимом глагола **ambush.**

Субфрейм **«последствия инцидента (нападения)»** также включает три пропозиции: 1. Thirty-four people (Pat.^{1}) were dead. 2. Five civilians (Pat.^{1}) were caught in the crossfire. 3. The civilian deaths (Pat.^{2}, Pat.^{3}) included a boy aged 13. Первые две пропозиции относятся к первому инциденту, при этом вторая пропозиция уточняет первую. Третья пропозиция отражает последствия второго и третьего инцидентов.

Макроагенс **(S_1)** является обобщением агенсов сценарных субфреймов **(S_1^1)** – Communists rebels, **(S_1^2)** и **(S_1^3)** – rebels; макроконтрагенс **(S_2)** обобщает контрагенсы **(S_2^1)** – two army patrols, **(S_2^2)** – patrols и **(S_2^3)** – soldiers. Локатив макропропозиции **(L)** включает в себя локативы сценарных субфреймов **(L^1)** – western Nepal, **(L^2)** – Madhuradanda и **(L^3)** – Chisapani. Патиенс макропропозиции **(Pat.)** состоит из патиенсов **(Pat.^{1})** – thirty-four people, **(Pat.^{2}, Pat.^{3})** – civilians, a boy aged 13.

Несмотря на нейтральный тон заметки и полное отсутствие оценочной лексики, читатель чувствует отношение автора к действиям боевиков, убиваю-

щих мирное население. Особенно явно это проявляется в последнем предложении, в котором сообщается о том, что жертвой налетов стал тринадцатилетний мальчик.

В другой заметке «Нападения в Ираке» когнитивный фрейм «нападение» разворачивается по-другому. Акцент делается на сценарном субфрейме «последствия инцидента». Именно он становится темой сообщения и выносится в лид.

ATTACKS (P) IN IRAQ **(L)**

Suicide **bombings (p^1)** and mortar **attacks (p^2) killed** 19 people **(Pat.^{1})** in Karbala, south of Baghdad **(L^1)**, including five Bulgarian and two Thai peacemakers. Eight people **(Pat.^{2})** were **killed** and more than 30 **(Pat.^{3}) wounded** when a car bomb **exploded (P^3)** at a restaurant in central Baghdad **(L^2)** during New Year's celebrations **(T)** [The Times. January 3, 2004: 16].

В этом сообщении, также как и в предыдущем, объективируются субфреймы «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)». Три инцидента произошли, скорее всего, почти одновременно – накануне празднования Нового года. Однако основное внимание уделено не самим инцидентам, а их последствиям. Это проявляется, прежде всего, в способе репрезентации субфрейма **«инцидент (нападение)»**. Так, первые два инцидента (подрывы смертников-террористов **(p^1)** и минометные обстрелы **(p^2)**) актуализированы существительными пропозитивной семантики (suicide) bombings and (mortar) attacks. При этом агенс и контрагенс пропозиций не эксплицированы, также как и в третьем инциденте (в ресторане в центре Багдада взорвалась машина, начиненная взрывчаткой **(p^3)** – a car bomb exploded). Кто взорвал бомбу, остается невыясненным, хотя понятно, что это террористы, люди, враждебно относящиеся к миротворцам, к их присутствию в Ираке. Не эксплицирован агенс и в заголовке (Attacks in Iraq**)**. Пропозитивное существительное attacks в данном случае является макропредикатом и обобщает предикаты двух первых свернутых пропозиций (suicide) bombings (p^1), (mortar) attacks (p^2) и третьей – explode (p^3) – 'взрывать'.

При всей кажущейся нейтральности заметки позиция автора достаточно ясна. Так, во втором предложении нарушается последовательность событий: описание последствий нападения выносится на первое место. Тем самым акцентируется отрицательное отношение автора к действиям террористов, заложниками которых становятся мирные жители. Кроме того, указание точного времени взрыва (темпоратив **T** – during New Year's celebrations) подчеркивает бесчеловечность террористов, выбравших всенародно любимый праздник, когда люди наиболее беспечны и беззащитны и не ожидают несчастья.

Детально описаны последствия терактов. В результате первых двух террористических актов было убито 19 человек, среди них 5 болгарских и 2 тайских миротворцев (Pat.^{1}). В результате третьего теракта погибло 8 (Pat.^{2}) и ранено 30 человек (Pat.^{3}). При этом глаголы kill и wound употреблены в пассивной форме.

Замена активных форм предикации на пассивные, как подчеркивает Т.Г.Добросклонская, позволяет по-иному расставлять политические и идеологические акценты сообщения. Англоязычные авторы отмечают, что выбор языковых средств для выражения определенного содержания в текстах массовой информации идеологически обусловлен [Добросклонская 2005: 88 – 89].

Субфрейм **«последствия инцидента (нападения)»** содержит в данном случае два фрейма – «убийство» и «ранение», основу которых составляют предикаты kill – 'убивать', wound – 'ранить'.

Поскольку нет необходимости повторять одну и ту же информацию из выпуска в выпуск, самостоятельно может объективироваться не только сценарный субфрейм «инцидент (нападение)», но и субфрейм «последствия инцидента (нападения)». При этом в информационном сообщении может быть репрезентирована и макропропозиция фрейма «вооруженное столкновение» как единица более высокого уровня, чем сценарный субфрейм «инцидент (нападение)», который находится с ней в отношениях «часть – целое». Например:

CAMP **MASSACRE (P^1)**

Ugandan rebels **($S_1{}^1$)** belonging to **the Lord's Resistance Army (S_1)**, a messianic cult that **has waged war (P)** against **the Government (S_2)** for **18 years (T)**, **shot ($p^1{}_1$)** and **burnt ($p^1{}_2$) to death** more than 200 people **(Pat.)** (**последствия инцидента-нападения**) in **a raid (p_1)** on a refugee camp **(O)** in the north of the country **(L)** (**инцидент-нападение**). Eight more people **were killed** when security forces lost control of peaceful protest **against the massacre** [The Times. February 28, 2004: 22].

В данном информационном сообщении под названием «Резня в лагере» первое предложение содержит репрезентацию структурных макроаргументов верхнего уровня фрейма «вооруженное столкновение»: … **the Lord's Resistance Army**, a messianic cult that **has waged war** against **the Government** for **18 years**. – … Армия сопротивления Господа[1] ведет войну с правительством в течение 18 лет. Это агенс **(S_1)** – the Lord's Resistance Army, контрагенс **(S_2)** – the Government, сложный макропредикат «социальных отношений» **(P)** – wage war, темпоратив **(T)** – for 18 years.

В этой же заметке вербализуется сценарные субфреймы «нападение» и «последствия нападения», последний из них становится в этом случае когнитивным фреймом текста и выносится в начало текста, т.е. в лид. Предикат субфрейма «нападение» **(p_1)** выражен пропозитивным существительным a raid (внезапное нападение, рейд) – 'a short surprise attack on an enemy by soldiers, ships or aircraft' [OALD]. Особенность этого субфрейма заключается в том, что его обязательным компонентом, кроме агенса **($S_1{}^1$)** (Ugandan rebels) и локатива

[1] Армия сопротивления Господа (***the Lord's Resistance Army***) – националистическая парахристианская повстанческая группировка, которая действует с 1987 года, сражаясь против правительства Мусевени за установление в Уганде теократического режима, основанного на 10 библейских заповедях [wikipedia].

(L) (in the north of the country), является объект **(O)** (a refugee camp). Объект представляет собой скрытый контрагенс (camp – 'a place where people are kept in temporary buildings or tents, especially by a government and often for long periods' [OALD]). Слово *лагерь* метонимически обозначает людей, которые живут в этом лагере.

Massacre **(P^1)** – 'to kill a number of usually helpless or unresisting human beings under circumstances of atrocity or cruelty' [MWO] (устраивать резню; убивать с особенной жестокостью беззащитных или несопротивляющихся людей) – макропредикат когнитивного фрейма «последствия нападения», объективированного в данном газетном сообщении, а именно фрейма «убийство».

Компонентами субфрейма **«последствия инцидента (нападения)»** являются также предикаты, представленные глаголами shoot **(p^1_1)** – 'застрелить', burn (to death) **(p^1_2)** – 'сжечь', специфицирующие макропредикат massacre **(P^1)**, агенс **($S_1{}^1$)** – Ugandan rebels и патиенс **(Pat.)** – 200 people.

Во втором предложении объективируется второй инцидент, т.е. субфрейм «протест», который можно рассматривать как следствие первого инцидента (нападения).

Скрытая цель сообщения – осудить действия повстанцев, убивающих невооруженных людей – своих соотечественников. Многие считают, что Армия сопротивления Господа не стремится к захвату власти, а её единственная цель – терроризировать и грабить местное население, что и подтверждает данное информационное сообщение. Негативное отношение автора к действиям боевиков проявляется не только в перечислении жертв нападения, но и в выборе глагола massacre, содержащего в своем значении отрицательные коннотации. Объект убийства – беспомощные или несопротивляющиеся люди (**helpless or unresisting** human beings), способ совершения убийства предполагает особую жестокость (**atrocity** – 'an extremely cruel and violent action, especially during a war' [LED] or **cruelty** – 'behaviour or actions that deliberately cause pain to people or animals' [LED]**)**.

Сценарные субфреймы «инцидент **(**нападение)» и «последствия инцидента (нападения)» в этой заметке относятся не к завязке конфликта, а к его эскалации, так как война, развязанная повстанческой группировкой, превратилась в череду инцидентов, т.е. серию нападений и засад, и события, описываемые в данном тексте, являются не первыми подобными инцидентами в этой войне.

Рассмотрим, как разворачивается фрейм «вооруженный конфликт» в аналитических статьях на примере статьи Фрэнсиса Маласига «Сценарий заговора превращается в драму захвата заложников в одном из пятизвездочных отелей Манилы». Эта статья содержит микротексты с описанием попытки государственного переворота:

REBEL **COUP** PLOT SETS UP **SIEGE** DRAMA
AT LUXURY HOTEL IN MANILA

Rebel members of the Philippines military **(S_1)** attempted to **stage a coup (P)** today **(T)**, storming **(p^1)** a luxury hotel (Pat.) in Manila **(L)** and setting up a siege **(p^2)** in the middle of the capital **(L^1)**.

1. The drama began as several former soldiers **(S_1)** marched away from the courthouse where they had been on trial over an earlier coup attempt in 2003, and **took over (p^3)** the Peninsula Hotel **(Pat.)** in the Makati financial district of the capital **(L_1) («нападение (штурм)» и «последствия нападения (захват)») (завязка конфликта)**.

<…>

2. Joined by dozens of sympathisers from in and out of the military, the rebels (S_1) **forbade ($p^2{}_1$)** guests **(Pat.)** from **leaving** and started **issuing demands** (**$p^2{}_2$)** for President Gloria Arroyo **($S_2{}^1$)** to resign **(Purpose) («осада» и «взятие в заложники») (эскалация конфликта**). <…>

3. Several hours later the plotters **(S_1)** declared themselves ready **to surrender**, after hundreds of soldiers and special forces **(S_2)** – armed with warrants for the arrest of the plotters for contempt of court – **moved into position** around the hotel, **fired a few shots**, **drove an armoured personnel carrier** into the roped off lobby area **and let off tear gas («нападение (штурм)») (кульминация конфликта)**.

Two people **(Pat.^{1})** were reported **injured** in the army operation, but no one was **killed («последствия нападения» – фреймы «убийство» и «ранение»)**. <…>

<…> the plotters **(S_1) surrendered («сдача в плен»)**.

<…>

The military men and their civilian sympathisers (S_1), including former Vice-President Teofisto Guingona, were led in groups to waiting police buses. Several journalists were also **detained** («арест») **(разрешение конфликта)**.

Today's events have strong similarities to **the July 2003 insurrection**, when **300 junior soldiers took over the luxury Oakwood hotel** and a nearby shopping centre in Makati, **rigging the area with bombs and demanding Ms Arroyo's resignation**. **They surrendered after the daylong uprising**.

<…>

The Philippines has seen more than a dozen coup attempts since the overthrow of President Ferdinand Marcos in 1986 and residents of Manila are used to varying degrees of unrest [The Times Online. November 29, 2007].

В данной аналитической статье объективируется субфрейм «вооруженное столкновение (государственный переворот)» фрейма «социальный конфликт», основу которого составляет предикат «социальных отношений», выраженный фразеологическим сочетанием **stage a coup** – 'take control of a country, usually by means of military force' [MED] (совершить государственный переворот). Предикат attempt ('to try to do something, especially something difficult'[LED]) представляет собой включающий предикат и означает, что действие, выраженное включенным предикатом (stage a coup), не увенчалось успехом.

Обязательными компонентами этого субфрейма являются агенс **(S_1)** (rebel members of the Philippines military – заговорщики из числа филиппинских военных) и имплицитный контрагенс **(S_2)** (government – правительство). К факультативным компонентам относятся темпоратив **(T)** – today и локатив **(L)** – Manila, указание на точное расположение отеля **(L^1)** – the middle of the capital

(центр столицы), а также спецификация действия **(p)**. Глаголы, специфицирующие действия агенса, – storm **(p^1)** – ‘to suddenly attack and enter a place using a lot of force’ [LED] (штурмовать), set up a siege **(p^2)** – ‘to surround a place and try to gain control of it or force someone to come out of it’ [LED] (устроить осаду).

Субфрейм «вооруженное столкновение (государственный переворот)» становится когнитивным фреймом данного текста, в состав которого входят все компоненты субфрейма, повысившиеся в ранге, т.е. макропредикат ***stage a coup*** **(P)** и его макроаргументы (S_1), (S_2), (T), (L), (p).

В тексте фрейм «государственный переворот» дополняется сценарием, т.е. конкретизируется.

Повествование идет в хронологическом порядке. Субфреймы сценарного фрейма разворачивается постепенно, один за другим, что случается нечасто в газетных статьях.

Сценарный фрейм «государственный переворот», объективированный в данной статье, включает следующие субфреймы: 1) «завязка конфликта»; 2) «эскалация конфликта»; 3) «кульминация конфликта» и 4) «разрешение конфликта».

Первый сценарный субфрейм **«завязка конфликта»** объединяет фреймы «нападение (штурм)» и «последствия нападения». Фрейм **«нападение (штурм)»** репрезентируется глаголом **storm (p^1)**, который специфицирует предикат stage a coup. Глагол storm не эксплицирован в данном эпизоде, но восполняется из первого предложения текста. Читатель знает, что для того чтобы захватить гостиницу, нужно сначала устроить ее штурм. Мы можем восстановить хронологию событий, активировав соответствующий сценарий. Предикат фрейма **«последствия нападения (захват)»** – take over: several former soldiers **(S_1) took over** (‘to take control of something’ [LED]) **(p^1_1)** the Peninsula Hotel (Pat.). Помимо субъекта (S_1) компонентом этого фрейма является патиенс **(Pat.)** – the Peninsula Hotel. Это метонимическое обозначение жертв захвата, которые затем оказались заложниками.

Второй сценарный субфрейм **«эскалация конфликта»** представлен фреймом **«осада»**, объективированным в первом предложении текста глагольным сочетанием set up a siege **(p^2)**. Предикат set up a siege (p^2) также как и предикат storm (p^1) не развернут в пропозицию.

Предикат фрейма **«взятие в заложники»** – take smb. hostage (‘to capture smb., who may be injured or killed if people do not do what the person or group is asking, and hold him prisoner’ [OALD]. Данный предикат не эксплицирован в тексте, но подразумевается специфицирующими его глаголами. Он обозначает ситуацию, в которой осажденными оказались постояльцы гостиницы, ставшие в итоге заложниками мятежников. Предикат take smb. hostage специфицируется глаголами **forbid (**from **leaving) (p^2_1)** – ‘запрещать (покидать гостиницу)’, **issue** (demands) **(p^2_2)** – ‘выдвигать требования’: the rebels (S_1) **forbade** (p^2_1) guests (Pat. – жертвы осады, заложники) from **leaving** and started **issuing demands** (p^2_2) for **President Gloria Arroyo** (S_2^1) **to resign (Purpose)**. Цель осады и одновременно цель переворота **(Purpose)** – отставка президента Глории Аройо – **President Gloria Arroyo** (S_2^2) **to resign**. Субъект **(S_2^2)** представляет со-

бой единичный контрагенс и является частью субъекта (S_2) как его законный представитель.

Субфрейм **«кульминация конфликта»** представлен фреймом **«нападение (штурм)» и «последствия нападения»**. Агенс и контрагенс текста меняются в этих фреймах местами. Агенс **(**бывший контрагенс **S_2)** данного фрейма – soldiers and special forces (солдаты и спецподразделения, которым делегированы полномочия защищать легитимное правительство). Фрейм **«нападение (штурм)»** репрезентируется предикатом **storm**, тем же самым, который специфицировал макропредикат **stage a coup** – storm (p^1). Предикат storm не эксплицируется на поверхностном уровне, но специфицируется глагольными сочетаниями move into (position), fire (a few) shots, drive an armoured personnel carrier, let off tear gas:

… hundreds of soldiers and special forces <…> **moved into position** around the hotel (окружили гостиницу), **fired** a few **shots (**сделали несколько выстрелов), **drove** an armoured personnel **carrier** into the roped off lobby area (въехали на бронетранспортере в огороженный канатами холл гостиницы) and **let off** tear gas (распылили (там) слезоточивый газ).

Фрейм **«последствия нападения»** содержит два микрофрейма – **«убийство»** и **«ранение»**, основу которых составляют предикаты **kill** (‘to make smb./smth. die’ [OALD]) – ‘убивать’ и **injure** – (‘to hurt yourself or someone else, for example in an accident or an attack’ [LED]) – ‘ранить’: Two people (Pat.[1]) were reported **injured** in the army operation, but no one was **killed**.

Субфрейм **«разрешение конфликта»** представлен фреймом **«сдача в плен»**, который вербализован глаголом **surrender** (‘to say officially that you want to stop fighting or to stop avoiding the police, government etc. because you realize that you cannot win’ [LED]): <…> the plotters (S_1) **surrendered** (P^2), и фреймом **«арест»**. Предикат фрейма «арест» – **detain** – ‘to keep smb. in an official place, such as a police station, a prison or a hospital, and prevent them from leaving’ [OALD] (задержать): Several journalists were also **detained**. Синонимом detain в данном контексте выступает глагол **lead**: The military men and their civilian sympathisers (S_1) <…> were **led** in groups to waiting police buses. – Военные и сочувствующие им гражданские лица были доставлены небольшими группами к ожидающим полицейским автобусам (= были задержаны).

Возможны различные пути развития сценария «восстание (государственный переворот)» и, соответственно, могут быть использованы другие фреймы в отличие от тех, которые были актуализированы в данной аналитической статье. На Филиппинах данный сценарий повторяется из года в год. Автор статьи ссылается на переворот 2003 года: 300 junior **soldiers took over the luxury Oakwood hotel** and a nearby **shopping centre** in Makati. Цель переворота была той же самой – отставка президента Глории Аройо (**Ms Arroyo’s resignation)**. Однако предикат storm фрейма «нападение» данного микротекста выражает совсем другие действия участников заговора – **rig the area with bombs** (заминировать территорию).

Что касается сценарного фрейма, то в этом случае вербализуется только субфрейм «разрешение конфликта», который также включает только один

фрейм – «сдача в плен», вербализованный глаголом **surrender**: They **surrendered** after the daylong uprising.

Итак, субфрейм «вооруженное столкновение» фрейма «социальный конфликт» может объективироваться как одним словом – глаголом, так и целым текстом. В последнем случае он становится когнитивным фреймом текста. Макропропозиция данного фрейма включает макропредикат и его макроаргументы. Нижний уровень когнитивного фрейма представляет собой сценарий, который состоит из отдельных субфреймов.

Сцены каждого субфрейма могут быть представлены различными сочетаниями фреймов, объективированных глаголами «социальных отношений» разной степени абстрактности. Мы разобрали на примере аналитической статьи один из вариантов сценария. Он имеет в своем составе следующие фреймы:

1) сценарный субфрейм «завязка конфликта» – фрейм «нападение (штурм)», репрезентированный глаголом storm, и фрейм «последствия нападения (захват)», репрезентированный глаголом take over;

2) субфрейм «эскалация конфликта» – фрейм «осада» (глагольное сочетание set up a siege) и «взятие в заложники» (глагольное сочетание take smb. hostage);

3) субфрейм «кульминация конфликта» – фрейм «нападение (штурм)» (storm) и два фрейма «последствия нападения»: «убийство» (kill) и «ранение» **(**injure**)**;

4) субфрейм «разрешение конфликта» – фрейм «сдача в плен» (surrender**)** и фрейм «арест» (detain**)**.

Сценарии могут варьировать до определенных пределов, также как и предикаты, уточняющие действие агенса, и фреймы, которые репрезентируются глаголами, выражающими данные предикаты.

Последовательность субфреймов в сценарном фрейме может нарушаться в зависимости от интенции автора. Например, если автор хочет подчеркнуть последствия нападения, он может поменять субфреймы «инцидент (нападение)» и «последствия инцидента (нападения)» местами.

Если перед автором стоит задача просто засвидетельствовать факт вооруженного столкновения, для репрезентации этого события он использует существительные пропозитивной семантики (a raid, suicide bombings, mortar attacks и т.д.). Как правило, глаголы конкретной семантики используются для описания деталей происходящего конфликта для уточнения действий агенса.

ВЫВОДЫ

1. С когнитивной точки зрения дискурс представляет собой высокоорганизованную структуру, состоящую из трех компонентов – когнитивного, прагматического и лингвистического фреймов, т.е. когнитивной модели содержания, репрезентации знаний о социальном (прагматическом) контексте, повествовательных схем построения текста и семантико-синтаксических знаний.

Вершиной когнитивного фрейма является макропропозиция, основу которой составляет предикат, отображающий тип деятельности, о которой идет речь в тексте. В макропропозицию входят также макроаргументы («агенс», «объект», «причина» и т. д.).

В состав когнитивного фрейма текстов, описывающих стандартизованные ситуации с участием субъекта-агенса, входит сценарий, вершиной которого является макропропозиция.

2. Поскольку новостной политический дискурс описывает, как правило, социальные (политические и экономические) взаимодействия больших общественных групп, к его базовым концептам можно причислить три фрейма «социальных отношений» – «кооперация», «социальный конфликт» и «власть».

Мы назвали их гиперфреймами, а их субфреймы – фреймами, так как они, реализуясь в дискурсе, являются более сложными образованиями, чем фреймы семантических знаний.

Гиперфрейм «социальный конфликт», который объективируется в тексте либо как фрейм «социальный протест», либо как фрейм «вооруженное столкновение», является наиболее структурированным среди остальных гиперфреймов «социальных отношений». Он представлен в сознании индивида как поэтапно развивающийся процесс. Это объясняется институционализированностью таких конфликтов в социальной жизни индивидов как членов больших социальных групп.

3. Макропропозиция, т.е. статическая модель фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение», состоит из следующих компонентов: макропредиката «социальных отношений» (тип конфликтного социального взаимодействия, отражаемого в дискурсе) и макроаргументов (коллективного агенса, коллективного контрагенса, темпоратива, локатива, причины, следствия, цели и спецификации действия, обобщаемого макропредикатом). Сценарий (сценарный фрейм) входит в макропропозицию на правах субфрейма, т.е. как единица более низкого уровня, и состоит из шести пропозициональных субфреймов: «предпосылки конфликта», «завязка конфликта», «эскалация конфликта», «кульминация конфликта» и «завершение конфликта».

4. Фреймы «социальный протест» и «вооруженное столкновение» лежат в основе текстов, описывающих конфликтные социальные отношения. Макропредикат когнитивного фрейма «социальный протест» («вооруженное столкновение») имеет самую высокую степень обобщения. В сценарном фрейме он конкретизируется предикатами меньшей степени абстрактности. Таким образом, становится понятно, какие действия агенса обобщаются данным макропредикатом.

Предикаты сценарных субфреймов собственно конфликтной стадии («завязка конфликта», «эскалация конфликта», «кульминация конфликта») специфицируют макропредикат «социальных отношений», в то время как предикаты субфреймов «предпосылки конфликта» (первой его стадии) и «разрешение конфликта» имеют самостоятельный статус.

Сценарии когнитивного фрейма «социальный протест» и «вооруженное столкновение» могут быть представлены различными сочетаниями фреймов, которые объективируются глаголами «социальных отношений».

5. В развернутом информационном сообщении и в аналитической статье с новостными микротекстами информация разворачивается по принципу «перевернутой пирамиды». Верхний уровень, т.е. макропропозиция когнитивного фрейма, репрезентируется глаголами и существительными наибольшей степени обобщенности, которые затем конкретизируются в сценарных субфреймах менее абстрактными глаголами и существительными.

В кратких информационных сообщениях объективируется только верхний уровень фрейма, т.е. макропропозиция. Сценарный фрейм в таких текстах не эксплицируется, вследствие этого предикаты «социальных отношений» не конкретизируются, оставляя читателю домысливать детали ситуации, которые, скорее всего, ничем не отличаются от типичной (стереотипной) ситуации.

6. Последовательность субфреймов в сценарном фрейме может нарушаться в зависимости от интенции автора. Таким образом реализуется манипулятивная функция новостного политического дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании была поставлена цель выявить механизмы формирования и способы объективации фреймов «кооперация», «социальный конфликт» и «власть», глаголами «социальных отношений», показать, как фреймы «социальных отношений», вербализируемые глаголами, переходят на качественно иной уровень, реализуясь в новостном политическом дискурсе как когнитивные фреймы.

В ходе исследования мы рассмотрели различные толкования понятия «фрейм» в когнитивной лингвистике и пришли к заключению, что существует два основных вида определения этого понятия: 1) фрейм как структурная организация концепта, выраженного лексической единицей и 2) фрейм как структурная организация дискурса как когнитивного образования.

Согласно первому определению (при фреймовом подходе) глаголы, репрезентирующие фрейм, можно представить как некую структуру, за которой стоит структура данных для представления часто повторяющейся, стереотипной ситуации, сложный концепт (фрейм).

Фрейм дискурса представляют в виде высокоорганизованной и состоящей из множества компонентов иерархической структуры, которая объединяет различные виды лингвистических и нелингвистических знаний. Он состоит из трех уровней – когнитивного, прагматического и лингвистического фреймов.

Когнитивный фрейм – когнитивная модель содержания или обобщенная модель референтной ситуации. Эта модель представляет собой макропропозицию, т.е., по определению Т.А. ван Дейка, тему текста, выведенную из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса [Дейк ван 1986: 42]. Макропропозиция может выражаться тематическими ключевыми словами, основное из которых – глагол-предикат. Тематические выражения активируют области знаний, фреймы или сценарии. Мы считаем, что фрейм, репрезентированный глаголом, может повыситься в ранге и стать когнитивным фреймом текста. В этом случае глагол, который объективирует фрейм, становится макропредикатом, обобщающим предикаты пропозиций текста, обобщенных в макропропозиции.

Мы считаем, что социальные отношения, представления о которых, типизируясь, превращаются в представления о стереотипных конфликтных или кооперативных ситуациях взаимодействия больших социальных групп, моделируются в памяти как фреймы «социальных отношений».

Рассмотрев особенности ситуаций, в которых реализуются социальные отношения, различные трактовки этого понятия в социологии, психологии, политологии, и проанализировав способы отражения социальной реальности в сознании индивида, мы сделали вывод, что фреймы «социальных отношений» разделяются на фреймы «кооперация», «социальный конфликт» и «власть».

Очевидно, что фреймы «социальных отношений» как особым образом структурированные концепты являются когнитивными моделями стереотипных ситуаций для представления целерационального действия, которое требует от

человека осознания своих намерений, в отличие от традиционного действия, протекающего, по определению социологов, по однажды принятой схеме.

Как показало исследование, фреймы «социальных отношений» как сложноорганизованные концепты репрезентируются глаголами, которые были выделены нами из словаря-тезауруса П.М. Роже [Roget's International Thesaurus 1984]. Это такие глаголы, как fight, struggle, battle, protest, contend, counteract, oppose, war, wage war, revolt, rebel, strike, demonstrate, march, hold a vigil, picket, compete, campaign, contend, contest, support, help, assist, aid, back, endorse, defend, protect, guard, safeguard, shield, cooperate, collaborate, work together, pull together, stand together, rule, reign, govern, head, lead, direct, run, administer, manage, operate, control, dominate, oppress, exploit, supervise, superintend.

Они относятся к особой группе глаголов, названных нами глаголами «социальных отношений», и описывают предикаты «обобщающего состояния» (generic states по З. Вендлеру). Предикаты такого рода обозначают многообразные виды человеческой деятельности в ее общественном проявлении. В базовой структуре глаголов, выражающих предикаты «социальных отношений» группы generic states, отсутствует чувственный образ, так как они не описывают фрагменты действительности, а обобщают ряд разнородных элементарных действий, объединенных общей целью и осмысляемых как одно гиперсобытие.

Каждый из фреймов «социальных отношений» – «кооперация», «социальный конфликт» и «власть» – является многоуровневой структурой и, объединяя ряд субфреймов, профилируется как один из них. Фрейм «кооперация» состоит из трех субфреймов: «помощь», «защита» и «сотрудничество». Фрейм «социальный конфликт» содержит субфреймы «сопротивление», «протест», «вооруженное столкновение», «конкуренция». Фрейм «власть» включает субфреймы «господство», «управление», «руководство», «организация» и «контроль».

Субфрейм «сотрудничество» представлен глаголами содействия деятельности субъекта: cooperate, collaborate, work together, pull together, stand together; субфрейм «помощь» репрезентируют глаголы help, assist, aid, support, back, endorse, promote; субфрейм «защита» – глаголы defend, protect, guard, safeguard, shield. Глаголы cooperate, help, defend являются прототипическими глаголами. Остальные глаголы образуют субфреймы и отражают специфические характеристики сотрудничества, помощи или защиты.

Субфрейм «сопротивление» репрезентируют глаголы социальных отношений fight, struggle, combat, battle, contend, wage war (campaign), campaign, counteract, resist, oppose, обозначающие противодействие деятельности субъекта. Субфрейм «протест» объективируется глаголами protest, strike, demonstrate, march, hold a vigil, picket. Субфрейм «вооруженное столкновение» вербализуют глаголы fight, combat, war, fight a war, wage war (warfare), rebel, rise up, riot, revolt. Субфрейм «конкуренция» репрезентируется глаголами compete, campaign, contend, contest, fight, oppose. Глаголы oppose, protest, fight, compete являются базовыми глаголами.

К глаголам власти относятся глаголы dominate, domineer, oppress, exploit, tyrannize (субфрейм «господство»); manage, head, lead, direct, administer, operate,

command (субфрейм «руководство»); rule, run, reign, govern (субфрейм «управление»), organize, coordinate, arrange, mount, stage, set up (субфрейм «организация»); control, supervise, superintend, oversee, monitor, regulate, (субфрейм «контроль»). Глаголы dominate, rule, organize, control являются прототипическими для данных субфреймов.

Фреймы «социальных отношений» состоят из обязательных и факультативных компонентов.

В состав обязательных компонентов фреймов «социальных отношений» входят субъект и объект, которые являются, как правило, коллективными, а также предикат «социальных отношений». Это такие субфреймы, как «вооруженное столкновение», «конкуренция», «сотрудничество» (глаголы work together, stand together), «господство» и «управление».

Если глаголы, репрезентирующие фреймы «социальных отношений», каузативны, то помимо субъекта, объекта и предиката «социальных отношений», который в этом случае является включающим, к обязательным компонентам относится также включенный предикат, выражающий каузируемое действие. Каузативными являются предикаты субфреймов «сопротивление», «протест» (глаголы protest, strike, demonstrate), «помощь», «защита», «руководство», «организация» и «контроль».

Субъект фреймов «социальных отношений» всегда агентивен в отличие от объекта, который представлен различными типами аргументов в зависимости от характера социального взаимодействия. У фрейма «социальный конфликт» объект является контрагенсом, у фрейма «власть» – пациенсом, у фрейма «кооперация» – бенефактивом, кроме субфрейма «сотрудничество», объект которого представляет собой коагенс.

К факультативным элементам фреймов «социальных отношений» относятся темпоратив, локатив, а также причина, следствие, спецификация, способ и цель совершения действия. Последний компонент отсутствует в структуре фрейма «власть».

Фреймы «социальных отношений» – «кооперация», «социальный конфликт» и «власть» могут стать основанием когнитивного фрейма текста или дискурса как совокупности текстов. Их можно считать базовыми концептами новостного политического дискурса, поскольку он описывает, как правило, социальные (политические и экономические) взаимодействия больших общественных групп. Мы назвали их гиперфреймами, так как они, реализуясь в дискурсе, являются единицами более высокого уровня, чем фреймы семантических знаний (фреймы, объективированные глаголами).

Под дискурсом в нашей работе мы понимаем вслед за В.Е.Чернявской интегративную совокупность текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении.

Новостной политический дискурс представлен в текстах информационной заметки, корреспонденции, анонса, репортажа, а также в аналитических статьях, содержащих микротексты, относящиеся к информационному подстилю (фактографические врезки в начале текста, примеры в самом тексте).

Отличительной чертой новостного политического дискурса является соединение информативной и интерпретационной (манипулятивной) функций при ведущей роли первой.

Когнитивный фрейм текста, основанный на фрейме «социальных отношений», представляет собой макропропозицию, включающую все компоненты стереотипной ситуации, описывающей социальные отношения. Сценарий входит в состав фрейма на правах субфрейма. Нижний уровень фрейма – это уровень конкретной ситуации, имеющей место в реальной действительности.

В данной работе мы рассмотрели гиперфрейм «социальный конфликт», поскольку он становится основанием когнитивного фрейма новостного политического дискурса чаще остальных фреймов «социальных отношений», что свидетельствует об особом внимании общества к разнообразным конфликтным ситуациям.

Гиперфрейм «социальный конфликт» становится когнитивным фреймом текста либо как фрейм «социальный протест», либо как фрейм «вооруженное столкновение». Данные фреймы описывают политический или экономический конфликт и наиболее структурированы, т.е. четко представлены в сознании индивида как развивающийся поэтапно процесс, что объясняется институционализированностью подобных конфликтов в жизни общества.

Структурными элементами макропропозиции таких фреймов являются абстрактный макропредикат «социальных отношений», коллективный агенс, коллективный контрагенс, темпоратив, локатив, а также причина, следствие и спецификация обобщаемого макропредикатом действия, которые могут развернуться в пропозиции, т.е. в сценарные субфреймы.

Сценарий фреймов «социальный протест» и «вооруженное столкновение» состоит из шести пропозициональных субфреймов: 1) предпосылки конфликта: а) действия первого участника в ущерб второму участнику конфликта; б) осознание вторым участником конфликта нарушения своих прав и планирование им ответных действий; 2) завязка конфликта (у фрейма «социальный протест» – инцидент, у фрейма «вооруженное столкновение» – нападение); 3) эскалация конфликта (противоборство); 4) кульминация конфликта; 5) завершение конфликта; 6) последствия конфликта.

Что касается лингвистического представления когнитивного фрейма, исследование показало, что вершинные компоненты его макропропозиции (макропредикат и его макроаргументы) могут быть выражены в одном предложении, представляющем тему текста. Сценарий является динамической расшифровкой статической макропропозиции, ее временной детализацией. Каждый субфрейм сценария представляет собой пропозициональную структуру, реализуемую в отдельном предложении.

В некоторых случаях макропропозиция на поверхностном уровне не эксплицируется: ее нужно выводить из содержания всех пропозиций текста.

Макропредикат когнитивного фрейма выражается глаголом (обычно прототипическим) одного из субфреймов «социальных отношений». Предикаты сценарных субфреймов, описывающих собственно конфликт (завязка, эскалация и кульминация конфликта), являются спецификациями макропредиката, т.е.

описывают одно из конкретных действий, осуществляемых агенсом в определенный отрезок или момент времени. Каждому сценарному субфрейму соответствует свой предикат, что объясняется абстрактностью самого макропредиката, обобщающего разнородные конкретные действия. Чем абстрактнее макропредикат, тем существует больше вариантов его интерпретации и тем, соответственно, имеется больше ситуаций, сущность которых он может выражать.

Агенс и контрагенс каждого сценарного субфрейма либо совпадают с макроаргументами, либо являются их составной частью. Временные и пространственные компоненты сценарного фрейма (темпоративы и локативы сценарных субфреймов) варьируются в пределах общего временного и пространственного отрезка (макротемпоратива и макролокатива).

В тексте может вербализоваться как верхний уровень фрейма – макропропозиция, т.е. статическая модель ситуации (как правило, в первом предложении, так называемом лиде – «the lead»), так и сценарий – ее динамическая модель.

Вербализованный фрейм вместе со сценарием представляет собой тематическую сетку текста (ключевые слова или тематические выражения). В тексте субфреймы (сцены) сценария также репрезентируются глаголами, специфицирующими характер деятельности, описываемой глаголом «социальных отношений».

Таким образом, когнитивный фрейм, в основе которого лежит один из фреймов «социальных отношений», представляет собой макропропозицию, предикат которой выражается глаголами «социальных отношений» высокой степени абстрактности. Сценарный фрейм представлен фреймами, которые репрезентируются глаголами, конкретизирующими предикат макропропозиции.

Изучение особенностей развертывания фрейма «социальный конфликт» в новостном политическом дискурсе позволило нам выявить ряд закономерностей.

Развертка фрейма зависит от масштаба конфликта, жанра статьи и интенции автора.

Любой сценарный субфрейм фрейма «социальный конфликт» может стать темой текста.

В аналитических статьях большого формата может объективироваться весь сценарный фрейм «социальный конфликт». Как правило, в развернутом информационном сообщении описывается собственно конфликтная стадия, т.е. профилируются в разных сочетаниях субфреймы «завязка конфликта», «эскалация конфликта» и «кульминация конфликта», реже – «завершение конфликта». Динамические характеристики конфликта (его сценарный фрейм) могут не эксплицироваться в кратком газетном сообщении. В этом случае разворачивается только макропропозиция, т.е. верхний уровень фрейма.

Функция воздействия реализуется в новостном политическом дискурсе не столь явно как в других жанрах дискурса СМИ. Отношение автора к сообщаемой информации проявляется в нарушении временной очередности вербализованных сценарных субфреймов, в вынесении наиболее важной информации в начало статьи, т.е. в лид.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельсон Р.П. Структуры убеждений // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 317 – 380.

2. Акимов В.П. Теория кооперативных игр и моделирование распределения политического влияния: Автореф. дис. … д-ра физ-мат. наук. – М., 2002. – 40с.

3. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 89 — 98.

4. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.

5. Алефиренко Н.Ф. Языковая картина мира и культура // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 6 – 54.

6. Амирова О.Г. Семантическая модель английских глаголов управления (на материале английских глаголов govern, rule, manage, run): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2002. – 26 с.

7. Ануфриева Н.М. Квалификативные глаголы в языке и речи: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Одесса, 1986. – 15 с.

8. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 591с.

9. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

10. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136 – 137.

11. Аспекты исследования картины мира: Монография / Под общ. ред. проф. В.А. Пищальниковой и А.А.Стриженко. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – 299 с.

12. Атоян А.Д. Конфликтология: Конспект лекций. – М.: Приор-издат, 2007. – 64 с.

13. Астраускайте Д.В. Парадигматические и синтагматические аспекты семантики существительных совокупного множества в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Минск, 1989. – 16 с.

14. Бабосов Е.М. Основы конфликтологии. – Минск, 1997.

15. Базиков Р.В. Социальные стереотипы: концептуальный аспект: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Ростов-н/Д., 1999. – 28 с.

16. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Образ мира: когнитивный подход. – М.: Альтекс, 2000. – 108 с.

17. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Репрезентирование реальности: когнитивный подход. – М.: Альтекс, 2001. – 140 с.

18. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» // Вопросы философии. – 2002. – №8. – С. 52 – 69.

19. Батыгин Г.С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвина Гофмана // Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 3 – 80.

20. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации. – Киев: Киевский гос. ун-т им. Т. Шевченко, 1997. – 311с.

21. Бисималиева М.К. Функционально-коммуникативные основы синтаксического построения научно-филологического текста на английском языке: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1999. – 38 с.

22. Бобылев Б.В. Социокультурные основания политических конфликтов в России: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – Саратов, 2001. – 23 с.

23. Богданов В.В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста // Семантика и прагматика синтаксических единств / Отв. ред. И.П.Сусов. – Калинин, 1981. – С. 5 – 13.

24. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. – 123 с.

25. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25 – 36.

26. Боярский К.К., Каневский Е.А., Лезин Г.В. и др. Концептуальное моделирование текстов в историческом исследовании // Информационные технологии в гуманитарных и общественных науках. – Вып. 7: Концептуальное моделирование текстов. – СПб., 1998. – С. 3 – 14.

27. Брунер Дж. Психология познания. – М., 1977.

28. Бугазов А.Х. Социально-психологические аспекты деятельности масс. – Бишкек: Илим, 1993. – 154 с.

29. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов: Монография. – М.: Наука, 1982. – С. 7 – 85.

30. Васильева И.В. Коммуникативная ситуация в контексте переходного периода к информационному обществу: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Нижний Новгород, 1996. – 27 с.

31. Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект: Сб. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1995. – С. 185 – 229.

32. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка): Монография. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 380с.

33. Волков А.В. Конфликтология: Конспект лекций. – Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – 52 с.

34. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 9 – 30.

35. Володина М.Н. Язык СМИ – особый язык социального взаимодействия // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 11 – 39.

36. Глинский Б.А., Баксанский О.Е. Моделирование и когнитивные репрезентации. – М.: Альтекс, 2000. – 148 с.

37. Гончаренко В.В., Шингарева Е.А. Фреймы для распознавания смысла текста. – Кишинев: Штиинца, 1984. – 198 с.

38. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб. статей. – Новосибирск, 1985.

39. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.

40. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217 – 250.

41. Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингво-когнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – С. 55 64.

42. Гришаева Л.И. Семантические классы глаголов антропосферы как варианты вербализации концепта «деятельность человека» // Композиционная семантика: Материалы третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 18 – 20 сент. 2002 г.: В 2ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова, Е.М. Позднякова, В.Б. Гольдберг и др. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – Ч.1. – С. 71 – 73.

43. Гришаева Л.И. Глаголы поведения как семантико-структурный и функциональный аспекты описания: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1999. – 53 с.

44. Гришина Н.В. Психология конфликта. – СПб.: Питер, 2005. – 464 с.

45. Гулина Н.А. Соотношение социального и индивидуального в межличностном общении: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Свердловск, 1983. – 19 с.

46. Гурочкина А.Г. Когнитивный и прагмасемантический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005. – 102 с.

47. Давыдов Ю.Н. Общество // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т.1. – С. 132 – 135.

48. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петров; Под ред. В.И. Герасимова; Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989.

49. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153 – 211.

50. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 116 – 132.

51. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации.– М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 68 – 81.

52. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. – С. 234 – 257.

53. Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект: Сб. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1995. – С. 385 – 411.

54. Дмитриев А.В. Конфликтология. – М.: Альфа-М, 2003. – 336с.

55. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. – Т.1. Теория и методология. – М.: Инфра–М, 2003. – 908 с.

56. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. – Т.4. Общество: статика и динамика. – М.: Инфра–М, 2004 а). – 1120 с.

57. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. – Т.5. Социальная структура. – М.: Инфра–М, 2004 б). – 1096 с.

58. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: В 15 т. – Т. 6. Социальные деформации. – М.: Инфра–М, 2005. – 1074 с.

59. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

60. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: инновационный подход к изучению языка СМИ: Сб. трудов в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В.Ломоносова С.Г.Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 362 – 398.

61. Дроняева Т.С. Информационный подстиль // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003 – С. 290 – 317.

62. Дроняева Т.С. Новости в газете с точки зрения организации текста // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 307 – 326.

63. Дружинин В.В. Введение в теорию конфликта / Предисл. Н.В.Михайлова. – М.: Радио и связь, 1989. – 287 с.

64. Дрыгина Ю.А. Репрезентация фрейма «управление» глагольными лексемами современного английского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 23 с.

65. Дубровская О.Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 22с.

66. Елисеев С.М. Политическая социология: Учеб. пособие. – СПб.: Нестор-История, 2007. – 350 с.

67. Ермолаева Е.Н. К вопросу о ментальной модели концепта «конфликт» // Менталитет. Концепт. Гендер / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Вып.7. – Landau: Verlag Emperische Padagogik, 2000. – С. 105 – 107.

68. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.

69. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медийного дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография.

– М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФМУПК, 2003. – 656 с.

70. Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2000. – 464 с.

71. Зайченко Л.С. Функционально-семантическое поле бенефактивности в современном немецком языке // Семантика. Грамматика. Дискурс: Материалы Ломоносовских чтений 1997г. / Отв. ред. С.В. Козлов. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. – С. 9 – 10.

72. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика: Материалы первой международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998г. / Отв.ред. Н.Н.Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.П. Державина, 1998. – Ч.1. – 196 с.

73. Зеленков М.Ю. Социальная конфликтология. – М.: Юридический институт МИИТа, 2003. – 411 с.

74. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Пособие для студентов высш. уч. заведений. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – 317 с.

75. Зимичев А.М. Психология политической борьбы. – СПб.: Санта, 1993. – 160 с.

76. Злобина Е.Г. Общение как фактор развития личности. – Киев: Наукова думка, 1981. – 115 с.

77. Ильенко С.Г. К поискам ориентиров речевой конфликтологии // Аспекты речевой конфликтологии. – СПб., 1996.

78. Иванищева О.Н. Текст. Культура. Понимание: Функционирование слова с культурным компонентом значения в тексте / Науч. ред. проф. В.П.Берков. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. – 148 с.

79. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учеб. пособие. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.

80. Казаринова Н.В., Филатова О.Г., Хренов А.Е. Социология: Учебник для вузов / Под общ. ред. Г.С. Батыгина. – М.: NOTA BENE, 2000. – 300 с.

81. Калашников Д.В. Конфликты в организации и основные пути их разрешения: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 1998. – 25 с.

82. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: Монография. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

83. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

84. Карпенко А.Д. Структура социального конфликта в практическом измерении // Конфликт – политика – общество: Сб. науч. статей кафедры конфликтологии С.-Петербургского государственного ун-та / Под ред. А.И. Беглова, А.И. Стребкова. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – С. 353 – 370.

85. Касевич В.Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность: Сб. статей. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. – С. 8 – 18.

86. Касьянов В. В. Основы социологии и политологии. – Ростов-н/Д: Феникс, 2004. – 384 с.

87. Каткова Л.В. Информационные механизмы социальных отношений: философско-методологический анализ: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Иваново, 1996. – 14 с.

88. Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 23 с.

89. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269 – 288.

90. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 100 – 114.

91. Колодина Н.И. Когнитивное представление восприятия как кодирование единиц знаний // Труды Казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL – 2004 (Интеллект. Язык. Компьютер). – Казань: Отечество, 2004. – С. 29 – 37.

92. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.

93. Конфликтология / Под ред. А.С. Кармина. – СПб.: Лань, 1999. – 448 с.

94. Конфликтология: Учебник для студентов вузов / Под ред. проф. В.П. Ратникова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 511 с.

95. Копылова Н.В. Стратегии власти и подчинения в английском разговорном дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 22 с.

96. Корниенко А.В. Язык и дискурс в социологической перспективе. – СПб.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 37 с.

97. Корнилов О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: Автореф. дис. … д-ра культурологии. – М., 2000. – 45 с.

98. Корнилаева Н.Н. Языковые средства как способ моделирования восприятия в политическом дискурсе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2008. – 16 с.

99. Коробов В.К. Проблема изучения стереотипов образа жизни (теоретико-методологические аспекты): Автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 1990. – 25 с.

100. Кравченко А. И. Социология. – М.: Академический проект, 2003.

101. Кравченко А. И. Социология и политология: Учеб. пособие для студентов сред. проф. учеб. заведений. – М.: Академия; Мастерство; Высшая школа, 2000. – 312 с.

102. Кравченко В.И. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе: Монография. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. – 272 с.

103. Красильникова Е.А. Глаголы власти в современном немецком языке: семантика и валентностные свойства: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 20 с.

104. Красных В.В. Строение языкового сознания: фрейм-структуры // Когнитивная семантика: Материалы второй международной школы-семинара

по когнитивной лингвистике, 11 – 14 сент. 2000г.: В 2 ч. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редкол.: Е.С. Кубрякова и др. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та. – 2000. – Ч.1. – С. 53 – 56.

105. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.

106. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

107. Кубрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 126 – 159.

108. Кузьмичева В.А. Семантико-синтаксичекие особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «социальной деятельности по достижению цели» в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2006. – 23 с.

109. Кулаков Ф.М. Приложение к русскому изданию // Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – С. 122 – 144.

110. Купина Н.А. Идеологические стереотипы и факторы дестереотипизации // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. М.П.Котюрова. – Пермь, 2002. – С. 15 – 30.

111. Куприева И.А. Семантико-синтаксичекие особенности лексических репрезентантов фрейма «внимание»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 22 с.

112. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка: модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 145 – 150.

113. Кустова Г.И. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 123 – 133.

114. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование [Из книги «Женщины, огонь и опасные предметы»] // Язык и интеллект: Сб. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1995. – С.143 – 184.

115. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12 – 51.

116. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ: Монография. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. – 232 с.

117. Леонтьев А.А. Деятельность СМИ в системе процессов общения // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 66 – 87.

118. Леонтьев А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 97 – 107.

119. Мажников В.И. Социальный конфликт как предмет философского анализа: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Волгоград, 2000. – 23 с.

120. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе: Монография. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1998. – 200 с.

121. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект: Сб. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1995. – С.95 – 142.

122. Мельгунова А.Г. Когнитивная семантика глаголов сопротивления в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 18 с.

123. Мельник Г.С. Mass-Media: Психологические процессы и эффекты. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. – 161с.

124. Меренков А.В. Социология стереотипов. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. – 290 с.

125. Метелкина Ю.С. Социальные стереотипы: процессы формирования, виды и использование в политике (информационный подход): Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Новосибирск, 2002. – 18 с.

126. Минский М. Остроумие и логика коллективного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 218 – 309.

127. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

128. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Монография. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2005. – 320 с.

129. Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М.: Наука, 1987. – 280 с.

130. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 19 с.

131. Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Studia Linguistica: Сб. статей. Вып. XIII. Когнитивные и коммуникативные функции языка. – СПб., 2005. – С. 18 – 34.

132. Никитина К.В. Технология речевой манипуляции в политическом дискурсе СМИ (на материале газет США): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2006. – 22 с.

133. Омарова Р.А. Прагмалингвистический анализ дискурса прессы на материале немецкоязычных газет: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Караганда, 2003. – 25 с.

134. Островская С.И. Управление конфликтами в организации: Учеб. пособие. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2002. – 115 с.

135. Орлова Е. В. Формирование и изменение социальных стереотипов в процессе социального познания: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – СПб., 1992. – 17 с.

136. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (На материале внутрисемейных родословных). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 162 с.

137. Павлова Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2004.

138. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 607 с.

139. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М.: Наука, 1974. – 292 с.

140. Паршин П.Б. Метанаучные размышления о политической лингвистике: три подхода к становлению исследовательской дисциплины // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Уральского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 126 – 128.

141. Петренко В.Ф. Психосемантика массовых коммуникаций // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие по специализации. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – Ч. 2. – С. 108 – 126.

142. Петров В.В. Язык и искусственный интеллект: рубежи 90-х годов. Вступ. ст. // Язык и интеллект: Сб. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; Пер. с англ. и нем. – М.: Прогресс, 1995. – С.5 – 13.

143. Поздняков С.В. Политический протест: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – Ростов-н/Д, 2002. – 26 с.

144. Попова В.В. Социальный конфликт в условиях кризисного общества: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Иркутск, 2002. – 16 с.

145. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.

146. Правикова Л.В. Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы: Монография. – Пятигорск: ПГЛУ, 2004. – 300 с.

147. Ракитина С.В. Когнитивные основы научного текста // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии: Монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – С. 170 – 200.

148. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Рус. словари, 2000. – 415 с.

149. Рахилина Е.В. Приложение. Идеи и идеологи когнитивной семантики // Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Рус. словари, 2000. – С. 342 – 378.

150. Репина Е.А. Психолингвистические параметры политического текста (на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в.): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.

151. Рогозина И.В. Медиа-картина мира: сущность, структура, категории и функции // Аспекты исследования картины мира: Монография / Под общ. ред. проф. В.А. Пищальниковой и А.А.Стриженко. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. – С. 59 – 130.

152. Романова О. В. Семантические и функциональные особенности глаголов, выражающих концепт ПРИНУЖДЕНИЕ в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 19 с.

153. Романова О.П. Социология конфликта: Учеб. пособие. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2003. – 80 с.

154. Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов (структурные, семантические, прагматические аспекты): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – СПб., 1996. – 42 с.

155. Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 23 – 38.

156. Рыскина О.Ю. Репрезентация фрейма «принятие решения» в современном английском языке (на материале глагольной и субстантивной лексики): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 16 с.

157. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640с.

158. Салмина Л.М. Коммуникация. Язык. Мышление. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001. – 169 с.

159. Салмина Л.М. Социальные роли и стереотипы // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. статей / Отв. ред. Т.И. Ерофеева. – Пермь, 2003. – Вып.2. – 104 с.

160. Санцевич Н.А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2004. – 20с.

161. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов: Монография. – М.: Наука, 1982. – С. 85 – 154.

162. Семейн Л.Ю., Тарасова, И.А. Когнитивные аспекты лингвокультурологии: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов филологических специальностей. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 72 с.

163. Семигин Г.Ю. Политика // Новая философская энциклопедия. – М., 2001. – Т.1. – С. 272 – 274.

164. Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях. Вступительная статья // Язык и моделирование социального взаимодействия: Сб. – М.: Прогресс, 1987. – С.3 – 20.

165. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации // Проблемы психологии дискурса / Отв. ред. Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – С. 43 – 61.

166. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1998. – 160 с.

167. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. – Екатеринбург: Деловая книга, 1999. – 448 с.

168. Тагиров Э.Р., Тронова Л.С. Конфликты в обществе: от противостояния к согласию. – Казань: Изд-во КФЭИ, 1996. – 240 с.

169. Темнова Е.В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В.Красных, А.И.Зотов. – М.: МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 24 – 32.

170. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001. – 800 с.

171. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. – С. 127-140.

172. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27.

173. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004.

174. Федотова О.В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм «прикосновение» в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 22 с.

175. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983.

176. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. – С.52 – 92.

177. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию (соглашение без ущерба для договаривающихся сторон) // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 173 – 206.

178. Фомина А.Ю. Конструкция с вторичной предикацией как средство репрезентации макрособытия (на материале современного английского языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тамбов, 2007. – 18 с.

179. Харитонова Т.А. Управление конфликтами в трудовом коллективе: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 2002. – 27с.

180. Храмова Н.А. Глаголы одобрения и согласия в английском языке (семантический, синтагматический, морфологический аспекты): Дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 188 с.

181. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие / Под ред. В.Д. Бондалетова. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2005. – 184 с.

182. Худяков А.А. Пропозиции и пропозициональные модели: когнитивный аспект // Семантика. Грамматика. Дискурс: Материалы Ломоносовских чтений 1997г. / Отв. ред. С.В. Козлов. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. – С. 33 – 35.

183. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка: Учеб. пособие для студ. филол. факультетов и факультетов ин. яз. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 256 с.

184. Цыцаркина Н.Н. Предикаты обобщающего состояния в современном английском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 1992. – 16 с.

185. Чанышева З.З. Средства создания скрытой информации в тексте

(лингвокультурологический и когнитивный аспекты): Курс лекций. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 2000. – 106 с.

186. Чернышева Т.В. Тексты СМИ в зеркале языкового сознания: Монография. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та. 2005. – 292.с.

187. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 133 с.

188. Черняева А.В. Функционально-семантический анализ подкласса глаголов, репрезентирующих концепт «изменение» в английском языке: Дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 155 с.

189. Чистякова Е.А. Функционально-семантический анализ группы глаголов с семантикой созидания и придания формы: Дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 192 с.

190. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2007. – 256 с.

191. Шабес В.Я. Событие и текст: Монография. – М.: Высшая школа, 1989. – 175 с.

192. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – 2007. – № 2. – С. 3 – 17.

193. Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики: Монография. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1998. – 251 с.

194. Шейгал Е.И Семиотика политического дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

195. Шейгал Е.И., Мозгалина А.И. Концептуальное противостояние в дискурсе военного конфликта // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: Сб. научных трудов / Под ред. В.И. Карасика, Н.А. Красавского. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 119 – 123.

196. Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Пер. с англ. – М.: Энергия, 1980. – 360 с.

197. Шингарева Е.А. Синтаксис, семантика и прагматика информационного языка объектно-признакого типа (опыт реализации на ЭВМ системы квазиреферирования и поиска информации с помощью фреймов): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1979. – 20 с.

198. Ыйм Х.Я. Семантика и теория понимания языка. Анализ лексики и текстов директивного общения эстонского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Тарту, 1983. – 40 с.

199. Яскевич Т.В. Репрезентация фрейма «выбор» в современном английском языке (на материале глагольной лексики): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 1998. – 16 с.

200. Abric J.C. Cognitive Processes Underlying Cooperation // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y.: Academic Press, 1982. – P. 73 – 94.

201. Argyle M. The Psychology of Interpersonal Behavior. – Baltimore (Md): Penguin Books, 1968. – 223 p.

202. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. – N.Y.: Basic Books, 1981. – 241 p.

203. Berger P., Luckman T. The Social Construction of Reality. – N.Y.: Doubleday, 1967.

204. Bransford J.D., McCarrell N.S. A Sketch of a Cognitive Approach to Comprehension: Some Thoughts about Understanding what it Means to Comprehend // Thinking: Readings in Cognitive Science / ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. – P. 377 – 399.

205. Brown A.L. Rules and Conflict. An Inroduction to Political Life. – N.J.: Prentice-Hall, Inc., 1981. – 368 p.

206. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language use. Studies in interactional sociolinguistics. – № 4. – New York: Cambridge Univ. Press, 1978. – 248 p.

207. Deutsch M. Interdependence and Psychological Orientation // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y.: Academic Press, 1982. – P. 15 – 42.

208. Dijk van T.A. Studies in Pragmatics of Discourse. – The Hague, 1981.

209. Dijk van T.A. Text and Context. Explorations in the Semantics and Pragmatics of Dicourse. – L.; N.Y.: Longman Group Ltd, 1977. – 261 p.

300. Fauconnier G. Mental Spaces. – Cambridge, 1985.

301. Gahagan J. Social Interaction and its Management. – L.; N.Y., 1984. – 181 p.

302. Gumperz J.J. Discourse Strategies. – Cambridge, 1982.

303. Hornstein H.A. Promotive Tension: Theory and Research // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y.: Academic Press, 1982. – P. 229 – 248.

304. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: an Ethnographic Approach. – London, 1974.

305. Kets de Vries, M.F. Prisoners of Leadership. – N.Y.: John Wiley & Sons, 1989. – 246 p.

306. Leech G.N. Principles of Pragmatics. – L.: Longman, 1983. – 250 p.

307. Marias J. The Structure of Society. – Alabama: The University of Alabama Press, 1987. – 224 p.

308. McClintock Ch.G., Avermaet T.V. Social Values and Rules of Fairness // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y.: Academic Press, 1982. – P. 43 – 71.

309. Midlarsky M.I. The Disintegration of Political Systems: War and Revolution in Comparative Perspective. – Columbia: University of South Carolina, 1986. – 226 p.

310. Milton Ch. R. Human Behavior in Organizations: Three Levels of Behavior. – Englewood Cliffs, N.J., 1981. – 506 p.

311. Minsky M. Frame-system Theory // Thinking: Readings in Cognitive Science / ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. – P. 355 – 376.

312. Rivano-Fischer M. Nonverbal Behavior in Interpersonal Situations; Notes on Spatial Behavior in Public Places. – Stockholm: Almquist & Wiksell International, 1988. – 100 p.

313. Rosch E.L. Classification of Real world Objects: Origins and Representations in Cognition // Thinking: Readings in Cognitive Science / ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. – P. 212 – 222.

314. Rosch, E.L. Natural Categories // Cognitive Psychology. – 1973. – №4. – P.328 – 350.

315. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, Plans, and Knowledge // Thinking: Readings in Cognitive Science / ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. – P. 421 – 432.

316. Schwartz Sh. H., Howard J.A. Helping and Cooperation // Cooperation and Helping Behavior. Theories and Research. – N.Y.: Academic Press, 1982.

317. Starosta W.J. Noncommunication as Game in International Relations // Intercommunication among Nations and Peoples. – N.Y.; L.: Harper and Row Publishers, 1973. – P. 316 – 325.

318. Vendler Z. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. – N.Y.; Ithaka. – 1967. – №7. – P. 97 – 121.

319. Winograd T. Formalisms for Knowledge // Thinking: Readings in Cognitive Science / ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. – Cambridge; L.; N.Y.: Cambridge University Press, 1977. – P. 61 – 71.

СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996.

2. НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2001.

3. AHDEL – American Heritage Dictionary of the English Language // http://education.yahoo.com/reference/dictionary/

4. ALDCE – The Advanced Learner’s Dictionary of Current English. – M., 2001.

5. LED – The Longman Exams Dictionary. – Harlow, 2007.

6. LLA – The Longman Language Activator. – Pearson Education Limited, 2007.

7. MED – The Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – L., 2006.

8. MWO – Merriam-Webster's Online Dictionary, 11th Edition // http://www.merriam-webster.com/dictionary/

9. OALD – The Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English. – Oxford, 2005.

10. OED – The Oxford English Dictionary, Second Edition. – Oxford: Clarendon Press, 1989.

11. OT – The Oxford Thesaurus. An A – Z Dictionary of Synonyms. – Oxford: Clarendon Press, 1991.

12. Roget’s International Thesaurus 1984 – Roget P.M. Roget’s International Thesaurus. – New York: Harper & Row, 1984.

13. WNDS – Webster's New Dictionary of Synonyms. A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous Constructed Words. – Springfield, Massachusetts: A Merriam Company, Publishers, 1984.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

BNC – The British National Corpus // http://www.natcorp.ox.ac.uk/

Hussein Z. Protesters clash with Pakistan troops after court bars Nawaz Sharif // Times online. 2009. 27 February // http:// www.timesonline.co.uk/

Malasig Francis R. Rebel coup plot sets up siege drama at luxury hotel in Manila // The Times Online. 2007. 29 November // http://www.timesonline.co.uk/

The Chicago Tribune. May 31, 1994.

The Guardian. 21 October 21, 2010.

The Observer. September 9, 2001

The Post-Crescent. May 27, 2000.

The Times. April 2, 2004.

The Times. April 7, 2004.

The Times. April 10, 2004.

The Times. August 2, 2005.

The Times. December 24, 2004.

The Times. February 28, 2004.

The Times. January 3, 2004.

The Times. March 31, 2007.

The Times. May 20, 2005.

The Times. October 3, 2005.

The Times. October 27, 2005.

Thomson J. Rule, Britannia // http://www.britannia.com/rulebrit.html.

Научное издание

Цыцаркина Наталья Николаевна

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ФРЕЙМОВ «СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Монография

Редактор Н.Л. Попова

Подписано в печать	Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$	Бумага тип № 1
Печать трафаретная	Усл. печ. л. 8,12	Уч.- изд. л. 8,12
Заказ №	Тираж 200	Цена свободная

РИЦ Курганского государственного университета
640699, Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет